

QUANTUM LEAP

THE WALL

КВАНТОВЫЙ СКАЧОК

СТЕНА

Когда ты окажешься у стены,
прежде чем оглянешься,
совершай скачок...

Германия, 1961 год. Жёсткий мир опасной политики и раздоров. Берлинская Стена находится в стадии строительства. И доктор Сэм Беккет врывается в жизнь шестилетней девочки...

В роли Мисси, он чувствует себя маленьким и беспомощным. Что может сделать ребёнок, чтобы изменить судьбу Германии и всего мира? Сэму предстоит это узнать, когда он снова прыгнет...во взрослую Мисси... В тот день, когда рухнет Стена.

Благодарности

Автор с благодарностью выражает признательность за поддержку и содействие Кэтрин Птэшек, а также предложениям и поддержке Анны Нусбаум, Филлис Линам, Билла Дэвиса и других завсегдаев "GEnie", а также Линн из службы технической поддержки "Northgate". Кроме того, автор хотела бы выразить благодарность своей матери, которая никогда ничего не выбрасывала, и своей сестре, которая хранила воспоминания, с которых всё началось. Это посвящается тебе, мама, и тебе, Мэри Пэт.

Примечание Автора

Американский жилой комплекс Хайнерберг, Германия, - это реальное место. Названия улиц в Хайнерберге действительно состояли из названий штатов в сочетании с немецким словом, обозначающим "улица" — таким образом, "Техасштрассе" - это реальная улица, и описанный

многоквартирный дом действительно существовал (и всё ещё может существовать). Американские граждане, проживавшие в Хайнерберге и других местах Федеративной Республики Германия в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов, действительно держали чемоданы наготове на случай, если возникнет международная напряжённость и потребуются срочная эвакуация.

Однако автору не известно ни об одной реальной эвакуационной тревоге или учениях, проводившихся в Висбадене в указанную дату или в указанный период времени. Семья Робишо является вымышленной, и любое сходство с какой-либо реальной семьёй, проживавшей в Хайнерберге в то время или по этому адресу, является чистым совпадением.

Цитаты, которыми начинаются главы, взяты либо из реальных документов, предоставленных американскими военными своим гражданам, либо из открытых источников того времени.

Суббота, 5 августа 1961 года.

ШТАБ-КВАРТИРА 7100-го КРЫЛА ПОДДЕРЖКИ ВИСБАДЕНСКОГО
РАЙОННОГО КОМАНДОВАНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ И ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ В СЛУЧАЕ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

3.СИГНАЛЫ ТРЕВОГИ: Сигналом для оповещения будет пятиминутный нарастающий и затихающий звук сирен в районе Висбадена (не путать с одноминутным нарастающим и затихающим звуком, прозвучавшим в понедельник в полдень в тестовых целях, или менее чем через одноминутным непрерывным звуком районных сирен для вызова полиции и пожарных на выполнение обычных обязанностей. Кроме того, самолёт пролетит низко над районом Висбадена, выпустив двойные красные сигнальные ракеты.

4.ДЕЙСТВИЯ ПО ТРЕВОГЕ:

а.В случае объявления тревоги все мирные жители будут должны:

- 1) Немедленно вернуться в свои дома.
- 2) Собрать предметы, перечисленные в пункте 5 и ниже...

3) Ожидать дальнейших указаний...

4) Если с вами не свяжутся...в течение двух часов после сигнала тревоги, проследуйте в клуб "Орёл". (продолжение.)

[ГЛАВА 1]

"Дети должны быстро усвоить тот факт, что их плохое поведение может привести к тому, что их отцы подвергнутся официальному унижению." - Бесчисленные руководства по военной жизни.

К этому времени он уже знал, каково это - выпрыгнуть из чьей-то жизни, научился распознавать момент завершённости, правильности, который предшествовал этому действию.

Но он никогда, никогда не узнает, как подготовиться к тому, что произойдёт после скачка. Он никогда не знал, окажется ли он в теле беременной женщины, умственно отсталого подростка, профессора колледжа или своего лучшего друга. Или даже в теле самого себя. Он никогда не знал, окажется ли он в середине лекции в колледже или после занятий любовью, ловли летающей мухи или полёта на реактивном истребителе.

Или, как сейчас, когда удар отбросил его назад, к стене. Он ощущал удары плоти о плоть и плоти о стену, оглушительный вопль и запах можжевельных ягод.

"Барная драка?" - удивился он, прижимая руку к губе, чувствуя кровь и напрягая мускулы для сжатия в кулак в целях самозащиты.

Ещё один удар, и он обнаружил, что растянулся на полу. "Должно быть, это чертовски крупный парень," - подумал он, пошатываясь и снова поднимаясь на ноги.

Крики превращались в слова. Тёмное пятно перед ним превращалось в фигуру, невероятно высокую освещённую сзади тень с поднятой рукой. Вопреки своему желанию он отпрянул назад и снова упал.

"Не смей мне перечить!" - раздался вопль. "Чёрт бы тебя побрал, не смей мне перечить!"

Он открыл рот, чтобы сказать: "Но я не...", затем передумал. Спорить с гигантом было не в его интересах.

Рука перед ним внезапно опустилась, и крик сменился рыданием. Великанша упала перед ним на колени, а когда снова подняла руку, то неуклюже коснулась его лба. "Мисси, Мисси, милая, мне жаль, мамочке жаль, не плачь, милая, мамочка не хотела этого. Не плачь."

Мамочка? Мисси? Он опустил взгляд на себя, не столько чтобы отвлечься от алкогольных паров, сколько чтобы проверить, кем он был на этот раз.

"Ох, проклятье," - прошептал он. На нём снова было платье.

Поглаживающая рука замерла. "Проклятье? "Проклятье?" - рука поднялась и снова опустилась в молниеносной пощёчине, слишком короткой, чтобы в ней было много силы, но достаточно сильной, чтобы снова отбросить его назад. "Иди в свою комнату!" - женщина, пошатываясь, поднялась на ноги и протянула нетвёрдую руку, указывая дорогу. "Ты сейчас же пойдёшь туда, слышишь меня, и больше не выйдешь, пока я тебе не скажу!"

У него возникло искушение уползти, чтобы остаться внизу и вне досягаемости этой угрожающей руки, но что-то не позволило ему, и, кроме того, он мог двигаться быстрее, когда был на ногах и знал, чего ожидать. Он пронёсся по коридору и нырнул за указанную дверь, закрыв её за собой со вздохом облегчения.

Его лицо начало болеть, и он был уверен, что у него синяк на затылке в том месте, где он ударился о стену. Он не чувствовал никаких других травм.

С другой стороны двери доносились рыдания.

Он подумал, не стоит ли ему тоже поплакать, вместо того чтобы чувствовать...а что он вообще чувствовал? Недоумение, конечно. Шок. Неприятное чувство, что должна была быть причина, что он — нет, не он, это не мог быть он, его там даже не было — что кто-то, должно быть, сделал что-то, что вызвало эти рыдания, эти слова, эти удары. Должна была быть причина.

Но была ли причина или нет, этому не могло быть оправданий. И было легко определить эмоциональную реакцию. Сделав глубокий вдох и снова выдохнув, он решил, что это был гнев.

По мнению доброго и отзывчивого по натуре квантового физика, гнев никогда не был очень конструктивной эмоцией; он всегда слегка стыдился его. Но это был один из тех редких случаев, когда даже Сэм Беккет чувствовал, что гнев полностью оправдан. Пробормотав проклятие, он с размаху ударил ногой по воздуху.

И приземлился прямо на свой зад, запутавшись в тряпичном коврикe.

Он в очередной раз оказался прав. Гнев, определённо, не был конструктивной эмоцией.

С трудом поднявшись на ноги, потирая больное место на заднице, он, наконец, внимательно осмотрел комнату.

Двухспальная кровать с розовым покрывалом.

На стене над кроватью висела картинка с изображением диснеевской Алисы, пьющей чай с Безумным Шляпником и Мартовским Зайцем. Он сочувственно фыркнул, увидев растерянное выражение лица мультяшного персонажа. Алиса не знала и половины из того, что произошло. Изголовье кровати было белым, с имитацией позолоты и имитацией штукатурки. С одного из столбиков кровати свисала цепочка из пластиковых маргариток.

Розовая плюшевая кукла с пластмассовым личиком и потёртыми заплатками была аккуратно прислонена к кружевной подушке.

Он медленно повернулся.

Там было окно с крошечными пластмассовыми лошадками, примостившимися на подоконнике. Небольшой книжный шкаф, доверху забитый очень тонкими книгами. Миниатюрный комод рядом с полноразмерным комодом.

Миниатюрный комод был дополнен миниатюрным зеркалом. Сделав глубокий вдох, он собрался с духом, встал вровень с ним и посмотрел на человека, отражающегося в зеркале.

В зеркальном отражении оказалась очень хорошенькая маленькая девочкой. По его мнению, ей было около шести лет. У неё были длинные каштановые волосы, аккуратно разделённые на пробор и заплетённые в косу, с чёлкой, строго зачёсанной на лоб, и у неё были прекрасные фиалковые глаза. Он моргнул, зачарованно наблюдая за движением длинных ресниц, и моргнул ещё раз. Ему потребовалось мгновение, чтобы понять, что он не видит, как она моргает.

Он не мог видеть, как она моргает, потому что его глаза тоже закрывались. Его глаза, которые были её глазами, были почти такого же цвета, как синяк, растущий на щеке. Он поднял руку, чтобы осторожно дотронуться до него, и маленькая девочка в зеркале поморщилась.

Он тоже поморщился и не только из-за резкой боли в скуле. Сэм Беккет всегда считал себя гибким человеком. Адаптируемым. Разносторонним.

Но он никогда раньше не был шестилетней девочкой.

"О, Боже," - сказал он.

Вербина Бикс выпрямилась и аккуратно положила стетоскоп в карман своего лабораторного халата. Мужчина на кровати молча уставился на неё широко раскрытыми глазами, и Вербина на мгновение закрыла глаза и вздохнула. С кровати донёлся хныкающий звук, доктор снова открыла глаза и лучезарно улыбнулась.

"Здравствуйте! Меня зовут доктор Бикс. А как зовут вас?"

Его руки вцепились в покрывавшую его простыню, и он украдкой взглянул мимо неё на белые стены и на жуткий голубой свет. "Это больница?" - прошептал он. Его голос показался доктору до странности высоким.

"Это что-то вроде больницы," - согласилась она, тщательно подбирая слова. Иногда было трудно определить Посетителя, и помогала каждая подсказка. "Так как вас зовут? Вы мне так и не сказали."

"Моя мама здесь?". Он снова огляделся по сторонам, и в его глазах читалась явная тревога.

На этот раз никаких зеркал, решила Вербина. Даже никаких отражающих поверхностей. Похоже, что этот человек действительно очень молодой. "Вы не сказали мне, как вас зовут, дорогой."

"Мисси. Меня зовут Мисси. Мелисса Рене Робишо," - сказал он, тщательно выговаривая слова. "Где моя мамочка?"

"Мелисса?". Вербина поперхнулась. Не только ребёнок, но ещё и девочка? Ей потребовался глубокий вдох, чтобы прийти в себя настолько, чтобы произнести: "Это очень красивое имя. Сколько тебе лет, Мелисса?"

"Мисси," - мгновенно поправил он, а затем вздрогнул и его взгляд

заметался по белой комнате, словно ища кого-то. "Мне шесть лет". Это было сказано шёпотом.

"Ну, для шести лет ты очень большая девочка," - сказала врач. О, Боже. Сэм, где ты сейчас? Во что ты вляпался на этот раз? "Это...это похоже на больницу, Мисси. Тебе нужно остаться здесь на некоторое время."

"Мне будут делать укол?". Его руки — длинные, изящные руки музыканта - переплелись друг с другом.

"Нет, милая. Здесь тебе не будут делать никаких уколов". Она улыбнулась и похлопала по простыне.

Настороженный взгляд снова метнулся к ней, словно оценивая, а затем он осторожно спросил: "Можно мне забрать мою Сьюзи?"

Вербина погрузилась в воспоминания о своём детстве. "Сьюзи - это твоя кукла?"

Последовала вспышка благородного негодования: "Сьюзи - это моя подруга. Я слишком большая, чтобы играть в куклы."

"Конечно, дорогая." - Вербина снова вздохнула. Это дело обещало быть очень, очень сложным. "Боюсь, Сьюзи сейчас здесь нет, и мы, эм, не ожидали твоего появления здесь. Ты..." — как бы это сказать... "Ты знаешь, где живёшь?"

"Техасштрассе двадцать один, квартира пять. Квартира майора Робишо."

Это было произнесено уверенным тоном, без того состояния "аффекта", к которому доктор привыкла у своих невольных пациентов. Это застало её врасплох. "Прошу прощения?"

"Техасштрассе двадцать один..."

"Нет, нет, всё в порядке. Я услышала тебя с первого раза". Мисси съежилась, и Вербина поспешно сменила тему. Эта девочка боялась всего, что было похоже на критику. - "Ты знаешь, в каком городе ты находишься, милая?"

"Хайнерберг". И снова не было никаких эмоций. Слова не имели никакого значения для маленькой девочки. "Моя мама скоро придёт?"

Хайнерберг? Где, чёрт возьми, находится Хайнерберг? - недоумевала Вербина. Она пожала плечами: к этому всегда можно вернуться. А пока пусть Зигги, безмолвно наблюдая за происходящим, получает данные и работает с ними. "А когда у тебя день рождения, Мисси?"

"В этом месяце!". Он улыбнулся, и эта улыбка разбила ей сердце. "В этом месяце мне исполнится целых шесть лет!"

"Ты хочешь сказать, что тебе ещё нет шести?". Это даже хуже, чем я думала.

"Почти! Почти!". Он съёжился и вжался обратно в кровать, подальше от неё. "Я не вру!"

"Нет, ну конечно нет,"- успокаивающим тоном произнесла Вербина и в ней начинало зарождаться ужасное подозрение. Она сделала паузу, мысленно суммируя немигающий взгляд, скручивающиеся руки, то, как она шарахалась от своей тени, даже повторяющиеся просьбы о матери, реакцию на предполагаемые исправления. В шесть лет, конечно, она должна быть более самостоятельной? "Нет, ты не обманываешь. Я не сержусь на тебя, милая". Она осторожно потянулась и взяла одну его руку в свою и нежно погладила её. - "Здесь на тебя никто не злится, я даю тебе честное слово."

Он на мгновение расслабился, и доктор протянула руку, чтобы убрать прядь седых волос с его глаз. Его взгляд не отрывался от её руки, как будто он ожидал, что она набросится на него без предупреждения.

"Расскажи мне о себе, Мисси," - попросила она. "Расскажи мне о своей семье. Расскажи мне о Хайнерберге."

"Эл, я очень волнуюсь по этому поводу," - сказала она два часа спустя в главном конференц-зале. "Это может быть очень, очень плохо."

Невысокий франтоватый мужчина, сидящий напротив неё за столом, катал во рту незажжённую сигару. "Плохо? Насколько это может быть плохо? Ради Бога, он перемещался в серийного убийцу. Он перемещался в беременную девушку! Что может быть хуже, чем беременность?"

"Я уверена, что он нашел это очень полезным опытом для души, Адмирал." - сказала Вербина, сверкая глазами. "Беременность - это замечательная вещь. Рождение ребёнка, которого ты хотел, любил и планировал..." - она сделала паузу. Сэм Беккет, конечно, никогда не планировал забеременеть. Сменив тему, она продолжила: "Это не то, что я пытаюсь тебе здесь сказать. К настоящему времени, у доктора Беккета есть уже достаточный опыт в квантовых скачках. Я больше беспокоюсь о нашей гостье."

"Почему? Она ничего не вспомнит. Они никогда этого не вспоминают. Это тот самый эффект швейцарского сыра. Сэму этот эффект не нравится, но я всегда считал, что он работает в нашу пользу с парнями, с которыми он поменялся местами". Несмотря на звание, он не был в форме; на нём была гражданская одежда. Вызывающая, ярко выраженная гражданская одежда.

"Это не парень, Адмирал."

Её неоднократное обращение к нему по званию вместо имени наконец проняло его, и он понял, что она действительно раздражена. Он достал сигару и наклонился вперёд. "Он и раньше был женщиной."

"Это не женщина, Адмирал. Это маленькая девочка. Очень маленькая девочка. И в любую минуту она может осознать, что находится в теле взрослого мужчины. Эл, это...это своего рода жестокое обращение с детьми". Она прикусила нижнюю губу. "И самое худшее..."

"Жестокое обращение с детьми? Кто с ней жестоко обращается? Сэм? Ты что, спятила?" Эл вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате, размахивая руками, как ветряными мельницами. "Сэм Беккет никогда..."

"Я понимаю, что это не его выбор, Эл, но что будет с этой маленькой девочкой? Если она что-нибудь вспомнит об этом, это оставит ей душевную травму на всю оставшуюся жизнь". Она глубоко вдохнула и выдохнула. "И дело в том, что я боюсь, что у неё, возможно, уже есть какие-то травмы. Я думаю, что Мисси Робишо, возможно, уже является ребёнком, подвергшимся жестокому обращению."

[ГЛАВА 2]

"Хотя среди жён нет очевидного ранга, традиции и вежливость требуют надлежащего признания и уважения к тем, чьи мужья занимают ответственные посты." - Протокол, Клуб офицерских жён

Сэм вполне отдавал себе отчёт в том, что Элу и Зигги потребовалось некоторое время, чтобы понять, где и когда он очутился на этот раз. Он и сам всё ещё не был уверен в этом. Часы, проведённые взаперти в спальне,

тянулись бесконечно. Выглянув в окно, он увидел два ряда одинаковых коричневых зданий, прямоугольных, высотой в три этажа, стоящих друг напротив друга поперёк узкой улицы. Лужайку между ними усеивали молодые деревья в полной листве. Это выглядело как молодой, мрачный жилой комплекс. Улица была почти полностью свободна от движения. Он заметил несколько машин в диагональных прорезях перед зданиями; они были массивными и тупыми, в основном универсалы, относящиеся к середине-концу пятидесятых годов. Что ж, это давало ему некоторое представление о том, где он находится, даже если он еще не знал этого наверняка.

Угол наклона солнца казался неподходящим для того времени года, которое показывали деревья. На самом деле всё вокруг говорило ему о том, что он находится не в тех широтах где вырос; можно было вывезти физика из Индианы, но Индиану из физика - никогда. Он наблюдал, как вытягиваются тени, прислушивался к звукам по ту сторону двери и задавался вопросом, что, чёрт возьми, он должен был сделать на этот раз. Сообщить о пощёчине? Кому и как?

Из-за угла соседнего здания вышел мужчина с немецкой овчаркой на поводке.. Сэм наклонился вперёд, напрягая зрение; на собаке был тяжёлый намордник, и она сопротивлялась поводку. Мужчина нетерпеливо потянул её за собой, явно желая покончить с этой "прогулкой".

Наконец, собака начала обнюхивать подходящий куст, а мужчина стоял неподвижно, нетерпеливо поглядывая на часы. Сэм мог посочувствовать собаке; он начинал испытывать чувство, что ему самому хочется в туалет. Собака как раз подняла ногу, когда из громкоговорителя на некотором расстоянии раздался звук трубы.

Сэм с изумлением наблюдал, как мужчина застыл на месте, оттаскивая собаку от куста, и оставался стоять по стойке смирно, пока труба — скрипучая запись с записью трубы - играла "Отступление", а затем Национальный гимн. Мужчина не расслаблялся и не позволял собаке закончить свои дела, пока труба не смолкла.

Мужчина и собака обогнули здание и исчезли. Сэм вздохнул, поставил локти на подоконник и положил подбородок на сжатые кулаки. Через некоторое время в поле его зрения попала пара детей, направлявшихся в конец здания, а через несколько минут за ними последовали ещё трое. Он слышал слабые звуки детских криков и лениво гадал, в какие игры они играют.

Ход его мыслей был прерван резким стуком в дверь спальни. "Мисси! Иди сюда, вымой руки и накрой на стол!"

Сэм с облегчением направился к двери, задержавшись ровно настолько, чтобы позволить миссис Робишо исчезнуть в коридоре. Расположение ванной было дикой догадкой, которая оказалась удачной; он закрыл за собой дверь и столкнулся с той же проблемой, с которой, казалось, сталкивался каждый раз, когда перемещался в противоположный пол: разум, запрограммированный на один набор рефлексов, в теле, настроенном на другой. К счастью, к этому времени он научился компенсировать и приспособливаться к физическим требованиям тела, которое он занимал, какими бы они ни были. Хотя застёгивание бюстгалтера за спиной все еще представляло определённую трудность, как он помнил. К счастью или нет, Мисси была слишком мала, чтобы беспокоиться об этом.

Рядом с раковиной стояла коричневая деревянная ступенька, явно ручной работы, на которую мог встать ребёнок. После мытья рук он изучил синяк, отражённый в зеркале. Теперь он был темнее и выглядел зловеще. Сэм осторожно покачал головой — от резкого движения у него разболелась голова — и с клинической тщательностью осмотрел остальное тело ребёнка, ища другие признаки жестокого обращения.

Вдоль её рёбер виднелась пара выцветших жёлтых отметин, а на ноге - более свежая, зеленоватая. Это значило, что побои были, но не каждый день. Сэм подозревал, что они могли быть результатом пьянства матери, а отсутствие старых синяков и шрамов могло означать, что она только сейчас перешла к нападкам на свою дочь. Это могло означать, что он совершил квантовый скачок сюда, чтобы каким-то образом положить конец жестокому обращению с детьми. Он надеялся на это. Он обнаружил, что ему нравится маленькая девочка, чьё тело он занял, хотя у него никогда не было — и никогда не будет? — возможности встретиться с ней лично.

Что ж, возможно, когда-нибудь это произойдёт. Сэм перестал загадывать о будущем примерно в то время, когда застрял в прошлом. В любом случае, это не имело значения. Он сделает то, что должен был сделать, совершит скачок и... снова сделает то, что должен был сделать.

"Такова история моей жизни," - пробормотал он отражению ребёнка в зеркале.

"Мисси? Ты там что, заснула?"

"Нет...мама," - ответил он, заставляя себя произнести слова с большим трудом.

На другом конце коридора от спален находились гостиная, столовая и кухня. Две двери в дальнем конце гостиной вели в гардеробную и, предположительно, к выходу.

Его порыв прекратился, когда он заметил то, что лежало рядом с дверью. Он неуверенно оглянулся в поисках женщины — теперь, когда он знал, что превратился в ребёнка, он понял, что на самом деле она не была великаншей, — потянулся к посудному шкафчику и достал набор хрустальных бокалов.

Он ещё раз огляделся и быстро осмотрел гостиную. Да, это был выдавший виды мягкий зелёный диван у дальней стены и массивное кожаное клубное кресло, потрёпанное за годы использования. Телевизора нигде не было видно, но шкаф из вишнёвого дерева в углу с четырьмя большими дверцами вызвал смутное воспоминание, как будто у семьи Беккетов, возможно, был похожий шкаф в Индиане. Он не был уверен, но вид этого шкафа вызвал у него приступ тоски по дому.

Почётное место над диваном занимал горный пейзаж в богато украшенной раме. На полу был расстелен ковёр, который когда-то был красного цвета. На тёмном журнальном столике с искусной резьбой стояла пустая хрустальная конфетница и аккуратная стопка журналов и газет. Он сделал мысленную заметку просмотреть их, как только представится возможность. Они могли бы дать ему подробную информацию о том, где и когда он находился.

А рядом с дверью в ожидании выстроились три больших чемодана и три литровые бутылки воды.

Ничто в этой сцене не сочеталось с хрустальной посудой.

"Ты собираешься стоять там весь день?" - резко спросила женщина.
"Пошевеливайся!"

"Да, мэм!" - испуганно ответил он.

Из угла кухни на него с усмешкой смотрел мальчик лет десяти.

"О-о-о," - подумал он. "Готов спорить, старший брат девочки ничем не лучше старшего брата мальчика". А потом, испытывая чувство вины, он вспомнил, что когда-то тоже был старшим братом девочки, а также младшим братом мальчика, и задался вопросом, не был ли этот скачок чьим-то способом отплатить ему за некоторые шутки, которые он

проделывал со своей младшей сестрой Кэти.

"Чёрт возьми, Мисси! Сколько раз я должна говорить тебе пошевеливаться! Ты что, оглохла?"

Это была женщина сорока лет, среднего роста, не стройная и не коренастая, её светлые волосы были коротко подстрижены и плохо завиты, костяшки пальцев покраснели, тёмно-синие глаза были в морщинах, а лицо было болезненное и усталое. Только что она держалась за спинку стула в столовой, как будто это могло каким-то образом удержать её от падения, прижимая спинку стула к своей цветастой рубашке.

Он откашлялся. "Мам, мы...мы куда-нибудь уезжаем?"

Мать Мисси закрыла глаза. "Нет. Нет, если только они не объявят тревогу. Я же тебе уже всё это объясняла. А теперь накрывай на стол, если не хочешь, чтобы тебя отшлёпали."

Сэм осторожно обошёл её, чуть не споткнувшись при этом о трансформатор напряжения, на всякий случай держась подальше от места удара, и с благодарностью заметил, что предполагаемый брат Мисси вынимает ножи, вилки и ложки из ящика стола и раскладывает их на столешнице. Он нырнул за столовым серебром и начал обходить стол, расставляя его перед стульями. Там был ещё один стул, который нужно было поставить перед столом. Мать Мисси вышла из кухни и медленно пошла по коридору, прижав руки к вискам.

"У тебя будут неприятности, у тебя будут неприятности," - фальшиво пропел мальчик. У него были такие же каштановые волосы, как и у Мисси и такие же фиалковые глаза. Он был худым и жилистым, одетым в рубашку с длинными рукавами и серые брюки. Он встал на табурет и открыл шкаф, доставая три тарелки. Сэм подумал, не прикрывают ли эти длинные рукава синяки на теле мальчика.

Три? Только три тарелки? Сэм удивился. Ему уже хотелось, чтобы появился Эл. Было много вопросов, на которые он хотел бы получить ответы, вопросов, которые он не мог задать. Как, например, где находился их отец?

"Она настучит на тебя папе, и ты получишь, когда он вернётся," - сказал мальчик, словно отвечая ему.

Сэм снова сходил в столовую, взял тарелки, и вернулся обратно. "Когда он вернётся?" - спросил он как можно небрежнее. Как звучит голос шестилетней девочки? - отчаянно задался он вопросом, внезапно осознав

ещё одну ловушку этого конкретного скачка. Он ни за что на свете не смог бы вспомнить, как звучал голос его младшей сестры Кэти, когда ей было шесть лет.

Мальчик начал отвечать, затем остановился. "Это секрет," - сказал он, помешивая что-то в кастрюле на плите. Он передвигался по кухне так, как будто привык накрывать на стол без помощи взрослых. Сэму стало интересно, как часто мать Мисси прикладывалась к бутылке и насколько сильно. Он всё ещё размышлял, когда в гостиной пронзительно зазвонил телефон.

Мальчик выбежал, чтобы ответить на звонок.

"Квартира майора Робишо, говорит Том, могу я вам помочь?" - на одном дыхании выпалил он. Сэм моргнул. Значит, брата Мисси звали Том. Старшего брата Сэма тоже звали Том. Интересное совпадение. А это была квартира майора Робишо. И десятилетний ребёнок ответил на телефонный звонок таким образом, который заставил бы смутиться многих профессиональных секретарей.

Том осторожно положил трубку и крикнул: "Мама! Это жена полковника Бейкера!". Миссис Робишо вернулась, всё ещё бледная. Она подняла трубку, сделала паузу, чтобы глубоко вздохнуть, и весело сказала: "Дорис? Как мило, что ты позвонила."

Сэму, однако, показалось, что она выглядела не очень довольной. Круги под её глазами стали более заметными, и она продолжала тереть виски.

Том задержался, неся блюдо с тушёным мясом к столу, и открыто наблюдал за матерью. Миссис Робишо, заметив его, отвернулась. После короткого разговора она повесила трубку.

"Это русские, мам?" - спросил Том напряжённым и до странности взрослым голосом.

"Не говори глупостей, Том. Это всего лишь собрание Клуба офицерских жён."

Она больше ничего не сказала, даже когда Сэм, потянувшись за перцем и неправильно рассчитав длину своей руки, опрокинул стакан молока во время ужина. Том вздрогнул, но миссис Робишо только вздохнула, крепко зажмурился глазами, словно отрицая всю эту сцену. Сэм вскочил со стула и побежал за кухонным полотенцем, чтобы убрать беспорядок, и трапеза продолжилась в тишине.

После этого он машинально встал, чтобы убрать со стола, и был

вознаграждён слабой улыбкой. Том бросил на него недовольный взгляд и произнёс: "Могу я, пожалуйста, извиниться и пойти поиграть?"

Миссис Робишо подняла руку, чтобы задержать его, но заколебалась. "Не уходи далеко, Том. Не забудь зарегистрироваться."

"Обязательно". Мальчик оттолкнулся от стола и побежал к двери, проходя мимо чемоданов, как будто он их даже не заметил.

Сэм продолжал убирать со стола, изо всех сил стараясь, чтобы тарелки и серебро не шумели. Через некоторое время женщина, сидевшая за столом, встала и медленно пошла по коридору.

Сэм подумал, что Элу самое время появиться. Возможно, Наблюдатель мог бы подсказать ему, что делать дальше. Не то чтобы это было недостаточно ясно: детство на ферме, где не было времени на такие модные штуки, как посудомоечные машины, было отличной подготовкой к вечернему мытью посуды.

Теперь в квартире было тихо. Единственными звуками были плеск воды, звук выжимаемой губки и его собственных — то есть, Мисси — ног, когда он поднимался и опускался с металлического табурета, который Том поставил в углу. Не было ни телевизора, ни радио, никаких звуков жизни снаружи. Возможно, это было жутковато. Вместо этого это успокаивало. Это давало ему время подумать, чем-то занять руки, а также досуг, чтобы собрать воедино свои обрывочные воспоминания и выдающийся интеллект для решения проблемы того, кто он и где находится, и почему он оказался там, где оказался на этот раз.

И, возможно, попытаться восстановить ещё какие-нибудь воспоминания о своей юности. Его обожаемый старший брат Том, ветеран Вьетнама...остался жив после войны? Или был убит? В одной из версий прошлого Том умер. Но он думал, что у него сохранилось обрывочное воспоминание о том, как он был шафером на свадьбе своего старшего брата, и если это было так, Том, должно быть, выжил. Он вспомнил, как переместился в одного из членов отряда своего брата. Он думал, что спас его. Так ли это было на самом деле? Умер ли Том позже?

Он никогда не знал, когда менял что-то, оставалось ли это неизменным или нет. Возможно, именно поэтому он продолжал прыгать — чтобы закрепить прошлое таким, каким оно должно было быть.

Предположительно, для чего? Чтобы Сэм Беккет смог получить несколько докторских степеней и спроектировать гибридный компьютер с нейроэлементами по имени Зигги? Зачем ему это было делать? Чтобы он

мог прыгнуть в прошлые жизни и всё исправить, чтобы он мог получить несколько докторских степеней, и...

Это была замкнутая логика, и она оскорбляла его.

Единственным объяснением, которое его когда-либо наполовину устраивало, было то, что временная шкала, в которой находился Сэм Беккет, была не такой реальной, как те, в которые он перемещался и изменял. Он делал возможным самого себя. Делал возможным какое-то конкретное событие, возможно, что-то помимо создания Зигги. Может быть, он создал Зигги, чтобы исправить что-то, что пошло не так в его собственном прошлом. Может быть, смерть Тома?

Если Том всё ещё был жив, а Сэм всё ещё совершал скачки, это означало, что было что-то ещё. И он не мог вспомнить, что бы это могло быть, и было ли это вообще.

Каждый раз, когда он совершал скачок, он должен был что-то изменить, что-то "исправить". Исправить катастрофу, какой бы незначительной или крупной она ни была, в чьей-то жизни. Сэм уже составил сам для себя формулу этого процесса: он совершал скачок, вскоре после этого появлялся Эл с ручным пультом, который ссылался на компьютер Зигги и рассказывал ему, что, по мнению Зигги, должно было измениться, он менял это и снова совершал скачок. Конечно, за исключением тех случаев, когда Зигги ошибался, что случалось чаще всего.

Но изменения должны были быть сделаны. Они с Элом предполагали, что успех не имеет ничего общего с тем, совершит он скачок или нет, но если он не должен был что-то менять, какой смысл было вообще прыгать? Или он мог попытаться и потерпеть неудачу, и тот, кто или что бы ни управлял скачками, мог отправить его куда-нибудь ещё, чтобы попробовать ещё раз. Если это было так, то действительно должен был существовать План, конечная цель его головокружительного путешествия через последние сорок с лишним лет истории. И каждая неудача означала ещё больше скачков, пока всё, что было в общей схеме вещей, наконец-то выправится, и он мог вернуться к тому, чтобы быть Сэмом Беккетом в теле Сэма Беккета и во времени Сэма Беккета. Он хотел вернуться домой.

В такие моменты он был благодарен за рутинную работу по дому, например, за мытьё посуды. По крайней мере, с грязным столовым серебром он мог справиться.

Он закончил вытирать хрустальные бокалы для воды и вынес их, чтобы аккуратно поставить на обеденный стол. Он не хотел рисковать и разбить

один из них; это были прекрасные вещи, собирающие лучи света в вырезанные вручную острые края и отбрасывающие их обратно в виде радуг на серые стены. Он задавался вопросом, были ли они семейными реликвиями, и если да, то почему их использовали для обычного ужина.

И это вернуло его к первоначальному набору стандартных вопросов. Кто. Когда. Где. Почему.

Он переместился в тело Мисси Робишо, которой было в лучшем случае шесть лет. У Мисси был брат Том и мать, которая страдала головной болью. У неё также был отец, майор Робишо, который таинственным образом отсутствовал. Вот он то и был этим самым "кто".

Судя по машинам, текущее время было концом пятидесятих годов. Он не увидел ничего, что противоречило бы этой оценке; он проверил газеты и журналы на журнальном столике, чтобы лучше понять дату. Ему действительно показалось довольно странным, что здесь не было телевизора. Он вырос с ним, и его отсутствие в этом доме ощущалось как пустота, на месте вырванного зуба — не больно, конечно, но отсутствие совершенно непропорционально его размеру. Телевидение должно было быть здесь; он же мог совершать скачки только в пределах своей собственной жизни.

Он задавался вопросом, чей это был план на самом деле и кто решил, что на этот раз ему нужно стать шестилетней девочкой, чтобы исправить всё, что бы это ни было. Бог? Судьба? Зигги? Чистая случайность? Нет; если бы это была случайность, ему не пришлось бы ничего менять, чтобы снова прыгнуть. Во всём этом должна была быть какая-то причина, какой-то замысел.

Самая ужасная возможность из всех заключалась в том, действительно ли это был его собственный замысел, и запрограммировал ли он Зигги сделать это с самим собой?

Что было такого ужасного в жизни Сэма Беккета, что он взял на себя смелость изменить вселенную? Насколько он знал или помнил, он не был эгоистом до такой степени, чтобы небрежно изменять жизни других людей в соответствии со своими желаниями. Или он таким был?

Он вздрогнул, отвергая эту мысль.

"Кто-то ходит по твоей могиле?" (В английском языке используется это выражение, используемое при непроизвольной дрожи или содрогании. прим. пер)

Наконец-то это был Эл, одетый в элегантный красный костюм с алой фетровой шляпой в тон и пёстрым галстуком, контрастирующим с чёрной рубашкой. Сэм от удивления чуть не уронил тарелку из костяного фарфора. Не из—за одежды — для Эла она была практически сдержанной, - а из-за внезапности его появления из ниоткуда. Что, в некотором смысле, было совершенно точным описанием.

"Где ты был?". К настоящему времени этот вопрос стал практически ритуальным.

"Работал," - сказал Эл, самодовольно размахивая незажжённой сигарой. "Пытался понять, почему ты здесь. Это нелегко, когда Вербина даже не позволяет мне поговорить с человеком в Зале Ожидания." - Эл внимательно оглядел его, от кончиков пальцев до макушки, заплетённой в косичку. "Ой, ты такой милый. Но кто тебе уже поставил фингал?"

Сэм украдкой оглянулся через плечо, прежде чем задать следующий вопрос. Иногда у него возникали проблемы с тем, чтобы запомнить, что другие люди не могли видеть Эла, и его разговоры с Наблюдателем Проекта были похожи на разговоры с воздухом. Но на этот раз никого не было видно, и, судя по тишине в коридоре, было непохоже, что миссис Робишо выйдет в ближайшее время.

Поэтому он пожал плечами и ответил: "Не бери в голову. Почему Вербина не позволяет тебе поговорить с ней? Ты хочешь сказать, что у тебя нет никакой информации?"

Эл вздохнул. "О, у меня есть информация. Даже больше информации, чем мне хотелось бы. Это просто не совсем та информация, которая мне нужна, если ты меня понимаешь. Но Вербина не пускает меня в Зал Ожидания, потому что боится, что наша Посетительница поймёт, что она находится в твоём теле, а наш психиатр боится, что это травмирует её маленький разум."

Почему Мисси Робишо должна быть травмирована больше, чем любой другой Посетитель? - уже хотел спросить Сэм. Затем он посмотрел на розовое игровое платье и передумал. Он не часто задумывался о том, как обращаются с его собственным телом, которое принимало в себе разумы, души, осознания или что бы это, чёрт возьми, ни было ещё, там, в Зале Ожидания; он подозревал, что это как-то связано с тем, что он подсознательно старался этого избегать. Но если он закрывал глаза и попытался представить, что его тело занимает шестилетняя девочка...Его собственные проблемы с ванной не могли сравниться с этим.

"Так как же ты тогда получил информацию?"

Эл выглядел самодовольным. Сэм давно научился не доверять этому выражению лица.

"Ну?" - требовательно спросил он.

Эл продемонстрировал коллекцию цветных кубиков, которые связывали его с Зигги, и устроил великолепное шоу, продемонстрировав получение данных. "Как оказалось," - объявил он, - "У нас есть имя, и это имя фигурирует во множестве файлов, начиная от Министерства обороны и заканчивая КГБ. То, что раньше было КГБ," - поправил он себя. От старых военных привычек было трудно избавиться. "Ты находишься в теле Мисси Робишо, и сегодня суббота, 5 августа 1961 года..."

"Почему Мисси должна быть в файлах КГБ?" - перебил Сэм.

Эл наградил его свирепым взглядом. "Как я уже говорил, Мисси - дочь майора Фрэнка Робишо, в настоящее время приписанного к лагерю ВВС США Линдси, Висбаден, Германия. Она попала в досье КГБ, потому что у её отца были засекреченные обязанности, связанные с грузовыми самолётами, и КГБ хотел знать всё о военнослужащих США и каждом члене их семей на случай, если они смогут как-то использовать эту информацию. Она есть в досье Министерства обороны, потому что находится на иждивении."

"Как это может быть 1961 год?" - вернулся Сэм к первоначальному утверждению Эла. "Там на улице нет ни одной машины такой модели."

"Потому что," - сказал Эл, со вздохом отказываясь от запланированной презентации, - "Военнослужащие, дислоцированные в Европе, не получили новейшие модели. Во-первых, они не могли себе их позволить. Если только у них не было семейных денег, или им не везло в покере, или ещё в чем-нибудь", - внёс поправку он, отчётливо вспоминая свои собственные дни службы.

"Я в Европе?". До него наконец дошёл второй фрагмент информации. "Я никогда раньше не перемещался в Европу! Эл, это фантастика!"

"Если быть точным, ты находишься в Хайнерберге, жилом комплексе Военно-Воздушных Сил недалеко от Висбадена, Федеративная Республика Германия. И ещё..." - он приподнял кустистую бровь, глядя на Сэма, который воспринял предупреждение больше не перебивать. "Через неделю русские собираются начать строить Берлинскую Стену."

[ГЛАВА 3]

Управление гражданского персонала ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ КРЫЛО ШТАБА
7100 Военный пост в Висбадене 22 мая 1952 года:

"Все наёмные работники перед приёмом на работу должны иметь следующее: удостоверение личности, политическое удостоверение; регистрацию в полиции Германии при приёме на работу из другого населённого пункта; медицинский осмотр и иммунизацию у военных хирургов; карточку социального страхования; и налоговую карточку на заработную плату..."

"Берлинская стена? Ты же не предполагаешь что я здесь для того, чтобы остановить строительство Стены?" - чуть не упал со стула от шока Сэм.

"Нет, конечно, нет." - Эл ткнул в кнопку на ручном пульте и нахмурился. "По крайней мере, мы так не думаем...Нет, уже слишком поздно останавливать строительство Стены. Восточные немцы уезжают тысячами, каждый день, а русские — да. Они только что запретили министрам ехать на межконфессиональную конференцию в Берлине. Нет, Мисси не собирается останавливать строительство Стены."

"Итак," - сказал Сэм с преувеличенным терпением, - "Что я здесь должен сделать? Что-нибудь для Мисси?"

Эл слегка смутился. "Ну, вообще-то..."

"Дай угадаю. Ты не знаешь." - Сэм бросил кухонное полотенце рядом с тем местом, где стоял бы Эл, если бы там на самом деле стоял Эл, а не его голограммное изображение. - "Я думал, ты говорил, что у тебя есть все эти файлы на неё?"

Эл задал сигару между зубами. "Ну. Вроде того. У нас есть досье на её отца; он так и не получил повышения выше майора. Он всё ещё жив. Её мать, так посмотрим...". Поток данных был фрагментированным и трудночитаемым; он ударил по ручному пульту, и путаница снова превратилась в слова. "Её мать умерла в 1989 году. У её брата совершенно обычная работа инженера-электрика, он женился, у него двое детей."

"А Мисси?"

Эл покосился на него. Это было тревожно — одной частью своего сознания, частью, связанной через Зигги, он мог видеть доктора Сэмюэля Беккета. Но другой он мог видеть маленькую девочку, бросающую на него мятежный взгляд, её нижняя губа была выпячена, а пряди волос выбивались из длинных косичек. В этом скачке Сэму придётся научиться заплетать волосы. Эл подавил улыбку.

"Мисси остаётся незамужней. Получает докторскую степень по психологии — вот кстати это интересно, возможно, это из-за её детства? Кажется, что она совершенно счастлива". Он покачал головой. "Я не знаю, изменит ли это то, что ты перенёлся в её детство."

"Так что же случилось с Мисси в августе 1961 года?"

Эл глубоко вздохнул и пожал плечами. "Насколько мы можем судить, ничего". Канал передачи данных мигнул. "О, подожди. Нет. Она сломала руку."

У Сэма — или Мисси — отвисла челюсть. "Она сломала руку? Ты хочешь сказать, что я переместился сюда, чтобы уберечь шестилетнего ребёнка от перелома руки? Зигги уверен в этом? Что случится, если её не вправят правильно?"

Кубики канала передачи данных светились в какой-то последовательности, которая имела смысл только для компьютера. Эл прищурился на экран. "Э-э, нет. Похоже, это не имеет никакого значения. Зигги говорит, что вероятность того, что ты здесь для того, чтобы уберечь её от перелома руки, составляет всего шестьдесят два процента."

"И это всё, что у тебя есть? Как это происходит?"

"Это всё, что у нас есть на данный момент," - поправил его Эл. "И мы не знаем, как это произошло. Эта часть нигде не была записана, даже в больничных записях. Зигги не может получить доступ к тому, что никогда не записывалось, ты же знаешь. Он не умеет читать мысли". Кроме, может быть, твоих и моих, чуть было не вырвалось у Эла. Он не был уверен в этом. Связи, чипы Зигги, в конце концов, были сделаны из его нервной ткани и ткани Сэма — вот почему он был Наблюдателем и вот почему он всегда мог найти Сэма, в конце концов, независимо от того, в какой конкретный период времени тот находился в данный момент.

"А ты не можешь спросить у неё?"

"Спросить кого и о чём?"

Сэм резко обернулся и увидел мать Мисси, стоящую в дверях. "Ах..."

"О чём спросить? С кем ты разговариваешь?". Голос женщины звучал сердито.

Эл решил, что сейчас самое подходящее время исчезнуть и оставить Сэма наедине с неизбежными объяснениями. Он помахал пальцами на прощание и нажал кнопку на ручном пульте, которая открывала дверь обратно в Ускоритель.

Голографическая Камера Проекта "Квантовый скачок" выглядела так же, как и всегда, восьмиугольная бело-голубая комната со светящимися панелями вместо стен. Он стоял на серебряном диске. Другой парил над его головой. Он выдохнул, хотя и не осознавал, что задерживал дыхание, и произнёс: "Зигги?"

"Адмирал Калавичи," - отозвался бестелесный женский голос. "С тех пор, как вы ушли, никаких видимых изменений не произошло."

Теперь он знал, что задерживает дыхание. То, что Сэм застрял в ловушке времени, означало, что на Проекте было не всё так стабильно. Мелочи могли меняться. Время от времени происходили серьёзные изменения. До сих пор изменения происходили сами по себе, и никто кроме Зигги и Эла, не мог понять, что что-то изменилось. Тем не менее, время от времени кадровые вопросы становились интересными.

"Который час?" - спросил он, спускаясь по трапу в Диспетчерскую.

"Шесть часов вечера," - проинформировал его голос. "Большая часть персонала находится в кафетерии."

На самом деле в Диспетчерской никого не было, даже техника, который работал бы за большим столом из цветных кубиков, увеличенной версией ручного пульта, занимавшего большую часть пространства в центре комнаты.

"Есть ли кто-нибудь с...в Зале Ожидания?"

"Только наш Посетитель". Зигги был раздражён. Компьютеру не нравилось, когда его оставляли одного.

Эл сделал паузу и поднял глаза к потолку. "Она одна? Вербина тоже ушла ужинать?"

"Совершенно верно, Адмирал". Последовала пауза, пока компьютер сопоставлял обмен данными со своей базой данных о поведении Эла Калавичи, сделал прогнозы и осторожно добавил: "Доктор Бикс специально запретила вам входить в Зал Ожидания во время этого

скачка, Адмирал."

"Ой, да ладно. Я просто хочу задать пару вопросов. Я бы не причинил ей вреда."

"Доктор Бикс обеспокоена возможным психическим ущербом, который может возникнуть у ребёнка, если она вспомнит, что находилась в теле доктора Беккета."

"Эй, если бы должен был быть нанесён какой-то ущерб, он бы уже был нанесён, верно? Если она очнулась, значит, она и так уже поняла это. И я бы не причинил ей вреда. Давай, Зигги. Ты можешь найти нужную нам информацию? Которая нужна Сэму?"

"Я использую несколько направлений расследования," - запротестовал компьютер.

"Но нам бы очень помогло, если бы у нас были какие-то идеи, не так ли?". За пять браков Эл отточил умение хитрить.

Зигги, хотя и был более невосприимчивым, чем любая из его бывших жён, и не был обременён гормонами, мог распознать упрямую решимость, когда обнаруживал её. "Я полагаю, вам потребуется заблаговременное предупреждение, если доктор Бикс вернётся с ужина."

"Бинго," - воскликнул Эл и направился в Зал Ожидания.

Как и все рабочие зоны в центре Проекта, Зал Ожидания был выполнен в основном в белом цвете, с синим оттенком за счёт непрямого освещения. Больничная койка, последнее достижение медицинской техники, была установлена в центре комнаты. Лестница у дальней стены вела в Комнату Наблюдения, где обычно сидел техник, следивший за освещением и показаниями приборов. Но в этот вечер техника не было; человек в Зале Ожидания не ограничивал себя тем, что лежал в кровати.

Эл остановился в дверном проёме, наблюдая за происходящим. Другой обитатель комнаты сидел на дальней стороне кровати, опустив голову и, по-видимому, уставившись в пол. Белый лабораторный костюм был натянут на широкие плечи. Каштановые волосы, отросшие немного длиннее обычного, ровно лежали на затылке.

Эл прикусил губу. Каждый раз, когда он входил в эту комнату, ему хотелось выкрикнуть имя, которое должно было соответствовать человеку, сидящему на кровати, и каждый раз ему приходилось заставлять себя остановиться и посмотреть ещё раз.

Человек на кровати встал и повернулся.

Глаза Эла непроизвольно закрылись в знак отрицания.

Это был Сэм Беккет: это определённо было тело Сэма Беккета. Это был мужчина лет сорока с небольшим, высокий, подтянутый, но не слишком мускулистый, открытые и честные карие глаза, чётко очерченный подбородок, пожалуй, чуть длинноватая, выбившаяся прядь волос, поразительно седая на фоне каштановых, свисала над левой бровью.

Но тело Сэма Беккета не двигалось с привычной ловкостью; поворот был неуклюжим, и одна рука вытянулась, чтобы ухватиться за простыни, чтобы предотвратить падение.

И, заглянув в эти глаза Эл, увидел вместо Сэма Беккета маленькую девочку шести лет, перепуганную до смерти.

Он задумался, так ли уж, в конце концов хороша эта идея.

"Привет," - сказал он, протягивая руку.

Сэм — то есть, Мисси - отодвинулась от него. Было очевидно, что ей говорили никогда не разговаривать с незнакомцами, а всё, что она видела за последние несколько часов, были незнакомцы — Вербина и её сотрудники. Даже её собственное тело внезапно стало чужим.

"Меня зовут Эл," - сказал Эл. "Доктор Бикс сказала мне, что тебя зовут Мисси. Красивое имя". Он опустил руку и остался на месте, и человек сидящий напротив него на кровати на мгновение расслабился.

"Бьюсь об заклад, ты думаешь, что это довольно странное место," - продолжил он. "Ты когда-нибудь бывала раньше в подобном месте?"

Мисси покачала головой Сэма. Нет.

Эл понял, что он неправильно сформулировал этот вопрос. Ему нужен был вопрос, требующий ответа большего, чем "да" или "нет".

И тут он понял, что у него есть ещё одна тетива для лука. "Мисси, твой папа служит в Военно-Воздушных Силах, не так ли? Какое у него звание?"

"Майор," - последовал незамедлительный ответ. Голосовые связки Сэма Беккета звучали гораздо глубже, чем собственный голос Мисси, но она слышала его ушами и мозгом Сэма Беккета, и она не испугалась из-за высоты тенора.

"Раньше я служил на флоте," - признался Эл. "Я был Адмиралом."

В широко раскрытых глазах зажёгся мгновенный скепсис. Как и любая дочь военного, она хорошо разбиралась в званиях, а мужчина перед ней не был похож на Адмирала. Адмиралы не носили красных костюмов. Только Санта-Клаус носил красный костюм.

"Смотри," - сказал Эл. - "Я покажу тебе своё удостоверение." - он порылся в нагрудном кармане в поисках бумажника и вытащил карточку. - "Видишь?"

Ему пришлось положить его на кровать между ними. Как только он отступил на несколько шагов, Мисси подняла его и осмотрела, переводя взгляд с фотографии на Эла и обратно. Даже в шесть лет ребёнок военного знала как выглядит удостоверение личности, но Эл надеялся, что она была слишком мала, чтобы заметить разницу между теми, которые ее родители показывали каждый раз при входе в магазин, и удостоверениями личности, выданными в конце девяностых годов. Например, в карточках Робишо, вероятно, не использовалась голограммный Американский флаг, чтобы их не дублировали.

Она внимательно смотрела за изображением флага, наклоняя карточку взад-вперёд, чтобы заставить его развеяться, но приняла это за одну из тех странных вещей, которые делают Военно-Морские Силы. Неохотно отдавая карточку, она посмотрела на него совершенно по-другому.

"А теперь, Мисси, ты ведь хочешь вернуться домой, не так ли?"

По её лицу пробежала тень, но она ответила достаточно быстро. "Да, сэр."

"Хорошо. Мне нужно задать тебе несколько вопросов, и мне нужно, чтобы ты рассказала мне всё, что сможешь. Ты можешь это сделать?"

"Да, сэр". Она была послушна. Бдительна. Уважительна. Эл задавался вопросом, сколько проблем она создавала, когда была одна, сама по себе.

"Хорошо. Итак, ты живёшь в Хайне..." - он запнулся.

"В Хайнерберге."

"Да. Ага. Хорошо. С твоей мамой, твоим папой и твоим братом, верно?"

"И Мартой."

"Мартой?". Кто такая Марта, чёрт возьми, и почему Зигги ничего о ней не сказал? "Расскажи мне о Марте."

"Марта - наша горничная. Она живёт внизу, в комнатах для прислуги."

Приглушенный писк из динамика говорил о том, что Зигги передумал дополнять эту информацию, по крайней мере, пока Эл разговаривал с Мисси. Эл сделал мысленную пометку провести долгий разговор с компьютером, как только закончит беседовать с ребёнком.

"А как выглядит Марта?". Это была совершенно новая информация; скачок Сэма мог иметь какое-то отношение к ранее неизвестной Марте.

"Она старая. Она делает розы из масла, когда я его режу."

Эл закрыл глаза и кивнул. Конечно. "Тебе нравится Марта?"

"Она не очень хорошо говорит по-английски," - задумчиво сказала Мисси. "И по-немецки она говорит не очень хорошо."

Эл открыл рот, чтобы задать ещё один вопрос, затем снова закрыл его. По-немецки тоже не очень хорошо? "Откуда ты знаешь?"

"Я спросила Ренату. Она говорит, что она ПЛ."

Теперь Эл был в полном замешательстве. "Рената...она - перемещённое лицо?". В Германии? Ну, конечно, но в 1961 году? Не слишком ли поздно, шестнадцать лет спустя после войны?

"Что?". Мисси тоже растерялась и в результате отстранилась. Она знала инициалы, но, очевидно, не знала, что они означают.

"ПЛ, милая. Рената - это ПЛ? Кто такая Рената?"

"Нет". Её голос был резким от разочарования, и она коснулась лба Сэма, убирая прядь седых волос со лба. "Рената - моя подруга. Марта - ПЛ."

"Ох". Яснее не стало. Эл решил сменить тему. "Ладно. Расскажи мне о своём папе."

Подозрение вспыхнуло снова. "Не могу."

"Почему нет?"

"Это секрет". Она снова отступила назад.

Эл остановился. Слава Богу, у него никогда не было собственных детей, но он знал множество коллег-офицеров, у которых они были. Некоторые из этих офицеров участвовали в ряде совершенно секретных заданий. Он никогда особо не задумывался о том, как эти задания повлияют на их семьи. У него было неприятное чувство, что он наблюдает этот эффект прямо сейчас: Мисси, которой было всего шесть лет, явно неоднократно

предупреждали о том, что кто-либо будет задавать вопросы о том, чем занимается её отец. Теперь она оглядывала комнату в поисках пути к отступлению.

"А ты действительно хорошо умеешь хранить секреты, не так ли, Мисси?" - сказал он, убедившись, что она услышала одобрение в его голосе.

"Держу пари, твой папа действительно гордится тобой."

"Где мой папа?" - спросила она.

Это был вопль полного отчаяния, плач маленькой девочки голосом его лучшего друга, и Эл Калавичи не смог с этим справиться. "Всё в порядке, милая, честное слово," - пробормотал он, отступая к выходу. - "Мы скоро вернём тебя домой, я обещаю. Обещаю". Он закрыл за собой дверь со вздохом облегчения.

Который превратился в удушье при виде доктора Бикс, ожидающей, скрестив руки на груди и стоящей в коридоре, как ангел-мститель.

"По-твоему, что именно ты делаешь, Адмирал?" - огрызнулась она. "Я наложила ограничения на Зал Ожидания для этого скачка. Что ты там делал?"

"Я пытался выяснить что-нибудь, чтобы помочь Сэму," - сказал он. Судя по взгляду Вербины, она подумала, что это прозвучало так же слабо, как и он сам. "Я же Наблюдатель, Вербина, это часть моей работы."

"Не в этот раз, не в этот. Я не хочу, чтобы эта маленькая девочка была травмирована..."

"Что я мог сделать с ней такого, что было бы хуже того, через что она уже прошла, прыгнув в тело Сэма?" - потребовал ответа Эл. "Что ты собираешься делать, Вербина, накачать её наркотиками и держать без сознания, пока Сэм не сообразит, что он должен сделать, чтобы вернуть её туда, где ей самое место? Думаешь, она уже не заметила, в каком теле находится? Просто потому, что у тебя там нет зеркал, это не значит, что она не посмотрела на себя и не заметила, что некоторые вещи действительно изменились!"

Вербина Бикс прислонилась к стене коридора, скрестила руки перед собой, словно защищаясь, и посмотрела на мужчину. "Да," - осторожно признала она. "Я говорила ей, что ей снится сон, и с ней не происходит ничего плохого, и когда она проснётся, то снова будет в своём настоящем теле. Но я не знаю, как долго она будет в это верить. Я подумывала о том, чтобы подвергнуть её...гипнозу," — сказала она, поднимая руку, чтобы

предотвратить возмущение Эла. "Я думаю, на этот раз так будет лучше". Яркий свет отбрасывал уродливые голубые блики на её смуглую кожу и придавал ей усталый вид. Или, возможно, работа в этот раз действительно утомила её.

"Я должна была что-то сделать с Залом Ожидания раньше," - пробормотала она. "Каждый раз я думаю: почему бы нам немного не приукрасить это место? Почему всё должно быть сине-белым? Какие-нибудь ситцевые занавески, что-нибудь зелёное, было бы так мило..."

"В десяти этажах под землёй?". Эл был совершенно растерян. "Зачем тебе занавески под землёй?"

"Не бери в голову, Эл". Она устало улыбнулась ему. "Это просто беспокойство по поводу перемещения. Но я хочу, чтобы ты пообещал больше туда не ходить, хорошо?"

Эл глубоко вздохнул. "Хорошо, я обещаю. Но и ты должна пообещать, что будешь задавать ей любые вопросы, которые у нас возникнут. Я не собираюсь оставлять Сэма в подвешенном состоянии из-за отсутствия информации."

Вербина кивнула, принимая условия, когда её прервал голос Зигги. "Адмирал, у нас есть новые данные."

Эл и Вербина одновременно подняли глаза к потолку. "Правда?" - спросил Эл. "И какие же?"

"Каким бы маловероятным это ни казалось изначально," - сказал компьютер, - "Сейчас существует девяносто четыре процента вероятности того, что доктор Беккет переместился в тело Мисси Робишо, чтобы предотвратить начало Третьей Мировой Войны из-за строительства Берлинской Стены."

[ГЛАВА 4]

ПОСТАВКА МЕБЕЛИ ДЛЯ КОМНАТ ПРИСЛУГИ

7112-я эскадрилья снабжения, подчинённая управлению базы
Подотчётного Офицера:

...вопрос о мебели для комнат прислуги в Висбадене будет регулироваться следующими правилами. Военный пост...

с. Для выполнения минимальных требований разрешено использовать только следующие предметы:

(1) одна раскладная детская кроватка, стальной матрас, два хлопчатобумажных одеяла, шерстяная подушка, из хлопка или пера."

"Предотвратить Третью Мировую Войну? Эл, это нелепо. Третьей Мировой Войны никогда не было. Если бы это произошло, нас бы здесь не было. Там. В будущем. Я имею ввиду... — "Сэм разочарованно покачал головой. Путешествие во времени превратило сами времена в сущий ад . "Если бы случилась Третья Мировая Война, мир бы самоуничтожился. Если бы мир самоуничтожился, Проект бы никогда не состоялся, и меня бы сейчас здесь не было."

"Кроме того, я никогда не изменяю ничего важного в истории. Только по мелочам. Так в чём же дело?"

"Зигги говорит, что ты, должно быть, изначально вернулся назад, чтобы изменить что-то ещё." - вздохнул Эл. "Но что-то, что ты сделал за это время, привело к переменам, которые вызовут большой переполох."

"А Зигги имеет хоть какое-то представление о том, что это может быть за "что-то"?" - спросил Сэм, садясь на кровати и обхватывая колени руками. - "И какое отношение Мисси имеет к Стене? Её ещё даже не построили."

"Нет," - отрицательно покачал головой Эл. "Её построят только через неделю. А сейчас ты помнишь, как переместился в Эдди Элроя?"

Сэм кивнул. Ему показалось, что он помнит Эдди, чей брат Мак строил бомбоубежища. Это был прибыльный бизнес, основанный на истерии. - "Да, помню. И что?"

"Ты помнишь, какой напряжённой была обстановка? Одна из главных причин этого - Берлин. И это было в Штатах, а здесь Германия. Боже, из Восточной Германии уезжали тысячи, тысячи людей, все их учёные, квалифицированные рабочие и просто хорошие люди. Они даже приняли закон, запрещающий это. Хрущёв выступал с публичными речами, в которых предупреждал, что к тому времени, когда они покончат с нами, мир превратится в дымящиеся руины. Наши собственные генералы выступали за вывод гражданского населения из Европы."

"Но ей же всего шесть..." - Сэм поймал себя на том, что кричит, и понизил

голос до шёпота, бросив взгляд на дверь спальни. "Ей всего шесть лет, Эл! Как её действия могут повлиять на международную политику и на Стену?"

"Я просто передаю тебе то, что рассказал мне Зигги," - пожал плечами Эл. "Это как-то связано с её отцом."

"Её отца здесь даже нет!"

"Нет," - согласился Эл, прищурившись, чтобы взглянуть на ручной пульт. Свет, при котором он читал данные на экране, исходил из Голографической Камеры, в которой он находился, которая находилась за сорок с лишним лет в будущем. - "Её отец в Берлине, наблюдает за тем, как готовятся русские. Каким-то образом он получает разрешение на недолгий визит домой - возможно, в качестве попутной поездки, поскольку ему приходится часто мотаться между базами. Он возвращается в понедельник вечером, а затем снова уезжает. И каким-то образом ты всё изменил."

"Можно подумать, что у того, кто несёт за это ответственность, больше здравого смысла," - пробормотал Сэм, глядя сквозь Эла в темноту.

Эл воздержался от того, чтобы указать на возможность того, что сам Сэм был ответственен не только за проект "Квантовый Скачок", но и за саму схему скачка — это была одна из нескольких теорий, выдвинутых участниками Проекта, которые на самом деле знали, что случилось с их Руководителем, — и яростно покрутил свою неизменную незажжённую сигару.

"Зигги, должно быть, ошибается," - наконец объявил Сэм. "Весь сценарий не имеет смысла. Это противоречит всему, что мы знаем о моих скачках."

Эл подумал о случайно появляющихся и вновь возникающих дырах в памяти Сэма и ничего не прокомментировал насчёт "всего, что мы знаем".

"Если только," - продолжал Руководитель Проекта, наклоняя голову маленькой девочки так, что её волосы упали на плечо, и почти тем же движением нетерпеливо откидывая их в сторону, - "В возвращении её отца что-то есть."

"Зигги согласен," - сказал Эл, наблюдая, как цветные кубики мигают в определённом ритме.

"Это очень мило с его стороны," - ответил Сэм, источая сарказм.

"Мы становимся немного придирчивыми, не так ли? Разве ты не вздремнул

сегодня днём?"

Сэм наградил его взглядом, от которого расплавилось бы стекло. Эл хмыкнул, затем снова посмотрел на экран с данными. - "Ой-ой."

"Что ещё?"

"Зигги говорит, что ты должен следить за тем, чтобы отец Мисси не потерял какие-то бумаги. Мы не можем сказать наверняка — может, он их где-то оставил?"

"Откуда Зигги всё это берет? Из данных несуществующей временной шкалы?"

"Это предположение. Но оно достоверно на девяносто четыре процента."

"Так что такого в этом "ой-ой"? - тяжело вздохнул Сэм. "Разве я не могу просто уговорить его остаться ещё на денек или что-то в этом роде?"

Рот Эла искривился. "Я не могу понять, как Мисси может удерживать своего отца от явки на службу. Этого просто не может быть, Сэм. Но, судя по всему, так и должно быть."

Сэм уставился на него в замешательстве. "Конечно, это может случиться. Всё, что мне нужно сделать. это...ну, если с Мисси что-то случится, он же останется, верно?"

"Нет, Сэм." - покачал головой Эл. "Он позволил бы своей жене разобраться с этим. Ты должен понять: это Военно-Воздушные Силы Соединённых Штатов, Европа. Это Германия. Это вторая часть Берлинского кризиса. С обеих сторон гремит оружие. Хрущёв угрожает подписать сепаратный мирный договор с Восточной Германией и прекратить все поставки в Берлин. Около тысячи человек в день бегут к границе. Генерал Максвелл Тейлор говорит о ядерной войне, Роберт Кеннеди предупреждает Россию не заходить слишком далеко, а Джон Кеннеди проводит пресс-конференции по мобилизации и просит Конгресс профинансировать укрепление обороны. Менее чем в двухстах милях отсюда проводят манёвры русские войска. Майор Стив Робишо не собирается покидать свой пост ни при каких обстоятельствах, кроме смерти Мисси. И, возможно, даже тогда."

Сэм открыл рот и снова закрыл. "Ох."

"Ох," - согласился Эл.

"Может быть, именно поэтому от него ушла жена," - помолчав, сказал Сэм.

Эл уставился на него так, словно Сэм вдруг заговорил по-фински. Он несколько раз открыл и закрыл рот, а затем нажал кнопку на ручном пульте. Мгновение спустя он спросил: "Откуда, чёрт возьми, у тебя возникла такая идея?"

"Пойди посмотри у входной двери," - посоветовал ему Сэм.

Эл приподнял бровь и снова нажал на кнопку ручного пульта, исчезнув в пустоту. Через несколько мгновений он вернулся, и на его лице отразилось значительное облегчение. "А, это. Ты имеешь ввиду чемоданы?"

Сэм кивнул.

"Джейн не уходит от мужа. Это стандартная оперативная процедура". Увидев непонимающий взгляд Сэма, он продолжил: - "Я не устаю повторять тебе, Сэм. Сейчас 1961 год — август 1961 года. В течение многих лет в каждой семье военного в Европе у входной двери стоят упакованные чемоданы. Если объявят тревогу, у них будет два часа, чтобы собрать детей, сесть в машину и убраться из города. Готовность к эвакуации. Хотя два часа..." - он замолчал, качая головой. - "Два часа - это было бы слишком долго. И бежать было бы действительно некуда. Они и сами это знали. Они не могли убежать от ракет, запущенных с расстояния в 200 миль. Но таков был приказ."

Сэм с любопытством наблюдал за ним. - "Значит, ты тогда служил здесь?"

"Что? О, нет, в то время я учился летать на "Фантомах" (F-4 Phantom II — двухместный, дальнего радиуса действия истребитель-перехватчик, истребитель-бомбардировщик (по позднейшей классификации — тактический истребитель) "третьего поколения" прим. пер). Тем не менее, я изучал это. Некоторые люди говорят, что потеря лица из-за Берлина привела к ракетам на Кубе, к "ракетам Октября", но это неправда. Они уже строили ракетные базы на Кубе. Я думаю, Берлин был всего лишь одной из тех вещей, которые они сделали, чтобы отвлечь нас". На его лице было выражение, которое Сэм редко видел раньше: рассеянное, задумчивое и печальное.

Огоньки на ручном пульте неравномерно мигали и гасли, освещая его лицо розово—оранжево—зелёно—голубым светом. Его голос был очень тихим. "Третья Мировая Война была так близка. Она могла бы так легко начаться. Самая незначительная вещь могла бы её спровоцировать. В некотором смысле, было чудом то, что этого не произошло."

Это был не тот Эл, к которому привык Сэм, и он не был уверен, что ему это

нравится.

"Эл. Эл!"

Эл моргнул.

"Какое отношение всё это имеет к шестилетней девочке?"

Эл глубоко вздохнул. "Я не знаю, Сэм. Но это должно быть как-то связано с этим, потому что Зигги говорит, что мы находимся в мире, в котором может произойти что угодно. Своего рода подвешенном состоянии квантовой физики, пока всё не прояснится."

"Не мог бы ты объяснить, что ты только что сказал?"

"Я? Ты же у нас гений." - покачал головой Эл. - "Я просто повторяю то, что сказал Зигги. В оригинальной истории "большой кабум" потерпел крах. Теперь мы идём по пути, на котором это произойдёт. Но если это произойдет, то Проект никогда не будет реализован, так что ты никогда не вернёшься назад, и что бы ты ни сделал, чтобы изменить историю, это никогда не произойдет, так что Проект всё-таки будет реализован, и ты вернёшься назад, и..."

"Неважно. Боюсь, я начинаю тебя понимать."

"Всё пошло наперекосяк," - резюмировал Эл. "Пока мы не узнаем, в какую сторону нам совершать прыжок - или скачок..."

"Пожалуйста. Всё и так достаточно плохо. Ты хоть представляешь, что именно изменило ситуацию?"

"Конечно. Ты сделал это."

Сэм запустил в него подушкой. Подушка пролетела сквозь Эла и ударилась о крышку комода, сбив на пол музыкальную шкатулку-карусель.

"Мисси!". Голос из гостиной прозвучал почти так же резко, как шум музыкальной шкатулки.

"Да?" - ответил Сэм, собирая осколки.

"Да, мамочка," - предупредил его Эл. Он использовал это обращение как титул.

Но было слишком поздно. Дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену и отскочила. На потолке вспыхнул свет, ослепив его.

"Что "да"?"

"Да, мамочка," - поспешно поправился Сэм.

"Что ты здесь делаешь?" - взгляд Джейн упал на розовые и золотые осколки музыкальной шкатулки-карусели. "Ты разбила её! Она принадлежала моей матери!". Она также увидела и подушку. "Ты снова играла здесь, не так ли? Я же велела тебе идти спать, не так ли? Не так ли? Ты глупое, бестолковое, никчёмное отродье! Что я тебе говорила? Что я тебе говорила?". Её голос срывался почти до крика.

"Идти спать," - прошептал Сэм, отступая назад. Но комната была маленькой, и он не мог отойти достаточно далеко.

"Не прикасайся к нему!" - беспомощно закричал Эл, но было уже слишком поздно. Ногти Джейн впились в плечо Сэма, сбивая его с ног, и он отшатнулся от силы её пощечины. "Заткнись! Заткнись, чёрт возьми! Я не хочу этого слышать! Ты сейчас же уберёшь это и ляжешь в постель, и я не хочу слышать от тебя ни слова до утра, ты меня слышишь?"

"Ничего не говори, Сэм," - предупредил Эл. "Не надо. Просто собери осколки и положи их на комод."

Он подождал, пока когти, впивающиеся в его плечо, ослабнут, а затем, с горящим лицом и слезящимися глазами, наклонился, чтобы собрать все кусочки музыкальной шкатулки-карусели и аккуратно разложить их на комод в аккуратный ряд. Он обошел Джейн Робишо стороной, подошёл к кровати, лёг и натянул одеяло до подбородка, не отводя взгляда и не глядя ей в глаза. Её побелевшие губы были сжаты в тонкую линию; ноздри раздувались, а грудь вздымалась. Всё в ней говорило о сдерживаемом гневе. Одной частью сознания Сэм задавался вопросом, насколько всё это было притворством. С другой стороны, он отчаянно желал, чтобы она ушла. Казалось, он никак не мог перестать дрожать.

Эл, стоявший рядом с женщиной, сам исходил яростью. "Ты...ты...ты чудовище," - прошипел он. "Вот так вот взять и ударить маленького ребёнка. А как бы тебе понравилось наброситься на кого-нибудь твоего роста?"

Джейн, конечно, его не слышала. Она оглядела пол в поисках забытых мелочей и не найдя ни одной, она бросила на Сэма последний взгляд и выключила свет, захлопнув за собой дверь.

"Некоторым людям не стоит заводить детей," - прорычал Эл, сделав грубый этнический жест в сторону закрытой двери. "Готов поспорить, она

собирается вернуться, чтобы ещё раз приложиться к бутылке. Ненавижу пьяных женщин."

Сэму потребовалось несколько глубоких вдохов, чтобы взять физиологические реакции организма под контроль. - "Может быть, это то, ради чего я попал сюда," - прошептал он. - "Чтобы убереечь Мисси от побоев."

"Ну, Третья Мировая Война остановила бы это," - согласился Эл, переводя взгляд с двери на Сэма. - "Но лично мне бы этого не хотелось. Я бы предпочёл, чтобы ты сначала позаботился о конце света, если ты, конечно, не против."

"Шестилетний ребёнок не может остановить ядерную войну," - сквозь стиснутые зубы процедил Сэм.

"Я тоже не думал, что она сможет начаться, но, похоже, именно это и произошло. Произойдёт. Может произойти..." - разочарованно сдался Эл.

Сэм откинулся на матрас, ухватившись за спинку кровати. Рука Мисси была слишком короткой. Ему пришлось снова подтянуться к подушке, и к тому времени ему уже не нужно было за что-то держаться. Вместо этого он сплёл пальцы под головой. "Я ничего не сделал," - задумчиво произнёс он, больше не протестуя против этой идеи. - "Так что, возможно, Мисси сделала или сделает что-то такое, чего я не сделал или не стал бы делать."

Эл подошёл ближе, нажимая на кнопку на ручном пульте. - "Зигги говорит, что нет никаких данных, но логика подсказывает, что вероятность того, что ты прав, составляет пятьдесят на пятьдесят."

Сэм закатил глаза. "Неужели. Правда? Может быть, тебе стоит вернуться и ещё раз поговорить с Мисси, чтобы получить необходимые данные?"

"Я не могу этого сделать," - не задумываясь, ответил Эл. Затем он увидел выражение лица Сэма и перефразировал. "Доктор Бикс не позволит мне этого сделать."

"Я не против." - Сэм поднял и опустил плечи в горизонтальное пожатие плечами. - "Я не из тех, кто говорит, что от этого зависит судьба мира. Я просто попытаюсь найти способ заставить мать Мисси перестать её бить."

Эл в замешательстве сжал губы и перевёл взгляд с Сэма на ручной пульт и обратно. Сэм уставился в потолок. Эл резко кивнул и нажал на кнопку вызова. За его спиной открылась дверь Голографической Камеры. Он шагнул в проём и бросил последний взгляд через плечо.

"Постарайся хоть немного подумать о судьбе мира, пока ты здесь, ладно?" - сказал он на прощание, и дверь Голографической Камеры растворилась в небытии, унося с собой Наблюдателя.

[ГЛАВА 5]

6. ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕКОМБАТАНТОВ: Следующий персонал считается некомбатантами в соответствии с положениями настоящего плана:

а. Иждивенцы военнослужащих Вооружённых сил США, государственных служащих США и уполномоченных граждан союзных государств.

б. Граждане США и персонал союзников, нанятый правительством США.
ПО ПРИКАЗУ КОМАНДИРА.

Мисси Робишо сидела на краю кровати и увлечённо раскачивала ногами Сэма Беккета взад-вперёд, взад-вперёд.

Вот, значит, каково это — быть взрослым. Кровати стали меньше.

Она глубоко вздохнула и огляделась. В маленькой комнатке на верхней площадке лестницы стояла женщина. Она заметила, что Мисси смотрит на неё, и помахала ей. Мисси нерешительно помахала в ответ, а затем потёрла руки. Они были такими большими, и всё же казалось, что они как раз того размера, который подходил лучше всего.

Мисси подумала, что, наверное, именно так чувствовала себя Златовласка, когда ела всю эту кашу. Хотя она всегда подозревала, что Златовласка называла кашу Медвежонка "в самый раз", потому что она наедалась досыта кашей папы-Медведя и мамы-Медведицы. ("Златовласка и три медведя" - английская сказка 19 века прим. пер) Это были руки папы-Медведя, но на ощупь они были как её собственные, совсем маленькие руки. Простыни на кровати были такими же, независимо от размера её рук. Если она ударялась пятками о каркас кровати, это всё равно причиняло боль.

Это было мужское тело. Она знала это. Однажды её брат Том показал ей, чем мальчики отличаются от девочек. Но когда ей понадобилось в комнату для девочек, она почувствовала себя примерно так же. Хотя

целиться она умела лучше. Это было интересно. Она немного поиграла с этим, а потом ей больше не нужно было в туалет, и пришла медсестра и попросила её принять таблетку. Но она не захотела. Мама часто принимала таблетки. Поэтому вместо этого ей дали книжку-головоломку. Это тоже было весело.

Дама наверху, в маленькой комнате, разговаривала с ручкой на палочке, украдкой поглядывая на Мисси, когда думала, что та не видит. Мисси решила, что дама, вероятно, говорила о ней.

Она задумалась, не придётся ли ей и во сне оставаться в этом теле. Она надеялась, что нет. Ей хотелось, чтобы люди из сна рассказали ей что-нибудь. Дама в маленькой комнате и негритянка в белом халате вели себя так, словно не хотели ей ничего рассказывать. Вероятно, это был секрет, как и то, что делал папа. Иногда папа разговаривал с мамой о разных вещах, но не рассказывал ни ей, ни Тому. Том вёл себя так, будто ему многое известно, но, вероятно, это было неправдой. Том часто привирал.

Мисси подумала, что негритянка в белом халате была врачом, хотя она никогда раньше не видела врача-негра. Она сказала, что ее зовут "доктор Бикс". Похоже на птичий клюв. (Тут имеется ввиду то, что фамилия Бикс звучит похоже на слово Beaks, что в переводе с английского языка означает "клюв" прим пер) Мисси раньше тоже никогда не обращалась к женщине-врачу. Однако она не делала уколов, так что, возможно, она вообще не была врачом. Она задавала много-много-много вопросов, а иногда надевала Мисси на голову какие-то предметы, в которых были провода и аппарат, который светился. Её волосы были короче, чем раньше. Она протянула руку, чтобы пощупать, и дама в маленькой комнате снова заговорила с палочкой. Мисси ждала. Иногда что-то происходило, когда леди разговаривала с палочкой. Иногда этого не происходило, но наблюдать за этим было забавно. На этот раз, однако, ничего не произошло, и Мисси просто продолжала наблюдать за ней, чтобы увидеть, что она будет делать дальше.

У этой дамы были тёмные волосы и тёмные глаза, как у Марты, но она не была такой толстой, как Марта. Мисси захотелось подняться в маленькую комнату, осмотреться и посмотреть, не убирала ли хозяйка всё так же, как это делала Марта. Доктор Бикс хотела узнать, собирается ли Мисси заправлять свою постель, но именно это обычно и делала Марта.

Комната была полностью белой. Стены были белые, пол белый, простыни на кровати белые. У неё болели глаза. Ей пришлось крепко зажмуриться. Дама, должно быть, снова заговорила с маленькой палочкой, потому что, когда она снова открыла глаза, свет был другим и её глаза больше не

болели так сильно.

Она хотела пойти поиграть, но ей не разрешили. Она никогда не видела никого, кроме доктора Бикс и незнакомой дамы, а однажды — мужчину, который представился Адмиралом. Он задавал вопросы о папе, а папа сказал, что она никогда, ни за что не должна отвечать на вопросы о том, чем он занимается. Она подумала, что этот человек мог быть Адмиралом, даже если он так странно одевался. Иногда папа тоже не надевал форму, но он никогда не носил такой одежды. Но Адмиралы были моряками, а папа говорил, что на флоте делают забавные вещи, так что, возможно, у них была и забавная гражданская одежда.

Доктор Бикс как-то спросила её о маме. Она не хотела говорить о маме, хотя мама и не запрещала ей этого делать. Мисси подумала, что мама, наверное, злится из-за того, что её так долго не было, но доктор Бикс сказала, что всё будет в порядке и мама знает, где она. Мисси надеялась, что это правда. Ей не нравилось, когда мама сердилась.

Потому что, когда мама сердилась, то могла и ударить.

Джейн Робишо сидела в своей гостиной и листала журнал мод, не обращая внимания на слова и изображения. Просто, чтобы было чем заняться в ожидании новостей. Верхняя правая дверца шкафа была распахнута настежь, за ней виднелись встроенный радиоприёмник и фонограф. Симфония как раз заканчивалась, и диктор гортанно вещал что-то на немецком языке.

Ей следовало пойти на вечеринку по игре в бридж сегодня вечером. Ей нужно было показаться на публике. Но у Марты был выходной, и это дало ей разумное оправдание. На самом деле ей не хотелось иметь дело с другими женщинами, которые всегда были такими безупречными, такими уверенными в себе, у которых были такие идеальные дети. Казалось, никто из них не слушал новости.

Она нетерпеливо захлопнула журнал и бросила его обратно на кофейный столик рядом с номером "Звёзды и Полосы" ("Старз энд страйпс" (анг. Stars and Stripes, переводится на русский язык как - "Звёзды и полосы" — неофициальное название флага США) — ежедневная газета Министерства обороны США. Издаётся с 1861 года. прим. пер), который Мисси читала в игровой форме. Она тоже была поглощена чтением. Губы Джейн нежно изогнулись. У Мисси было богатое воображение — она

притворялась, что действительно умеет читать, разговаривала с воображаемыми друзьями. Она полагала, что одинокому ребёнку это необходимо. Мисси тоже была артистичной. Как и её мать и тётя. Лицо Джейн изменилось, когда она вспомнила обо всех планах, которые были у них с Жанной до того, как она вышла замуж. Они с Жанной делились своими мечтами и искусством.

Конечно, Мисси тоже была неуклюжей, упрямой, дерзкой, болтала без умолку и огрызалась. Они с Жанной никогда так не поступали.

Зазвонил телефон, она подскочила и схватила трубку. Потребовалось некоторое время строгой дисциплины, чтобы дождаться второго двойного гудка.

"Алло?". Последовала небольшая пауза, а затем радостный вопль: "Мама! О, Боже мой! Как чудесно, что ты...Мама? Что-то не так?"

Последовала ещё одна пауза. "Жанна? Жанна? О, нет, мама, о, нет, о нет..."

Голос на другом конце тоже был надломлен. "Это была ужасная катастрофа, Джейни, просто ужасная, у неё всё переломано..."

Джейн Робишо разрыдалась.

"...мы знаем, что ты не можешь просто так взять и приехать, но она твоя сестра-близнец, дорогая, и похороны в среду..."

Она снова заплакала, телефонная трубка упала, а она свернулась калачиком, продолжая рыдать, желая забыться, желая бутылку...

Воскресенье, 6 августа 1961 года.

5. ПРЕДМЕТЫ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО СОБРАТЬ:

а. В каждой семье должны быть под рукой следующие перечисленные предметы и составлены планы их быстрого собирания в случае возникновения чрезвычайной ситуации.

1) Тёплая одежда, включая дождевики или их заменители. Женский персонал должен носить брюки.

2) Два (2) одеяла на человека.

- 3) Одна (1) маленькая сумочка на человека, содержащая смену одежды, туалетные принадлежности, важные семейные документы и т.д.
- 4) Индивидуальные удостоверения личности, такие как кредитные карты, паспорта, удостоверения личности или бирки и т.д.
- 5) Военные платёжные сертификаты и/или другие оборотные денежные средства в долларах США (все они должны быть под рукой во время тревоги).
- 6) Инвентаризация предметов домашнего обихода и личных вещей.
- 7) Запас непортящихся упакованных продуктов питания на два (2) дня, в том числе консервированное молоко для детей.
- 8) Подходящие ёмкости для воды, рассчитанные на одну (1) квартиру на человека.
- 9) Автомобили с действительными свидетельствами о регистрации и праве собственности.
- 10) В баке должно храниться не менее семи (7) галлонов (или наполовину заполненный бак) бензина, или он должен быть всегда доступен иным способом.
- 11) Одна аптечка первой помощи, коммерческий или самодельный эквивалент на каждый автомобиль.

[ГЛАВА 6]

"...2900 беженцев из Восточной Германии сегодня хлынули в Западный Берлин в отчаянной попытке спастись, до того как коммунисты заблокируют воздушные, морские и сухопутные пути в город..."

На следующее утро Сэм проснулся от звука пылесоса, работающего рядом с кроватью, и, открыв глаза, увидел крупную женщину с квадратной фигурой, маленькими, очень тёмными глазами и такими же тёмными волосами, склонившуюся над кроватью. На ней было поношенное, плохо сшитое тёмно-синее хлопчатобумажное платье.

Женщина что-то сказала на непонятном Сэму языке. Но её нетерпеливый жест был достаточно красноречив, и он вскочил с кровати и побежал в ванную. Синяк на его лице стал желтеть по краям.

Когда он вернулся, женщина уже расправляла только что застеленную постель, тихо кряхтя, когда выпрямлялась. Она посмотрела на Сэма и заговорила снова, на этот раз по-английски. "Ты проспала весь день? Ленивая девчонка! Одевайся! Завтрак ждёт!"

Сэм сглотнул и открыл комод, стараясь вести себя так, как будто он знает, что делает, и как будто его не беспокоит, что женщина наблюдает, как он снимает пижаму и одевается. У Мисси был полный ящик нижнего белья, в ещё одном ящике лежали шорты и рубашки. Он не думал, что она наденет платье. Он посмотрел на крупную женщину, ожидая подтверждения своего выбора. Выражение её лица было пустым, ни одобрительным, ни неодобрительным. Должно быть, всё в порядке, решил он.

Как выяснилось, он ошибался, когда появился за столом к завтраку. Том был одет в синий костюм, белую рубашку и галстук, его волосы были аккуратно зачёсаны назад. На миссис Робишо было платье в ярких цветах. На столе для завтрака не было ничего, кроме стаканов с водой.

"Правильно ли я понимаю," - произнесла миссис Робишо с ледяным спокойствием, - "Что ты не пойдёшь сегодня с нами на мессу?"

Сэм поморщился. Было воскресенье, 6 августа. Он пожалел, что Эла не было рядом, чтобы напомнить ему. "Я забыла."

"Ты хочешь, чтобы Бог забыл тебя?"

"Нет, мамочка." - он повернулся и снова побежал в спальню. Крупная женщина снова посмотрела на него, фыркнула, смотала шнур от пылесоса и потащила его за собой в соседнюю спальню. Сэм подумал, что это дом родителей Мисси.

Он понятия не имел, когда должна была начаться месса, но, судя по внешнему виду Тома, вероятно, что скоро. Вспоминая себя десятилетним, он не думал, что мальчик сможет надолго сохранить это внешнее благочестие.

Когда он доберётся туда, то разберётся как себя вести. Если повезёт, то появится Эл, чтобы проинструктировать его во время мессы; он, кажется, помнил, что Тридентская месса перед Вторым Ватиканским собором была довольно сложной, с большим количеством коленопреклонений, стояния и

сидения (Триденская месса - одно из распространённых названий для обозначения литургии римского обряда (мессы), преобладавшей до издания миссала 1969 года. прим. пер). По крайней мере, это было сложно с точки зрения протестантского фермерского парня со Среднего Запада. С другой стороны, это было бы на латыни, а он мог бы справиться с латинским. Будучи студентом, он ради забавы перевел Светония. (Гай Светоний Транкви́лл (лат. Gaius Suetonius Tranquillus; около 70 года н. э. — после 122 года н. э.) — древнеримский писатель, историк, учёный-энциклопедист, личный секретарь императора Адриана прим. пер) Хотя, если подумать, это, вероятно, не сильно поможет. Он сомневался, что они будут уделять много времени Калигуле. (Га́й Ю́лий Цэ́зарь А́вгуст Герма́ник (лат. Gaius Iulius Caesar Augustus Germanicus), также известен под своим агноменом (прозвищем) Кали́гула (лат. Caligula; 31 августа 12 года, Анций — 24 января 41 года, Рим) — римский император (с 18 марта 37 года), третий представитель династии Юлиев-Клавдиев; также — великий понтифик (лат. Pontifex Maximus), трибун (лат. Tribuniciae potestatis), Отец отечества (лат. Pater patriae) (с 38 года), четырежды консул (37, 39—41) прим. пер)

Выбор в шкафу был невелик: четыре платья, все с оборками и рюшечками. Пара белых лакированных туфель, аккуратно стоявших на полу, наводила на мысль о своей уникальности. Он закрыл глаза, пытаясь вспомнить, как Кэти одевалась в церковь в воскресенье. Розовый. Там было много розового цвета.

Мисси, судя по всему, не склонялась к розовому цвету, несмотря на вчерашнее платье для игры. Правда, было солнечно-жёлтое платье из лёгкой ткани. Он натянул его через голову, повозился с пуговицами и бантом, завязанным за спиной, нашёл пару носков, натянул туфли и побежал обратно в столовую.

На лице Джейн Робишо отразилась выражение глубокой боли. "Иди и пусть Марта сделает тебе причёску,"— сказала она. — "У тебя есть пять минут". Она внимательно посмотрела на свои часы.

Он подумал, что она говорит серьёзно. Он отправился на поиски Марты. По крайней мере, теперь он узнал имя, принадлежащее этой крупной женщине.

Дверь в хозяйскую спальню была закрыта. Он без стука открыл её.
"Марта?"

Марта стояла на четвереньках по другую сторону огромной кровати и подняла голову в ответ на его зов. "Что?"

"Не могли бы вы помочь мне с волосами, пожалуйста?" — попросил Сэм. Он понял, что они торчат во все стороны, наполовину высвободившись из резинок, удерживающих косички. Раньше ему даже в голову не приходило причесаться перед выходом. Ему приходилось напоминать себе, что сейчас он маленькая девочка. По крайней мере, в теле маленькой девочки. К сожалению, маленькой девочки с длинными волосами.

В комнате было темно, особенно из-за чёрно-вишневой мебели, посеребрившегося ковра и стен, вымытых до бледных разводов. На высоком комодике стояла чёрно-белая фотография Джейн Робишо: её бледное лицо было подчёркнуто тёмной помадой, а волосы были заплетены в косу; напротив неё висел портрет мужчины в форме Военно-Воздушных Сил, худощавого и красивого, с ястребиным взглядом из-под козырька фуражки. На другой фотографии в рамке, висевшей на стене, были изображены Джейн и другая женщина,

которая была как будто её зеркальным отражением, в одинаковых школьных костюмах для выпускного вечера, сидящие под углом друг к другу, словно подчёркивая их сходство. На другой фотографии были запечатлены Том и Мисси, тщательно причёсанные и недовольные тем, что их сфотографировали.

Марте пришлось ухватиться за край комода, чтобы привстать, отчего фотография майора Робишо сдвинулась с места.

"Мне нужно уложить волосы," - повторил Сэм.

"Тебя не должно быть здесь," — сказала Марта. — "Иди в свою комнату."

"Мисси! Три минуты!" — раздалось предупреждение, эхом разнёсшееся по коридору.

Тяжело вздохнув, Марта отвела Сэма обратно в спальню Мисси и сняла резинку, зацепив при этом несколько прядей. Сэм подавил вскрик. Толстые пальцы Марты действовали умело, но нежно: она взяла расчёску с щетиной и провела ею по длинным каштановым волосам Мисси, заплетая их в аккуратные косички.

Она почти закончила, когда остановилась. Её взгляд встретился с взглядом Сэма в миниатюрном зеркале туалетного столика и переместился на дверь. Её руки легонько коснулись головы Сэма, когда она задумалась, приняла решение и начала всё сначала.

"Мисси!"

"Уже иду!"

Марта заплетала гладкую, ровную французскую косу, плотно прилегающую к коже головы Мисси. Она как раз закончила укладывать последние пряди, когда в дверях появилась миссис Робишо. "Ты готова?"

"Да, мамочка". Марта всё ещё стояла у него за спиной, и он не смог увернуться от руки, которая схватила его за плечо и, разворачивая, потянула вперёд.

"Полагаю, этого достаточно." — голос Джейн Робишо звучал почти разочарованно. — "Спускайся вниз". Не обращая внимания на другую женщину, она повернулась и ушла, увлекая Сэма за собой через всю квартиру, мимо ожидающих чемоданов и к входной двери.

Сэм впервые вышел на улицу. Большая цифра 5 на двери квартиры соответствовала цифре 6 на двери напротив, на маленькой лестничной площадке. Он безуспешно пытался разглядеть, что находится наверху, пока его тащили вниз по лестнице миссис Робишо и Том.

Том направился к малиново-голубому "Шевроле-универсалу" и забрался на заднее сиденье. Судя по его поведению, Сэм понял, что Мисси делила заднее сиденье со своим братом. Он также понял, что Том относился к этому со смесью ликования и отвращения.

Но это не имело значения. Он с любопытством выглянул в окно. Ему показалось, что он помнит, как когда-то посещал Германию, но его память, как всегда, была ненадёжной, и в любом случае у него никогда не было возможности увидеть её такой. Было жарко и влажно, на горизонте виднелась дымка водяного пара, а за пределами американского жилого района уцелевшие деревья были высокими, пышными и зелёными. Элегантные старинные здания из резного камня чередовались с открытыми пространствами, почти как миниатюрные парки, которые ещё не совсем созрели и уродливыми новостройками с вывесками на немецком языке. Проехав несколько кварталов, он понял, что на месте миниатюрных парков когда-то стояли элегантные здания, которые во время войны были разбомблены. Сейчас руины были убраны. Почти у каждого дома на окнах стояли ящики с цветами. Улицы и тротуары были безупречно чистыми.

Люди по дороге смотрели на проезжавший мимо универсал. Он заметил, как люди переглядывались, когда они проезжали мимо. Он попытался помахать детям, одетым в белые фартуки или серые шорты и рубашки. Никто не ответил. Том рассмеялся над ним и высунул нос из окна. Джейн заметила это в зеркале заднего вида.

"Том! Немедленно прекрати!"

Том высунул язык в сторону маминого затылка, но успокоился. "Универсал" въехал на стоянку американской церкви, нового здания, втиснутого между старыми зданиями, подобно родственнику-выскочке или нежеланному гостю, и припарковался на одном из последних мест. Подойдя к входной двери, они обменялись приветствиями с другими прихожанами; Сэм на мгновение задержался, чтобы рассмотреть вывеску перед входом, на которой перечислялись службы для католиков, протестантов и иудеев.

Когда он повернулся в ответ на резкую команду Джейн, то поймал взгляд другой женщины, которая с любопытством смотрела на него. На мгновение ему показалось, что женщина действительно увидела его, таким, каким он был на самом деле, пока он не услышал, как она спрашивает Джейн о "бедном глазике Мисси".

Джейн покачала головой. "Я действительно не знаю, что мне делать с этим ребёнком," — сказала она. "Она бегала по квартире, споткнулась и ударилась о край журнального столика. Это напугало меня до смерти, я думала, что она потеряет глаз! Но это всего лишь ушиб, и с ней всё будет в порядке. Слава Богу, дети так быстро приходят восстанавливаются". Сэм удивлённо посмотрел на неё. Он никогда раньше не слышал, чтобы кто-нибудь так ловко врал.

Очевидно, и другая женщина тоже. Она улыбнулась явно фальшивой улыбкой, которая говорила: "Я ни на минуту тебе не верю, дорогая, но я не собираюсь демонстрировать дурные манеры и спорить с тобой", — кивнула и отошла. Том подошёл и попытался ударить Сэма по руке. Сэм увернулся, удерживая Джейн между собой и Томом, когда они вошли в часовню.

Здесь не было витражей, а скамьи и коленопреклоненные стулья были съёмными; алтарём служил стол с парой пюпитров в передней части комнаты. Это совсем не походило на церковь.

"Опусти пальцы в воду и перекрестись," — произнёс чей-то голос на ухо Сэму, когда они остановились у входа в святилище.

"Эл! Где ты..."

"Ш-ш-ш," — сказал Эл одновременно вместе с Джейн, которая потянулась к косичке, чтобы потянуть за неё, но вместо этого обнаружила, что её рука соскальзывает с французской косы. Голос Эла был необычно тихим, когда он продолжил: — "Здесь нельзя разговаривать. Делай то, что делаю я."

Элу пришлось повторить этот жест дважды, в замедленном темпе, чтобы Сэм краем глаза уловил, что он делает. Но Том, Джейн и все остальные, кто приходил, тоже делали это, погружая кончики пальцев в воду в белой мраморной чашечке, прикреплённой к стене. Они прикоснулись влажными кончиками пальцев ко лбу, груди, левому и правому плечам по порядку — плавный жест, которому Сэм неловко подражал. Он вопросительно посмотрел на Эла и вздрогнул, когда тот покачал головой.

Сэм заметил, что у Эла не было сигары. И одет он был в относительно консервативную серо-белую рубашку в полоску и серебристо-серый костюм в тон.

Вскоре он понял, что Эл действительно серьёзно погружён в проведение мессы. Он зачарованно наблюдал, как его лучший друг отвечал на вопросы, вставал и преклонял колени вместе с остальными прихожанами. Эл не мог сидеть, не присев на кого-нибудь, поэтому голограмма парила в проходе между рядами скамей.

Через некоторое время после непонятной проповеди люди начали вставать со скамей и ровными рядами продвигаться к алтарю. Джейн и Том тоже встали. Сэм сделал вид, что собирается последовать за ними, а Эл ввёл запрос, вздрогнув, когда раздался писк ручного пульта. Звук был слышен только Сэму и Элу, но Эл всё равно заставил маленькое устройство замолчать. "У тебя ещё не было Первого Причастия," — прошептал он. — "Оставайся на месте."

Сэм не совсем понимал, что такое Первое Причастие, но остался на месте. В конце концов Джейн и Том вернулись на скамью, опустили на колени и склонили головы. У Тома был ангельский вид. Джейн выглядела усталой.

Эл проскользнул мимо Джейн и наклонился, чтобы прошептать что-то на ухо Сэму, в то время как остальные прихожане подошли к алтарю, рассредоточились вдоль перил, причастились и направились обратно на свои скамьи. "Зигги говорит, что майор Робишо вернётся завтра вечером — это, получается, будет понедельник — потому что ему позвонил капеллан (Капеллан (от позднелатинского. «capellanus») — священнослужитель, который совмещает духовный сан со светской должностью. прим. пер) и сообщил, что у Джейн в семье кто-то умер. Он привезёт с собой какие-то планы по мобилизации Американских Вооружённых Сил. Число уезжающих из Восточной Германии зашкаливает, а русские мобилизуют танки по другую сторону границы. Зигги говорит, что русские каким-то образом узнали о планах..."

"Советы," - прошипел Сэм. "Это были не русские, это были Советы."

Джейн резко толкнула его локтем.

Эл вздохнул и продолжил, по-прежнему тихим голосом. "Что касается всех, кто находится здесь и сейчас, Сэм, то это русские. Это Хрущёв. Не перебивай, ты в церкви. Теперь русские изучают планы и решают, что это означает, что американцы собираются нанести превентивный удар. Таким образом, они предотвращают наш превентивный удар, и..."

"И мир взорвётся," - закончил Сэм.

"Ite, missa est (Месса окончена, ступайте с миром, пер. с латинского. прим. пер)", - нараспев произнёс священник.

"Месса окончена, ступайте с миром," — автоматически перевёл Сэм. Прихожане встали и потянулись к выходу; Джейн взяла своих двоих детей и подождала на скамье, пока почти все не разошлись. Затем она сказала очень тихо: "Вы должны знать, что ваша тётя Жанна погибла вчера в автокатастрофе. Ваша бабушка позвонила мне, чтобы сообщить об этом. Мы собираемся попросить отца Джейкобса отслужить по ней мессу, потому что не сможем приехать на похороны."

"Кто такая тётя Жанна?" - не подумав, спросил Сэм.

Лицо Джейн вытянулось, и она потянулась за носовым платком.

"Это её сестра-близнец Сэм," — подсказал Эл. — "Похоже, что тебе не стоило это спрашивать."

"Мне очень жаль," - беспомощно сказал он. Но Джейн всё ещё плакала, а Том посмотрел на него с презрением.

"Ты её даже не помнишь," — сказал Том. — "Ты была слишком маленькой. Она была маминой сестрой. И она была очень похожа на маму."

Сэм прикусил губу. А Джейн продолжала плакать.

[ГЛАВА 7]

"Хрущёв заявил сегодня, что утверждение о том, что Запад будет бороться за сохранение Берлина, было лишь фантазией. Он также сказал, что в ядерной катастрофе погибнут сотни миллионов людей..."

Сэм вернулся в квартиру Робишо вместе с Джейн и Томом. Они обнаружили, что на обеденном столе уже был накрыт полноценный обед. Воскресный поздний завтрак был традицией в семье Робишо. Сэм с удивлением заметил, что масло было аккуратно разложено на квадраты и вырезано в виде очень реалистичных жёлтых розочек. "Это Марта," — сказал Эл.

Сэм ел хлеб всухомятку, чтобы не портить холестеринный баланс. Том, ничуть не испытывая угрызений совести, разломил ножом для масла розу на мелкие кусочки и сделал большой надрез. Они ели втроём в тишине, нарушаемой только звоном серебра о фарфор. Эл стоял рядом, разглядывая ручной пульт и нетерпеливо подпрыгивая на месте. Сэм доел последний французский тост, стремясь поскорее избавиться от унылой атмосферы, царившей за трапезой. "Попроси прощения," - подсказал Эл.

"Прошу меня извинить". Это напомнило Сэму о его собственном детстве, о манерах, которые прививали ему родители. Но его мать никогда не бросала на него таких ледяных взглядов, какими Джейн Робишо одаривала свою дочь. Он поймал себя на том, что проверяет свою тарелку, чтобы убедиться, что она пуста, а нож и вилку — чтобы убедиться, что они правильно расположены над небольшой порцией сиропа.

"Иди переоденься," - сказала она наконец. Сэм отодвинулся от стола. - "Том, я не разрешала тебе никуда уходить," - услышал он, как она обратилась к брату Мисси у него за спиной.

"Не надевай шорты," - посоветовал ему Эл, когда Сэм снял жёлтое платье и повесил его обратно.

"Почему нет?" — спросил Сэм, останавливаясь и поднимая короткую одежду цвета хаки.

"В прошлом месяце армия решила, что шорты — это дурной тон, и издала приказ, запрещающий женщинам их носить. Хотя бермуды — это нормально." (Бермуды — специфический тип шорт, в последнее время используется не только как одежда для отдыха, но и как повседневный элемент. прим. пер)

"Ты шутишь, да?"

"Что? Нет, конечно, нет. Жёнам, дочерям и гражданским служащим военнослужащих США запрещено носить шорты или бикини. Конечно, это не относится к Военно-Воздушным Силам, но они тоже в значительной

степени приняли это правило. Не может быть, чтобы армия была более нравственной, чем Военно-Воздушные Силы". Эл, сам служивший на флоте, покачал головой. "Хотя шорты-бермуды были в порядке вещей. Посмотри, есть ли у неё что-нибудь из этого."

Сэм покачал головой, убрал шорты цвета хаки и ещё глубже зарылся в комод. "Эти подойдут?" — спросил он, доставая пару бермуд и оранжево-жёлтую блузку, в которые он уже одевался раньше. Даже он мог видеть, что они не совпадают.

"Ну, для шестилетнего ребенка, я полагаю, да." - скривился Эл. "Да, можешь одевать."

Сэм оделся. "Ладно," — спросил он, натягивая ту же блузку через голову, — "Каким образом исчезнут планы? Это Марта?"

У Эла был вид человека, которому испортили сюрприз. "Откуда ты узнал?"

Сэм пожал плечами. "Это всего лишь тело шестилетнего ребёнка, помнишь? Кроме того, кто ещё это мог быть? Она ведь с Востока, не так ли?"

Эл кивнул, изучая информацию на ручном пульте. "Нет. Да. Ну, она из пограничной зоны между Германией, Польшей и Россией, так что трудно сказать. Она определённо перемещённое лицо. Она также является агентом восточногерманских спецслужб, внедрённым в семью. Интересно, сколько горничных на самом деле были агентами? Предполагалось, что они будут проверены."

"Я думаю, что не так много, как хотелось бы советам, учитывая напряжённость того времени. Горничные были бы в отличном положении, чтобы причинить вред, если бы люди проявили неосторожность."

Эл кивнул и тихо присвистнул, прочитав данные на экране. "Да, да. Это оно. Зигги говорит, что планы Тома Робишо лежат в его портфеле, а Марта их читает и передаёт. Ба-бах!"

"Значит, всё, что мне нужно сделать, это сказать майору, что горничная — шпионка, и всё будет кончено". Сэм уставился в пространство, вспоминая выражение тёмных глаз Марты, когда она передумала и избавилась от удобных косичек Мисси. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. "В этом есть смысл."

"Но тебе это не нравится." - губы Эла скривились. - "У тебя опять это проклятое внутреннее чутьё, не так ли?" - Он посмотрел на ручной пульт. - Сэм, Третья Мировая Война отступает. Разве можно с этим спорить?"

Сэм откинулся на спинку стула, уставившись в потолок. "Я не могу с этим спорить. Просто мне кажется, что это дело посерьёзнее, чем то, с чем я обычно справляюсь. Я всего лишь один человек. Такие масштабные события, как ядерные войны, начинаются не одним человеком и предотвращаются не одним человеком."

"Такие масштабные события, как ядерные войны,"- твёрдо сказал Эл, - "Начинаются совокупными действиями отдельных людей. И прекращаются совокупными действиями отдельных людей. Один человек может остановить эту кумуляцию."

Сэм опустил голову и уставился на щеголеватую фигуру Эла, который был одет в серебристо-серый костюм. "В твоих устах это звучит довольно глубокомысленно."

"И с кем мне приходится общаться?" - проворчал Эл. "Не делай из мухи слона."

"Я и не собирался". Сэм сделал паузу. "Подожди минутку. Ты сказал, что она "отступает"."

"Тридцать семь процентов вероятности," - согласился Эл. Он нахмурился, глядя на ручной пульт, и раздражённо хлопнул по нему. "Его заклинило. Он больше не двигается."

Сэм ждал.

"Вероятность больше не падает. Я не могу понять, в чём дело."

"Может, есть шанс, что я ему не скажу?"

Эл медленно покачал головой. - "Я не могу представить, чтобы ты не сказал ему." - он посмотрел на Сэма, увидев серьёзного маленького ребёнка с гладко заплетёнными каштановыми волосами и тёмно-синими глазами, фарфоровой кожей и ртом, похожим на бутон розы; увидел мужчину шести футов ростом с карими глазами и каштановыми волосами, в которых была лишь одна седая прядь на левом виске. После процесса, в результате которого нервные клетки были объединены с компьютерными чипами и появился Зигги, Эл мог узнать Сэма где угодно и когда угодно. Он знал Сэма лучше, чем кто-либо другой.

И он буквально не мог себе представить, чтобы Сэм не рассказал майору о своей горничной.

Но, взглянув на Сэма, он снова увидел шестилетнюю девочку, и ему стало интересно, потрудится ли майор вообще выслушать её.

Тина Мартинес-О'Фаррелл поместила вату между пальцами ног, кончик языка - между зубами, а крошечную кисточку - в крошечный флакончик. С кисточки капала красная жидкость. Она потрогала ноготь большого пальца левой ноги и склонила голову набок, чтобы оценить эффект.

Это было, типа, мило.

Каждый палец ноги по очереди подвергался такой же обработке.

Теперь наступал самый сложный момент. Если бы Проект не находился так далеко от всего, у неё был бы свой быстросохнущий спрей, и ей не пришлось бы беспокоиться. Но она всё время забывала его купить, а они не хотели держать это под рукой, сколько бы она ни объясняла сотрудникам отдела снабжения, что это ей действительно нужно. Они продолжали твердить ей, что это не считается необходимым для работы над Проектом. В отдел снабжения были доставлены только необходимые вещи.

В быстром высыхании не было необходимости.

Не было необходимости и в супе из моллюсков, но его у них всегда было много под рукой. Нониеха сказала ей в частной беседе, что это потому, что Руководителю Проекта нравился суп из моллюсков. Тина сказала, что ей нравится быстросохнущий спрей, но Нониеха сказала, что это не считается.

Вытянув одну длинную ногу, она растопырила пальцы и в последний раз критически осмотрела их. Подойдут. Ей придётся подождать ещё немного, прежде чем она займется другой ногой.

Её апартаменты в глубине Проекта были украшены оборками, рюшечками и мелкими принтами, а вокруг было разбросано множество атласных подушек. Она была одета в старомодную розовую пижаму, как у куколки, а её рыжие волосы были закручены в огромные бигуди, и выглядела она как угодно, только не как специалист по компьютерной архитектуре. Её голос был высоким, с придыханием, и она страдала от вокальных пауз, за исключением тех случаев, когда она представляла профессиональные доклады. Ей нравился красный лак для ногтей на ногах, украшения с подсветкой, множество оборок и атласных подушек, и очень, очень хорошо разработанные компьютеры. Проект был одним из её самых любимых мест, хотя она никому не могла о нём рассказать, потому что

там были Эл и Живчик и самый лучший компьютер во всём мире. Раньше там также был и Сэм Беккет, но доктор Беккет был слишком увлечён своей работой, чтобы заметить её, даже если, — она покрутила ногой в воздухе и решила, что ногти достаточно сухие, чтобы убрать вату, — она и пользовалась своими самыми лучшими духами.

И всё жё, если он когда-нибудь вернётся после этой истории со скачками, то, возможно, он заметит её. Скорее всего, нет, и она, конечно, ни за что на свете не хотела бы причинить боль ни Элу, ни Живчику, но думать об этом было забавно. Он, безусловно, был красив и к тому же умён. Было нелегко найти такого же умного мужчину, как она. Так что Проект "Квантовый Скачок", вероятно, был самым лучшим местом, где могла бы оказаться Тина Мартинес-О'Фаррелл.

Но ей хотелось бы, чтобы у них был в наличии быстросохнувший спрей.

А пока ей придется спросить у Зигги, кто значится в её расписании на этот вечер.

В другом месте, в жилых помещениях Проекта, доктор Вербина Бикс откинулась от большого экрана и устало потёрла глаза. Освещение в служебной части комнаты в знак сочувствия потускнело.

"Следующая ссылка," - сказала она.

Экран мигнул. Мгновение спустя, когда Вербина по-прежнему не убрала руки от глаз, Зигги спросил: "Вам нужно обезболивающее, доктор?"

Вербина тяжело вздохнула. "Нет, спасибо. На этот раз аспирин не поможет."

"Знаете, в литературе нет ничего по этому конкретному предмету," - заметил компьютер. "У меня есть ещё сто сорок две цитаты, относящиеся к синдрому множественной личности, но это совсем не то же самое."

"Нет, это не так," - согласилась она. Раньше её приводило в замешательство общение с кем-то, кого не только не было рядом, но кто даже не являлся человеком. Предполагалось, что компьютеры не способны к такого рода независимым суждениям. Через несколько месяцев после того, как она пришла в Проект на должность наблюдающего психолога, она пришла к выводу, что её основным пациентом будет компьютер. И она никогда не сможет опубликоваться.

Она даже не могла написать своей сестре и рассказать, что происходит на самом деле. Аниша писала ей длинные письма, спрашивая, продолжает ли она работать со знаменитым доктором Беккетом, а она отвечала, что нет, она занимается исследованиями диссоциативных реакций. Аниша писала в ответ о своей бухгалтерской фирме, муже и детях и задавалась вопросом, когда же они снова соберутся вместе в отпуск: "Вербина, ты всегда такая занятая!" И это была правда, она была занятой. Пытаясь понять, насколько Зигги был Зигги, насколько Сэмом Беккетом, и могла ли у компьютера быть детская травма.

Но скоро ей придётся навестить Анишу. Очень скоро.

Взглянув на стену, она почувствовала, как её губы растягиваются в улыбке. На стене висели фотографии её родителей, её сестры и её семьи, их выпускных вечеров и свадеб. Вербина никогда не скучала по своим собственным детям; дети Ниши всегда удовлетворяли её потребность в детях помоложе, а учёные, инженеры, техники Проекта, даже те, кто был старше её, удовлетворяли её потребность в людях постарше, потребность в том, чтобы быть нужной.

Но она хотела бы снова иметь возможность публиковаться.

"Зигги," - сказала она наконец, - "Что ты об этом думаешь?"

Последовало долгое молчание. Сэм запрограммировал паузы в ответах Зигги. Вербина подумала, что они, вероятно, означают "Вам не понравится этот ответ."

"Я не уверен, что понимаю, что вы имеете в виду," - ответил Зигги. - "Не могли бы вы выразиться более определённо, доктор?"

Что на самом деле означало: "Вам действительно не понравится этот ответ."

Вербина скрестила ноги в позе лотоса и повернулась в кресле. "Я имею в виду, что ты думаешь о нынешнем скачке доктора Беккета, Зигги? Я знаю, у тебя есть своё мнение."

"У меня нет своего мнения, доктор". У Зигги был очень человеческий голос, и было неприятно слышать, как он доносится отовсюду и ниоткуда одновременно. Вербина давно решила, что для разговора Зигги будет "присутствовать" в определённой точке на потолке, примерно в двух футах от угла, противоположного двери.

Теперь она осознала это и приподняла бровь.

"Но у меня есть гипотезы," - продолжил компьютер.

"О. Понятно. Что ж, расскажи мне о своих гипотезах."

Последовала ещё одна долгая пауза.

"Я думаю," - сказал компьютер с заметной неуверенностью в голосе, - "Что конечным результатом скачка доктора Беккета является полное перемещение нас за пределы Времени. Так много вещей было изменено, так много возможностей уничтожено и создано столько новых будущих, что мы представляем собой сумму всего возможного. Но поскольку не всё, что возможно, может сосуществовать, нас, если хотите, отодвинули в сторону. В некотором смысле, чтобы мы вообще существовали, мы должны были существовать. Мы не были бы там, где мы есть, если бы никогда не существовали. И всё же это самоочевидно."

Компьютер снова сделал паузу, и Вербина затаила дыхание. Она никогда раньше не слышала, чтобы Зигги был таким философом. Она узнала эту черту характера Сэма Беккета, но никогда не видела, чтобы она была так ярко выражена в его детище.

"Курс, которым в настоящее время занимается доктор Беккет, имеет осязаемую вероятность привести к глобальному холокосту," - продолжил Зигги. "Однако мы знаем, что этого не произошло, потому что, если бы это произошло, нас бы здесь не было, чтобы рассматривать возможности. Это само по себе снижает вероятность до нуля. Тем не менее, это может произойти. Если бы это произошло, мы бы все исчезли, как будто нас никогда и не было."

Вербина посмотрела на фотографии своей семьи, и её губы сжались.

"В каком-то смысле доктор Беккет независим от нас, и изменения, которые он производит, - это реальные изменения. Следовательно, он мог бы положить конец миру. Или предотвратить конец света". Зигги уже начал беспокоиться. Психологу показалось, что она услышала напряжение в его голосе. "Он — и, как я предполагаю, мы, хотя я и не уверен в этом — существуем независимо от первоначальной истории. Он может изменить прошлое — любое из прошлых, — потому что ни одно из них на самом деле не является его собственным."

"Я не уверена, что понимаю твои рассуждения," - осторожно сказала Вербина. Компьютер начинал человека, страдающего обсессивно-компульсивным расстройством, которого она однажды лечила, когда была интерном. Пациент был зациклен на том, чтобы ходить вокруг красного кресла и сидеть в нём. Он делал это часами. Когда его прерывали, он

становился агрессивным. Он поддерживал разумные разговоры, пока вы позволяли ему ходить вокруг стула, садиться, вставать, ходить вокруг стула, садиться, вставать...

"Я тоже не уверен, что понимаю их," - признался Зигги. " Вся концепция путешествий во времени является строго научно-фантастической. На самом деле это не имеет никакого смысла."

Прорыв! Вербина подумала, а потом вспомнила, что её нынешний "пациент" - это несколько миль флэш-памяти и вычислительных возможностей, созданных из слившихся воедино кремниевых чипов и человеческих нервных клеток, погребённых под пустыми краями лавы и селитры, и задалась вопросом, кого она обманывает. Сэм Беккет в детстве слишком много времени уделял чтению Азимова, решила она. (Айзек Азимов (Исаак Юдович Азимов) — американский писатель-фантаст, популяризатор науки, биохимик. прим. пер)

"Так взорвётся мир или нет?" - спросила она.

"Я не знаю". Теперь Зигги снова стал прежним, раздражительным и капризным, и Вербина вздохнула с облегчением.

Она решила, что это даже к лучшему, что она не может публиковаться. В любом случае, в это никто бы не поверил.

Сэм услышал крики, доносившиеся из столовой. Том спорил со своей матерью о том, что ему нужно снова куда-то идти. Она говорила ему, что он не может пойти, что ему нужно остаться в квартире. Сначала он должен был перед кем-то извиниться. Том жаловался, что ему никогда не удавалось никуда пойти или что-то сделать, что он ненавидел это место, и что он хочет уехать отсюда, вот и всё. Внезапно раздался вопль боли, и крики прекратились. Сэм услышал шаги, приближающиеся по коридору, и поборол желание спрятаться. Он услышал, как открылась дверь, и миссис Робишо сказала: "Оставайся здесь, молодой человек, пока не научишься хорошим манерам."

Дверь снова закрылась, и в коридоре послышались шаги. Открылась ещё одна дверь, и Сэм расслабился. Миссис Робишо была в своей спальне. Мисси, очевидно, усвоила, что звук, с которым её мать входит в спальню и закрывает за собой дверь, означает, по крайней мере, временную безопасность: расслабление было усвоенным рефлексом.

Он подумал, не пойти ли ему помыть посуду, но решил, что не стоит этого делать. В конце концов, это могло привлечь нежелательное внимание. Поэтому он остался на месте, и когда через несколько минут дверь в комнату Мисси приоткрылась, он без удивления поприветствовал Тома. Так поступил бы и его старший брат, если бы его отослали в его комнату. Хотя Сэм не мог припомнить, чтобы такое когда-либо случилось.

Том был по меньшей мере на четыре года старше Мисси, на несколько дюймов выше и намного тяжелее. Сэм с любопытством наблюдал, как мальчик, не обращая внимания на сестру, подошёл к подоконнику и взял одну из игрушечных лошадок, вертя её в руках так, словно никогда раньше не видел. Он отложил её и взял другую, наклонившись так, чтобы Мисси могла видеть, что он делает. У Сэма сложилось впечатление, что он ждал, что Мисси начнёт протестовать и что его обращение с игрушками было способом, которым он мучил свою младшую сестру. Но поскольку Сэм не был его младшей сестрой и игрушечные лошадки ничего для него не значили, он просто наблюдал. Поскольку игрушки принадлежали маленькой девочке, чьё тело он занимал, он пообещал себе, что если Том каким-нибудь образом повредит их, его ждёт большой сюрприз.

"Жаль, что я не могу убежать," - наконец сказал Том, рухнув на пол и скрестив ноги. На нём была рубашка с длинными рукавами и широкими горизонтальными полосами зелёного и коричневого цветов, коричневые брюки и теннисные туфли. Его волосы были очень коротко подстрижены. Он выглядел опрятным и чистым, сытым и ухоженным. "Жаль, что я не сирота," - сказал он.

[ГЛАВА 8]

..."ни одна настоящая жена военного не призналась бы в своих тревогах ни самой себе, ни тем более своему мужу. Так просто не делается."

Джейн Робишо прижала пальцы к вискам, как будто это могло помешать её раскалывающейся голове раскалываться на части. Она была уверена, что соседи слышали, как она кричала на Тома. И они слышали крик боли Тома. Она всё ещё слышала крик боли Тома, эхом отдававшийся в пустой гостиной.

Она всё ещё видела его покрасневшее от ярости лицо, кричащее на нее. Она и Жанна никогда, никогда не разговаривали со своими родителями так, как Том разговаривал с ней.

Жанна. У неё внутри раздался сдавленный вопль. Она быстро вздохнула, не обращая на него внимания и подавляя его. Сейчас ей нужно было разобраться со своими детьми, а не горевать...

Она не могла себе представить, чтобы можно было так говорить. Но, казалось, ничто из того, что она делала, на него не влияло. Она пыталась урезонить его, пыталась отправить в его комнату, пыталась отшлёпать, но, похоже, ничего не помогало.

Казалось, что с каждым их переездом Тому становилось всё хуже. В детстве, на Гавайях, когда они дислоцировались на аэродроме Хикам Филд, он проявлял упрямство. В Уилусе (Авиабаза Уилус — база ВВС США, расположенная в оккупированной Великобританией Ливии и Королевстве Ливия с 1943 по 1970 год. прим. пер) он начал отказываться отвечать ей. В Вашингтоне он начал огрызаться — по крайней мере, там они жили среди гражданских лиц. Теперь он был груб, непослушен, постоянно злился. Нахамил жене полковника! Не подчинялся прямым приказам! Она пыталась объяснить это его отцу, но Стив просто посмотрел на неё и сказал: "Разберись с этим".

Стив не хотел, чтобы его собратья-офицеры думали, что он не способен поддерживать порядок в собственной семье. И Джейн отчётливо помнила самый первый обед жён офицеров, на котором она побывала всего через год после того, как они со Стивом поженились, где темой разговора была жена капитана, которая носила юбки до колен и не оставляла визитных карточек, когда приходила в гости. Закрыв глаза, она всё ещё могла видеть сияющие глаза, понимающие улыбки, которыми они обменивались, слышать звон серебра и бокалов и благовоспитанное веселье. Тогда она почувствовала, что в любую минуту они поймут, что на самом деле она не одна из них, и набросятся на неё и тоже разорвут на куски, а вместе с ней и карьеру Стива. Вместо этого она тоже улыбалась, не совсем понимая, над какими оплошностями они посмеивались, но тоже хихикала, просто чтобы быть похожей на них, просто чтобы выглядеть так же.

Она попыталась сказать об этом Стиву, а Стив снова посмотрел на неё. Этот взгляд говорил: "Конечно, всё так и есть. Почему ты хочешь, чтобы всё было по-другому? Что с тобой не так?"

Дети, выходящие за рамки приличия, жёны, ведущие себя неподобающим образом, никак не способствовали карьере мужчины. Так или иначе, она

должна была найти способ держать Тома в узде или, по крайней мере, заставить его вести себя тихо, чтобы люди не говорили о нём.

Вздвогнув, она пошла на кухню и достала бутылку джина. На вкус напиток был ужасен: она подумала, что это был один из способов контролировать своё пьянство, один из способов понять, что на самом деле у тебя нет проблем — ты пьёшь только то, что ненавидишь, поэтому никогда не выпиваешь слишком много. Она наполовину наполнила бокал, сделала большой глоток, вздрогнула и поморщилась. Через мгновение стало тепло, и она почувствовала, как крупные мышцы начинают понемногу расслабляться.

Они даже не должны были находиться в Хайнерберге, они должны были находиться в Крествью (Крествью - Крупнейший город в округе Окалуза, штат Флорида, США. прим. пер), где жили старшие офицеры. Но Стив был на временной службе в Берлине, когда пришёл приказ, и у неё была неделя, чтобы подготовить детей и отправить всё необходимое из Вашингтона в Европу. А когда они добрались до Висбадена, там вообще не было свободного жилья, и им пришлось остановиться в отеле. Не её вина, что первое подходящее жильё, которое нашлось, оказалось в жилом комплексе, где размещались как офицеры, так и сержанты. Ей пришлось всё решать самой, даже не обсудив это с кем-то ещё из семьи.

Но это означало, что Стив был самым высокопоставленным офицером в здании, и это означало, что люди наблюдали за ним. Наблюдали за ней. Постоянно. Стив ничего не сказал ей, когда пришёл и узнал, что произошло. Он всегда был из тех, кто стремится к лучшему. Но всё же он был разочарован: он хотел быть в Крествью. Она поняла это по выражению его глаз. Потом он снова уехал, и ей пришлось в середине учебного года перевести Тома в американскую школу и найти какое-нибудь занятие для Мисси.

Бедная Мисси. Она только что завела друзей в Вашингтоне, привела домой маленькую девочку из детского сада, а потом они снова переехали. Мисси никогда не жаловалась. Но почему-то казалось неправильным, что маленькая девочка так охотно расстаётся со своей подругой, как будто дружба - это одна из тех вещей, которые в любом случае носят временный характер. Она была такой тихой. На самом деле, никаких проблем не возникало. Ей не нужно было думать о Мисси.

Она должна была думать о Томе. Том не понимал, что не может просто так взять и уйти. Она должна была знать, где он находится каждую минуту. Каждый вечер она слушала новости по радио, слышала угрозы Хрущёва и самолёты, пролетающие над головой, и молилась, чтобы

русские не пришли: она просыпалась посреди ночи, вся в поту, уверенная, что сработала сирена оповещения об эвакуации, а она её пропустила, что в Хайнерберге все уехали, погрузив все свои вещи в свои машины, а они с Томом и Мисси были единственными, кто ещё оставался там, и танки двигались по улице, для того, чтобы их найти.

Иногда ей требовался целый час, чтобы убедиться, что это был всего лишь сон, что никакой сирены не было. Она вставала и выглядывала в окна, пытаясь разглядеть, не припаркованы ли ещё машины перед зданием. Однажды она даже спустилась вниз и посреди ночи стояла на улице в одном халате, чтобы посмотреть, не пролетает ли над головой самолёт, выпускающий двойные красные сигнальные ракеты.

Она сделала ещё глоток джина. Боже, какая это была ядовитая штука. Но это помогло ей расслабиться. В тот раз, когда она вышла на улицу, чтобы поискать людей, она вернулась и выпила целый стакан, просто чтобы расслабиться настолько, чтобы снова заснуть. А на следующее утро у нее была ужасная головная боль. Именно тогда она обнаружила, что небольшой стаканчик выпивки помогает и в этом. Конечно, обычно она никогда не пила по утрам, но это было исключение.

Она сделала ещё глоток и посмотрела на уровень ликёра в бокале. Она поняла, что этого будет недостаточно. Она достала бутылку и снова наполнила бокал до половины. Боже, Том выглядел таким потрясённым, когда она дала ему пощёчину. Она чувствовала себя чертовски виноватой, но ей пришлось заставить его замолчать. Она должна была это сделать. Он должен был замолчать.

Она снова наклонила бутылку над бокалом и наблюдала, как остатки джина приближаются к краю.

"И куда бы ты отправился?" - спросил Сэм с неподдельным любопытством. Время от времени, когда он рос, он злился на своего собственного брата Тома или на своего отца. Когда ему нужно было куда-то пойти, обычно это оказывался коровник, и иногда он так злился, что чистил доильные аппараты, просто чтобы чем-то занять руки.

Годы спустя он удивлялся тому, когда именно случались драки, из-за которых он, кипя от злости, уходил в коровник. Для Тома Беккета была бы недостойно злить своего младшего брата только для того, чтобы отлынивать от своей очереди на обслуживание доильного аппарата.

Недостойно, но Том тоже не был дураком. Чистить доильные аппараты - та ещё морока.

Но насколько ему было известно, в Хайнерберге не было доильных аппаратов. К тому же Том Робишо был не из тех, кто способен конструктивно вымещать свой гнев. Он был худощавым, темноволосым и тонкокостным, а глаза у него были того же фиолетово-голубого оттенка, что и у его сестры, и он хрустел костяшками пальцев и сидел, ссутулившись, словно ожидая удара.

"Куда бы ты отправился?" - снова спросил Сэм.

Затылок Тома дёрнулся из стороны в сторону в знак отрицания. "Я не знаю. Мне всё равно. Подальше отсюда."

"Лучше бы она умерла, а не тётя Жанна."

Сэм понял, что он не шутил. Его голос был полон искренней убеждённости. Он действительно ненавидел свою мать и действительно желал ей смерти.

"Что она сделала?" ...на этот раз, - мысленно закончил он, похолодев от ужаса.

"Она говорит, что я заговорил с женой полковника Элфенстейна, и она сказала, что я должен извиниться. Я не мог выйти, пока не извинюсь. Миссис Элефант спросила меня, нравится ли мне здесь, и я сказал "нет"! Это не означает разговор!"

"Да, не похоже," - осторожно согласился Сэм. "И что произошло потом?"

"Миссис Элефант сказала, что, по её мнению, мне здесь должно понравиться, потому что это Германия. А я сказал, что ненавижу её из-за русских. И миссис Элефант сказала, что я не должен думать о русских. А я сказал, что она была бы дурой, если бы не Поступила так, потому что у них куча танков, и они придут и перестреляют нас всех. Они собираются нас разбомбить. Так было сказано по радио". Том всё ещё не поднимал головы. Ему не нужно было, чтобы Сэм почувствовал его горечь и страх. Он безоговорочно верил в то, что говорил. Как и большинство американцев в то время, понял он. Но эти американцы в буквальном смысле находились на передовой потенциальной ядерной войны, а американцы у себя дома никогда не испытали бы ничего подобного.

Он подумал о чемоданах, собранных на случай эвакуации, и задался вопросом, сколько американских военнослужащих объяснили своим детям, почему они должны всё время находиться в пределах

достижимости, почему они должны быть готовы бросить всё в течение двух часов, чтобы спастись от угрозы, которая неизбежно их опередит. Он задавался вопросом, многие ли из них объяснились со своими жёнами, не говоря уже о детях.

Вероятно, немногие. Как вы могли бы объяснить отсутствие новостей, которые каждый день передаются по радио, в "Звёзды и Полосы", "Висбаден Пост" и всех других газетах во всех других местах службы американцев в Европе? Те, кто осознавал всю степень угрозы, были обязаны засекретить свои знания. Что касается остального — в конце концов, на дворе был 1961 год, и лишь немногие мужья находили время, чтобы объяснить это своим жёнам, и ещё меньше родителей находили время, чтобы объяснить это своим детям. Но женщины и дети не были глухими и не были глупыми, и они могли измерять расстояния на картах и смотреть на горизонт, чтобы увидеть, что происходит и что их ждёт.

Были газеты и радиоприёмники. Были приказы быть готовыми к отъезду. Возможно, офицеры и рядовые решили, что этого достаточно, и эти приказы они передали своим семьям. Приказы, которые передавались по цепочке командования, от президента к Объединённому комитету начальников штабов, к военным командованиям в Европе, к отдельным подразделениям, а затем, неумолимо, к семьям.

В Штатах они могут нервничать. В Европе, и особенно в Германии, люди находились там напрямую. Их единственной надеждой была дипломатия политиков, а для верующих - милость Божья и мощь вооружённых сил Соединённых Штатов.

"Элементарная дисциплина," - подумал Сэм и решительно отбросил эту фразу, не став говорить её вслух.

"Тебе, наверное, не следовало называть её миссис Элефант," - заметил он, сохраняя как можно более мягкий тон. "Если её зовут миссис Элфенштейн."

Том наконец поднял голову, и на его лице появилась слабая улыбка. - "Она похожа на слониху. Ты сама так сказала."

"Упс," - подумал Сэм. Мисси оказывается тоже была не ангелом. "Ну, я бы не сказала ей этого в лицо!"

Улыбка исчезла с его лица. "Миссис Элфенштейн позвонила и рассказала всё ей. И мама сказала мне, что я должен извиниться, а я отказался это делать. Поэтому она сказала, что я не могу никуда пойти, потому что миссис Элфенштейн - секретарь Клуба жён офицеров и у мамы будут

неприятности, и у папы тоже будут неприятности, и это будет моя вина."

"Почему у папы должны быть неприятности?"

Том воспользовался возможностью, чтобы проявить снисходительность к своей младшей сестре и одновременно восстановить душевное равновесие. "Она секретарь Клуба офицерских жён, дурочка," - повторил он. - "Она расскажет полковнику Элефанту, а он расскажет папиному боссу, и это попадет в папин отчёт об эффективности."

"Что ты сказал?"

Том кивнул. Подтянув колени к груди, он обхватил их пальцами, и манжета рубашки задралась, обнажив жёлтую отметину над запястьем. Он заметил, что Сэм пристально смотрит на него, и задрал рукав ещё выше, с критическим интересом разглядывая старый, большой синяк. "Она говорит, что я должен носить эти футболки, пока не исчезнет пятно, даже если на улице жарко. Я думаю, она боится, что кто-нибудь увидит их и подумает, что я недостаточно быстро реагирую."

Сэму потребовалось несколько секунд, чтобы обрести дар речи. "А она не боится, что кто-нибудь донесёт на неё за то, что она тебя так ударила?"

Том посмотрел на него с искренним недоумением. "Донесёт на неё? Кому?"

"Ну... Ты мог бы". Сэм с неловкостью осознал, что действительно не знал, кому можно сообщить о жестоком обращении с детьми в армии в 1961 году. Он решил не забыть спросить об этом Эла.

"Мы не можем сообщать о таких вещах. Мы же дети". Том отвернулся, отвергая это предложение с такой категоричностью, что даже Сэм не захотел продолжать.

"Я ненавижу её," - повторил он. "Я собираюсь сбежать."

Сэм начал думать, что этот разговор ни к чему не приведёт. "И куда ты отправишься?" - попытался он узнать снова.

Том пожал плечами. "Не знаю. Я мог бы пойти на свалку, наверное. Или я мог бы пойти в парк и жить там."

"А что ты будешь есть? И где ты будешь спать?"

Том пожал плечами.

"Ты собираешься уйти сегодня вечером?"

"Ты не можешь уйти со мной!" - Том встал и одним плавным движением сбросил коллекцию пластиковых лошадок с подоконника на пол. "Я пойду один. Я собираюсь делать то, что хочу, а не следовать дурацким правилам и быть вежливым всё время". Он направился к двери. "Я больше не позволю ей бить меня."

Хватаясь за соломинку, Сэм спросил: "Ты не собираешься подождать, пока папа вернётся домой?"

"Папа никогда не вернётся домой". Том взялся было за ручку двери, но остановился в ожидании, как будто хотел, чтобы его отговорили от того, что он только что сказал.

"Он возвращается домой завтра вечером. Я слышала." От шестилетних детей не ожидали точности, - понял Сэм. Том не ожидал, что Мисси сможет объяснить, что ей известно.

"Правда?"

Сэм энергично закивал.

"Тогда я останусь, пока он снова не уйдёт, а потом убегу."

"Нет, если я смогу помочь," - подумал Сэм. "Я здесь не для того, чтобы остановить Третью Мировую Войну. Я здесь для того, чтобы остановить тебя."

[ГЛАВА 9]

Западный Берлин "должен быть ликвидирован как опорный пункт холодной войны", - Вальтер Ульбрихт, лидер Восточной Германии.

Вербина сунула Посетительнице в руки большой лист бумаги для рисования и положила на белый столик рядом с собой жестяную коробку, полную цветных карандашей. "Тебе нравится рисовать, Мисси?"

Неуверенная улыбка была почти как у Сэма Беккета, но Мисси даже не попыталась прикоснуться ни к бумаге, ни к карандашам. "Да, мэм."

"Это замечательно!" - Вербина заставила себя проявить больше

энтузиазма, чем чувствовала на самом деле. "Не хочешь ли ты сейчас нарисовать картинку?"

"Да, мэм." - последовала небольшая пауза. - "Что бы вы хотели, чтобы я нарисовала?"

"Всё, что ты захочешь, дорогая. Выбирай сама". Её докторская степень не была посвящена детской психологии, но она освежала в памяти пройденные курсы. Арт-терапия была рекомендована для лечения травм. Она не ограничивалась только детьми. В этот момент она была готова попробовать всё, что угодно.

"Всё, что я захочу?" - спросила Мисси.

"Всё, что угодно," - повторила Вербина.

Мисси потянулась к карандашам, не сводя глаз с доктора, и выбрала один из них. Посмотрев, наконец, на бумагу и карандаш в своей руке, она заколебалась. — "Можно я..."

Карандаш в её руке был красного цвета.

"Хочешь другой цвет, милая?"

Мисси кивнула, и её глаза — глаза Сэма — наполнились слезами.

"Мисси, ты можешь использовать любой цвет, какой захочешь. Ты можешь использовать все цвета, если хочешь. И ещё здесь много бумаги. Ты можешь нарисовать столько рисунков, сколько захочешь. Можешь использовать всё, а завтра я принесу ещё". Ей было трудно говорить бодрым и ободряющим голосом, когда она хотела найти взрослых, которые запугали эту маленькую девочку до такой степени, что она боялась взять в руки второй карандаш без разрешения, до такой степени, что она боялась раскрасить картинку. "Ты бы хотела, чтобы я ушла, пока ты будешь над этим работать?". Хотела найти их и задушить.

Мисси снова заколебалась.

Вербина поняла, что было нечестно просить её ответить на этот вопрос. Она не могла сказать взрослому человеку, чтобы тот уходил. "Вот что я тебе скажу. Я поднимусь по лестнице в ту маленькую комнату." - она указала на пункт наблюдения. Мисси посмотрела, куда она указывала, и кивнула. "Я собираюсь кое-что сделать. Когда закончишь, помаши рукой, и я посмотрю, а потом мы сыграем в другую игру, хорошо?"

Мисси энергично кивнула, и Вербина порывисто обняла её. Широкие плечи

девочки напряглись. Вербина легонько поцеловала седую прядь волос и отпустила её, думая: "Девочка, я найду твоих родителей и просто убью их, клянусь!"

Она поднялась по лестнице на смотровую площадку, уселась в кресло и принялась демонстративно перебирать бумаги. В то же время она изменила угол обзора экрана, чтобы обеспечить себе более удобный обзор.

Мисси смотрела на неё снизу вверх. Она помахала рукой и улыбнулась. Мисси улыбнулась в ответ, теперь уже не так неуверенно, и потянулась за карандашом.

"Зигги," - сказала Вербина, - "Покажи мне, пожалуйста, что она делает."

Экран заполнился изображением мужской руки, сжимающей цветную палочку, слишком маленькую для неё, длинные пальцы двигались вверх-вниз, пытаясь найти удобный захват. Сэм Беккет хорошо разобрался в деталях и был неплохим чертёжником, но великим художником он не был. Его таланты всегда проявлялись в музыке.

Однако у Мисси был определённый талант. Даже с таким недостатком, как гораздо более крупное тело и синапсы, к которым она не привыкла. Она рисовала дом.

Камера приблизилась. Нет, это всё-таки был не дом. Возможно, многоквартирный дом: длинное здание с тремя дверями и соответствующими количествами из шести окон в трёх парах над каждой дверью, увеличенных до нужного размера. Каждое окно, за исключением того, что находилось в самом верхнем левом углу, имело свою собственную оконную рамку с цветными точками, обозначающими цветы. Мисси аккуратно нарисовала зелёную полосу на лужайке перед зданием, а затем взяла белый карандаш и нарисовала небо. Вербина отметила, что это были не облака, а однородное белое небо.

Затем она остановилась, изучая композицию, наклонив голову, а затем осторожно отложила рисунок в сторону.

"Никаких людей," - пробормотала Вербина.

"Это изображение представляет собой приблизительную копию здания, в котором жила семья Робишо во время поездки майора Робишо в Германию," - ответил компьютер. Изображение рисунка застыло и съёжилось в одной части экрана. На другой стороне экрана было изображение чёрно-белой фотографии здания. Сходство было достаточно

близким, чтобы его можно было распознать, за исключением оконных проёмов. Ни в одном из окон на фотографии не было оконных проёмов.

"Я полагаю, здесь жила семья," - сказала Вербина, легонько постучав по изображению окна в верхнем левом углу.

"Совершенно верно, доктор. Как вы догадались?" - Зигги иногда был недоволен, когда ему напоминали, что простые люди тоже могут делать обоснованные выводы. Это было частью огромного эго, которое было в нём запрограммировано. Вербина всегда считала, что это было одно из наименее вдохновляющих решений доктора Беккета.

"Она думает, что у всех остальных есть то, чего нет у них," - ответила доктор. "Она думает, что другие люди счастливы. У них есть цветы. У её семьи их нет". Взглянув на Посетительницу, она увидела, что Мисси снова усердно работает. "Что она сейчас делает?"

"Рисует семью," - лаконично ответил Зигги, всё ещё обижаясь. "Её навыки в портретной живописи соответствуют её возрастной группе."

Вербина приподняла бровь, но ничего не сказала. Экран снова изменился, и на нем появилось изображение через плечо Посетителя. Изображение было скрыто рукой, которая его создавала, и другой рукой, которая не только удерживала бумагу на месте, но и прикрывала набросок.

Рисовавшая рука замерла. Вербина догадалась, что Мисси украдкой смотрит на площадку, и позволила себе демонстративно зевнуть, прежде чем поднять глаза и ободряюще улыбнуться девочке. Мисси улыбнулась в ответ, а затем, вернувшись к рисунку, резко скомкала его и положила на угол стола. И тут же начала рисовать заново.

"Ей не понравился последний рисунок, не так ли?" - задумалась Вербина. "Какой самый лучший снимок у нас был?"

Этого было недостаточно. Всё, что она могла разглядеть, были линии и круги. Мисси удалось скрыть это даже от компьютерных сканеров.

Но рисунок был всего лишь скомкан, а не порван, и вместо того, чтобы бросить его на пол, как это сделал бы любой другой ребёнок её возраста, она отложила его в сторону. Чтобы позже его достал и изучил дружелюбный местный психолог...

Мисси занималась этим больше часа, прежде чем собрала разбросанные цветные карандаши обратно в коробку и застенчиво махнула рукой. Три рисунка были сложены и расположены на столе. Вербина посмотрела на часы — было почти время ужина — и спустилась вниз, чтобы

присоединиться к ребёнку. Она не могла позволить, чтобы это продолжалось слишком долго. Потребность организма Сэма в еде и сне отличалась от потребности Мисси, но разум Мисси управлял телом Сэма, а у Мисси был разум растущего ребёнка.

"Могу я посмотреть твои рисунки?" - спросила она.

Законченные работы были аккуратно сложены под локтем Мисси. Вербина наблюдала за тем, как девочка с неохотой протягивала их вперёд, но ничего не заметила.

"Твои рисунки очень хороши," - сказала она. Это не было преувеличением. Некоторые рисунки были неуклюжими, но все они демонстрировали уровень детализации, например, цветы в цветочных ящиках, которыми Вербина искренне восхищалась. "Вот этот очень милый. Здесь живёт твоя семья?"

"Ага." - Мисси была немного насторожена, но довольна похвалой. - "Мы живём здесь, наверху."

"Я так и думала. Красивое здание". Она просмотрела другие рисунки.

Там были птицы, лошади, деревья и дома, но совсем не было людей.

"Почему ты нарисовала небо таким цветом, Мисси?"

Густые брови в замешательстве сошлись на переносице. "Потому что это его цвет."

"Я всегда думала, что небо голубое."

Мисси покачала головой. "Нет. Небо белое."

Она была настолько уверена в этом, что Вербина не захотела спорить. Должна же быть какая-то причина, по которой девочка так думала. Хотя, если подумать, на фотографиях, которые сделал Зигги, небо было однообразно серым. Позже ей нужно будет не забыть спросить об этом у компьютера.

Но ей было жаль, что она не сможет рассказать Мисси о Проекте, вывести её на поверхность Проекта, чтобы она могла побегать вокруг зданий и полюбоваться сияющей, чистой синевой. Мисси придётся остаться в Зале Ожидания на тот случай, если Сэм выполнит то, что от него требовалось, и сможет прыгнуть снова.

И если Мисси и весь мир выживут, может быть, когда-нибудь она всё равно сможет увидеть голубое небо Нью-Мексико собственными глазами.

"Я полагаю, тебе это не понравилось," - сказала Вербина. Она протянула руку, собрала отвергнутые рисунки и положила их в карман своего лабораторного халата, прежде чем Мисси успела возразить. "Я позабочусь о них для тебя."

Позже, за ужином в крошечном кафетерии, которое располагалось в шлакоблочном здании на поверхности Проекта, она разгладила первый рисунок и расположила его так, чтобы Эл тоже мог его видеть.

"И что тут такого?" - спросил он, отпивая кофе из чашки и делая ритуальную гримасу. - "Обыкновенные фигурки из палочек."

"Это единственные изображения людей, которые она сделала."

Эл ткнул в листы, разделяя их. - "Я ничего не смыслю в искусстве, но знаю, что это не очень хорошо."

"Ей всего шесть, Эл. На самом деле, даже нет шести. В этом месяце у неё день рождения."

Эл пожал плечами и посмотрел ещё раз. На первом рисунке были изображены четыре фигуры: две маленькие, одна, расположенная поодаль, среднего размера, и четвёртая, гораздо крупнее, возвышающаяся над двумя маленькими.

"Мама, папа и дети," - сказал он. "И что?"

"Итак, очень маленькие дети, очень-очень большая мама, которая держит их за плечи. А вот и папа, надвинув шляпу на глаза, далеко-далеко. И посмотри на этого второго. Никто не улыбается. И третий...Эл, ни у кого из них даже лица нет. Но каждого из них крепко держит мать."

"Я не детский психолог, но мне кажется, что есть несколько очевидных выводов, которые мы можем сделать."

"Всегда ли очевидные выводы верны?" - Духовка в кухонном отсеке пискнула, и Эл встал, чтобы достать пару пирогов в горшочках. Вернувшись, он положил один перед Вербиной, другой перед собой и пробормотал: "Я знаю настоящую причину, по которой Сэм сбежал отсюда. Он искал приличную еду."

Вербина усмехнулась и разломала форму для выпечки, выпустив пар. "Знаешь, я сама предлагала готовить."

"Вербина, если кто-то из нас будет готовить, то это сделаю я, хорошо?". Он нарезал ножом свой пирог. "При всём моем уважении, твоя стряпня

ещё хуже, чем это блюдо."

Вербина пожала плечами.

"Дело в том, что здесь есть информация, которую мы, возможно, сможем использовать, чтобы помочь Сэму."

"И, может быть, поможем Мисси, а?"

"Ну, конечно." - Эл отправил в рот вилку с дымящейся кашей и не слишком сдержанно вскрикнул.

Вербина проигнорировала его отчаянные попытки остудить обожжённый язык. - "Зигги сказал, что вероятность того, что Сэм предотвратит Третью Мировую Войну, составляет девяносто четыре процента."

Эл энергично кивнул, наконец-то расправившись с едой. "Да уж. То есть, да. На девяносто четыре процента."

"Значит, есть шестипроцентная вероятность того, что он должен сделать что-то другое."

На лице Эла отразилось отвращение. - "Ты ведь не играешь в кости, Вербина?"

"Нет, а что?"

"Или в покер? Или в блэкджек?"

Вербина бросила на него ласковый, полный раздражения взгляд. "Ты хочешь сказать, что шансы против этого невелики."

"Я бы не поставил своё пенсионное жалованье на шесть шансов из ста."

"Но разве ты не говорил, что Сэм тоже не думает, что он там из-за этого?"

"Ох, Сэм," - Эл пренебрежительно махнул рукой. - "У него всегда возникают всевозможные идеи о том, почему он куда-то прыгнул."

"И обычно он оказывается прав, не так ли?"

Эл остановился на полуслове и посмотрел на неё. "В любом случае, на чьей ты стороне?"

"На стороне Мисси. На стороне Сэма. На твоей стороне, конечно же."

"А ты смотрела на происходящее вокруг на улице в последнее время?"

Вербина вздрогнула. "Нет, спасибо."

Проект существовал в тот момент времени, в котором он мог существовать: отрезок, который на данный момент был чрезвычайно узким. Те действительно радикальные изменения во временном потоке, которые угрожали самому существованию Проекта, отбрасывали его "в сторону", пока всё снова не налаживалось. До сих пор всё всегда налаживалось. Никто не хотел задумываться о последствиях, если бы этого не произошло. Между тем, за пределами Проекта продолжался непрерывный цикл "вбок", в котором царил хаос.

Когда-нибудь они рассмотрят этот вопрос в деталях. Но не сейчас. Вернее, не в этот момент времени.

"Но это, знаешь ли, мой аргумент," - продолжила Вербина. "Либо Сэм спасёт нас, либо этого не произойдёт с самого начала, потому что если бы это произошло, нас бы здесь не было."

"Должно быть, это женская сторона Сэма запрограммировала Зигги." - зарычал про себя Эл. - "Никто так не умеет извращать логику, как женщины." - он вздохнул и запрокинул голову, уставившись в потолок. "Ладно. Зигги, удовлетвори даму."

"Это законный вопрос, Адмирал," - огрызнулся Зигги. "Не нужно быть снисходительным."

Эл наклонился вперёд, чтобы посмотреть на Вербину. "Я обращаюсь с тобой снисходительно, Вербина?"

Вербина искренне улыбнулась, хорошо привыкшая к его особым причудам. "Ты бы не посмел."

Эл выразительно кивнул. - "Чертовски верно. Зигги? Если конца света не случится, что тогда произойдёт?"

"Кроме нас," - добавила Вербина.

Последовала пауза, пока компьютер экстраполировал историю мира из неизвестного источника. Это заняло некоторое время, даже у Зигги.

"Вероятность того, что Мисси Робишо будет передана в приёмную семью в течение ближайших двух недель, неуклонно растёт."

"Что?" - хором закричали Эл и Вербина. "Как это согласуется с твоим сценарием конца света?" - продолжила Вербина.

"Что случилось с её отцом? Его что, застрелили у Стены или что-то в этом роде?" - сосредоточился на другом Эл.

Зигги издал искусственный, но очень человеческий вздох. - "Как вы знаете, Адмирал и как вы знаете, доктор, мы имеем дело с несколькими вариантами развития событий одновременно. Это новый аспект набора возможностей второго порядка, о котором, как мне показалось, вам следует знать. Отвечая на ваш вопрос, Адмирал, скажу, что майор Робишо уволился из Вооружённых Сил в связи с сокращением штата в 1967 году."

"Его не повысили?" - нахмурился Эл.

"Влияние на отчёт об эффективности майора было таким, что он не рассматривался в качестве кандидата на повышение. Однако майор жив и по сей день, он ушёл на пенсию, сделав вторую карьеру в национальной бухгалтерской фирме."

"А что случилось с миссис Робишо и Томом?" - спросила Вербина.

"И что же повлияло на его отчёт об эффективности?" - спросил Эл.

"Похоже, Том Робишо сбежал из дома. Это может быть связано, а может и не быть связано с событием, зафиксированным в отчёте об эффективности, которое, как вы должны признать, повлияло бы на эффективность майора:этим событием было самоубийство миссис Робишо."

Эл и Вербина уставились друг на друга.

"Склонность к драматизму у него тоже от Сэма," - кисло сказал Эл.

[ГЛАВА 10]

"...США и их союзники должны удержать Западный Берлин , даже если это будет означать ядерную войну с Россией...Западная цивилизация сейчас находится в большей опасности, чем когда-либо в прошлом". — Сэм Рейберн, спикер Палаты представителей Конгресса США.

"Как она совершила самоубийство?" - спросил Сэм, спускаясь по ступенькам в подвал многоквартирного жилого дома. В этот поздний воскресный день там было безлюдно. Сэм, наконец-то покинув квартиру и оставшись один, решил исследовать окрестности.

"Зигги говорит, что с помощью таблеток и алкоголя. Никто не знает, было ли это преднамеренным, реакцией на смерть её сестры-близнеца, реакцией на давление, вызванное пребыванием здесь, или просто ещё одним глупым несчастным случаем. Но дети попадут в приёмную семью, потому что их отцу придется часто бывать в отъезде, и некому о них позаботиться, и когда он выйдет на пенсию, то договорится с приёмными родителями, чтобы те оставили их у себя". Эл зачарованно наблюдал за ручным пультом, поскольку возможность конца света отступала с каждым шагом, который Сэм делал вниз.

"А что это за набор вероятностей?" - спросил Сэм, вглядываясь в тёмную лестницу и нащупывая выключатель.

"Второй порядок."

Сэм кивнул, словно отмахиваясь от этой новости. Эл знал, что это не так. У него была привычка делать вид, что он игнорирует очевидное, чтобы сначала разобраться в деталях. Это была только видимость.

"Эй, а что ещё здесь есть?" - спросил Сэм, стоя у подножия лестницы.

Эл перевёл взгляд с экрана ручного пульта на пространство вокруг них. - "Вон там находятся камеры хранения," - сказал он, указывая на ворота из металлической сетки, которые тянулись от пола до потолка. Их было шесть, по одной на каждую квартиру на лестничной клетке. Одна стояла пустой, а дверь зияла: остальные были до отказа забиты коробками, саквояжами, чемоданами, и другими предметами мебели, собранными семьями, которые переезжали как минимум раз в три года и у них не всегда было время, желание или финансовые возможности, чтобы избавиться от всего и каждый раз начинать всё заново.

"А вон там..."

"Прачечная". Сэм прыгнул с последней ступеньки и заглянул за угол. В лицо резко ударили запахи мокрого белья и мыла.

Это была большая комната из серого бетона, слабо освещённая вечерним солнцем, проникавшим сквозь оклеенные бумагой окна на втором этаже. От стены к стене тянулись ряды мокрого белья, образуя панели из белых простыней, полотенец и нижнего белья. Вдоль стены стояли три пустые стиральные машины, ожидающие новой загрузки.

"Помещения для прислуги находятся здесь" - прошёл Эл сквозь клетки для хранения.

"Прачечная такая же большая, как кладовая и комнаты для прислуги?"

"Вместе взятые," - подтвердил Эл. "Эй, не вини меня. Это не я утверждал чертежи. Кроме того, не похоже, что здесь кто-то живёт."

Эл прошёл сквозь стены, чтобы посмотреть. Это было правдой. Комнаты для прислуги были того же размера, что и кладовые, возможно, достаточно большие, чтобы вместить раскладушку военного образца, потрёпанный шкаф и плиту. Очень маленькую плиту. Но горничных не было.

"Я не думаю, что ты можешь сказать, какая из них принадлежит Марте," - сказал Сэм, пробежав до конца маленького коридора и обратно.

Эл приподнял бровь. Иногда Сэм проявлял странную склонность перенимать черты людей, в которых он перемещался. Возможно, взрослый Сэм Беккет и не стал бы бегать взад-вперёд, но шестилетний ребёнок, у которого слишком много энергии, конечно, сделал бы это.

А взрослый Сэм Беккет никогда, ни за что не стал бы подглядывать в замочную скважину, пытаясь заглянуть в чужую спальню. Это было скорее свойственно ему, Элу Калавичи. "Подожди, вот оно."

"Откуда ты знаешь?"

"Там фотографии на комод. На них, похоже, Марта с маленькой девочкой примерно твоего возраста."

Сэм поморщился и снова выпрямился, вспомнив о том, что он всё-таки взрослый. "Ты знаешь, где сейчас Марта?"

Эл ткнул пальцем в ручной пульт. "Нет. Записей нет. Но это интересно... Зигги нашёл кое-что в старых документах Министерства Государственной Безопасности в Восточной Германии. Похоже, наша Марта действительно агент, но она не профессионал. У неё есть родственники на родине."

"Ты серьёзно?"

"Совершенно серьёзно. Но ты должен помнить, Сэм, что в данном случае до этой страны меньше трёхсот миль," — он огляделся, чтобы сориентироваться, и указал на прачечную, — "В ту сторону. Марта - одна из тех людей, которых кооптировали различные Советские разведывательные службы для сбора информации об американских военнослужащих. Она делает это не потому, что она убеждённая коммунистка: она делает это, потому что у неё родители в Восточной Германии, и её дочь там с ними. И ещё она получает немного дополнительных денег."

"Значит, она собирает военную информацию?"

"Сэм, у неё нет никаких обязательств перед нами. И она всё равно понятия не имеет, что это за материал. Они дают ей фотоаппарат, она делает снимки, они дают ей деньги. Если у неё будет достаточно денег, возможно, когда-нибудь она сможет жить в доме, который будет чуть больше обувного шкафа. В душе Марта - настоящий капиталист."

"Есть что-то нездоровое в системе, которая заставляет людей шпионить за другими людьми," - пробормотал Сэм, ударив ногой по стене.

Эл, помня о том, какой уровень безопасности требуется в проекте "Квантовый Скачок", ничего не сказал. Если Сэм не помнил о своём собственном допуске к секретной информации, что ж...может быть, в следующий раз он вспомнит об этом.

"Когда она собирается вернуться?"

Эл снова сверился с ручным пультом. "Ну, у Зигги нет её настолько точного расписания, иначе мы бы вообще сюда не пришли, но мы могли бы попробовать ещё раз примерно через час."

"А что произойдёт через час?"

Эл пожал плечами. "Я не знаю. Думаю, что Зигги тоже. Всё немного туманно."

Ручной пульт запищал. Эл фыркнул. "Умник компьютер," - пробормотал он - "Вообще-то, возможно, это как-то связано с возвращением транспорта в этот район. Зигги думает, что Марта, возможно, уехала навестить друзей или даже своих покровителей. Но ей нужно вернуться сюда примерно через час, иначе она вообще не сможет вернуться."

"Значит, остальные тоже скоро вернуться," - предположил Сэм.

"Да, это точно. Может, они все ушли в город. Эй, а куда ты идёшь?"

"Пойду поиграю."

Эл наблюдал, как маленькая девочка, которая на самом деле была взрослым мужчиной, поднялась по ступенькам и вышла за дверь.

Хайнерберг был относительно новым жилым комплексом. Ни одно из деревьев не было очень старым, хотя с точки зрения ребенка они казались бы выше. Длинный склон, пригодный для катания на санках зимой, но пока ещё покрытый зеленью, вёл к следующему зданию. На вершине склона росли невысокие кусты с тёмно-зелеными листьями и

ярко-красными ягодами.

Сэм прошёл по тротуару вдоль всего здания. Лестничная клетка, на которой находилась квартира Робишо, была под номером 21, а в здании также были лестничные клетки 19 и 17. Единственное, что отличало его от всех остальных зданий в поле зрения, - это номера на входной двери.

За зданием виднелись кусты и огороженная игровая площадка с качелями, горкой и большой песочницей с бетонными бортиками. Том сидел на краю песочницы, увлечённый беседой с другим мальчиком своего возраста. Сэм подошёл к качелям, чтобы можно было лучше незаметно наблюдать за ним. Он затеял соревнование "кто сможет раскачаться выше" с другой маленькой девочкой, которая через некоторое время сдалась и ушла в раздражении, не сказав ему ни слова.

"Что говорят вероятности второго порядка о будущем детей?" - он сел на деревянное сиденье и начал лениво раскачиваться взад-вперёд, постукивая ногами по земле. "Поскольку мы должны предположить, что оно у них есть."

Наблюдатель нажал на кнопку. "Хмммм. Мисси всё равно стала психологом. Так и не вышла замуж. Том..." - Эл нажал на кнопку. "Он то появляется, то исчезает. Теперь, похоже, Том работает механиком, у него жена и двое детей."

Сэм покачал головой. "Значит, если я здесь для того, чтобы спасти мир от катастрофы, Тома - от побега, а их мать - от самоубийства, то это для того, чтобы она могла продолжать издеваться над ними?"

Том и светловолосый мальчик склонили головы над чем-то очень интересным в песочнице. Внимание Сэма привлекло голубое мерцание в воздухе между ними. Двое мальчиков играли с огнём, поднимая к небу зажжённые веточки и размахивая ими. На одной маленькой веточке пламя погасло, и светловолосый мальчик достал коробок деревянных спичек и снова поджег её.

"Или, возможно, для того, чтобы сохранить семью. Я не знаю, Сэм. Это сложный вопрос."

На игровую площадку начали опускаться тени. Ещё несколько детей вошли и огляделись, заметили Тома и его друга и поспешно отошли в сторону.

"Он не очень популярен, не так ли?"

"Нет. Я думаю, что он в принципе хороший парень, Сэм, просто...ой-ой."

Мальчик, который был с Томом, подталкивал его локтем и кивал в сторону Сэма. Том сопротивлялся какому-то предложению.

"Так что, может быть, если Том не сбежит, его мать не попытается покончить с собой," - продолжал Сэм, ничего не замечая.

"Мы не знаем, было ли это самоубийством, Сэм. И я думаю, тебе лучше уделить немного внимания этим маленьким чертятам," - пока Сэм говорил, Эл набирал запрос Зигги.

"Каким чертятам..."

Но к этому времени двое мальчишек уже пробирались к качелям.

"Привет, Мисси," - сказал друг Тома.

Что-то в тоне его голоса привлекло внимание Сэма. Это был бледный блондин с почти незаметными бровями. Том держался в стороне, позволяя другому мальчику взять на себя инициативу.

"Что тебе нужно?". Что-то в поведении мальчика заставило Сэма вздрогнуть. Если бы он оттолкнулся от двух мальчиков, качели поднесли бы его ближе. Он не очень-то хотел быть ближе. Оба мальчика были крупнее Мисси и они оба нависали над ним.

Он не привык к тому, чтобы его пугали чьи-то габариты. Сам он не отличался громоздкостью, но был быстр, подтянут и хорошо владел несколькими боевыми искусствами. У него никогда не было недостатка в храбрости.

Но сейчас он был не в своём теле. Мисси не была хрупкой, но она была ребёнком и научилась читать язык телодвижений окружающих её людей, особенно когда дело касалось потенциальных угроз. Этот язык тела означал неприятности, и именно поэтому Мисси отшатнулась. Конфликт между чутьём хозяина и умственными способностями Сэма привёл к тому, что он попал в несколько интересных ситуаций.

Это была одна из них.

"Мы хотим посмотреть на твои трусики," - усмехнулся блондин.

"О, нет," - простонал Эл. - "Это Уолт Дэвис, Сэм. От него одни неприятности."

Сэм бросил на Эла удивлённый взгляд, в котором читалось: "О, правда? Какой сюрприз!", затем снова переключил внимание на мальчиков.

Сэм посмотрел на Тома. Том отвёл взгляд.

Светловолосый мальчик ткнул Сэма в бок, потянувшись к поясу шорт Мисси. Том старался не смотреть сестре в глаза.

"Не прикасайся ко мне," - резко сказал Сэм.

"И что ты собираешься сделать, пугливый котик?" - Уолт сильно ударил Сэма/Мисси по руке. "Давай!"

"Ах ты, маленький негодяй," - прорычал Эл. Хорошо, что Сэм мимолётно подумал, что хорошо, что Наблюдатель был голограммой, иначе он бы вышвырнул Уолта пинком прямо с игровой площадки.

Сэм соскочил с качелей. У Мисси не было той хватки, к которой он привык, но, с другой стороны, у Сэма не было таких умственных ограничений, как у Мисси. Когда он наносил удар, он ожидал, что сможет использовать силу взрослого мужчины. Мисси не была взрослым мужчиной, но эта вера в свои силы, безусловно, использовала всё, на что было способно её хрупкое тело, как в плане удара в живот противника, так и в плане бегства.

Эл остался позади, чтобы посмотреть, что произошло. Уолт согнулся пополам и рухнул на землю. Том, разинув рот, смотрел вслед убегающей младшей сестре, потом на своего друга и решил не преследовать ни Мисси, ни эту тему. Он наклонился, чтобы поговорить со своим другом. Эл самодовольно кивнул и сказал. "Живчик, настрой меня на Сэма."

Но всё равно существовали пределы тому, что может сделать ребёнок, независимо от его умственных способностей. Сэм держался за входную дверь на лестничную клетку дома номер 21, его грудь вздымалась, как кузнечные мехи, а лицо было тревожно красным. Прошло долгих пять минут, прежде чем он смог протянуть руку и нажать на одну из кнопок рядом с табличками с именами.

Где-то внутри здания зазвонил дверной звонок. Ответа не последовало. Сэм попробовал ещё раз, сглотнув слюну.

И снова ответа не последовало.

Сэм подождал ещё немного, чтобы убедиться, что его дыхание стало нормальным, прежде чем заговорить. "Эл, сходи наверх и проверь, хорошо?"

Эл оглянулся через плечо назад, вдоль здания, в сторону детской площадки. В поле зрения никого не было.

Он нажал на кнопку на ручном пульте. Зигги и Живчик, наблюдавшие за ним, настроили его на миссис Робишо.

Миссис Робишо лежала без сознания на полу в главной спальне.

Эл уставился на распростёртое перед ним тело женщины. Одной рукой она вцепилась в край покрывала, стягивая его с подушек. Её рот был широко раскрыт, и она громко храпела.

Сжав губы в тонкую линию, Эл покачал головой. "Было бы бесполезно кричать на тебя, даже если бы ты могла меня слышать," - пробормотал он. - "Как ты могла допустить, чтобы это случилось с тобой? Как ты могла допустить, чтобы это случилось с твоим мужем и детьми?"

Тело на полу не ответило.

Эл ввёл изменения в команде на ручном пульте и появился рядом с Сэмом. "Это не работает," - сказал он. - "Она не в том состоянии, чтобы нажать на кнопку открывания двери...Сэм?"

Сэм не обращал на него внимания. Внезапно Эл понял почему. По дорожке приближались Уолт и Том. Светловолосый мальчик по-прежнему шёл осторожно, но выражение его глаз было безошибочным. Том, стоявший рядом с ним, что-то говорил ему, но его слова были быстрыми, настойчивыми и полностью игнорировались.

"Это похоже на новые неприятности."

"Так и есть," - пробормотал Сэм. К нему вернулось дыхание, но первоначальный удар и паническое бегство отняли у шестилетнего ребёнка много сил. Кроме того, бежать было больше некуда.

Он начал нажимать на другие кнопки рядом с другими именами, любыми другими именами.

"Это навлечет на неё неприятности," - заметил Эл.

Сэм недоверчиво посмотрел на него и снова застучал по кнопкам.

В динамике послышался прерывистый голос. "Кто это? Кто там внизу?"

"Это Мисси, и мне очень нужно попасть внутрь!" - закричал Сэм.

Это услышали мальчики. Уолт ухмыльнулся и пошёл быстрее. Том протянул руку, чтобы остановить его или, по крайней мере, замедлить, но Уолт стряхнул его руку, даже не оглянувшись.

"Тебе лучше перестать звонить мне в дверь, или твои родители узнают об этом!" - с этими словами динамик отключился.

Сэм снова нажал на кнопку звонка. - "Пожалуйста!"

"Я донесу на тебя, если ты сделаешь это ещё раз!". На этот раз говоривший не потрудился спросить, кто звонит.

К этому времени мальчики уже стояли на пороге. На лице Уолта играла уродливая ухмылка, которую не улучшал тот факт, что у него недавно выпал передний молочный зуб. Том смотрел на окна квартир с выражением, в равной степени выражавшим беспокойство и встревоженность.

"В чём дело, Мисси, неужели тебе некуда бежать?"

"Если ты не оставишь меня в покое, на тебя донесут," - сказал Сэм, поворачиваясь лицом к своему мучителю. "Я ничего тебе не сделала."

"Да, но мы собираемся кое-что с тобой сделать, не так ли, Том?"

Том закусил губу. - "Уолт, люди могут увидеть," - сказал он. - "Да ладно, оставь её в покое."

"Она меня ударила!"

Сэм, по крайней мере, получил удовольствие, услышав, как Уолт признал, что его ударили. Эл всё ещё что-то бормотал по ручному пульту и и беспомощно смотрел на двух мальчиков. "Ты заслужил это, маленький ублюдок," - пробормотал он.

Уолт шагнул вперёд, оттесняя Сэма к дверному проёму, чтобы его не было видно из окон квартиры. Он не сводил глаз с рук Мисси, явно не желая рисковать получить ещё один удар в живот.

Сэм сделал ложный выпад вправо, развернулся и снова нажал на кнопку звонка.

Двери оставались закрытыми.

Где-то вдалеке зазвучала запись горна, исполнявшего "Отступление". Машина на улице остановилась. Даже Том и Уолт, казалось, затаили дыхание на время исполнения мелодии. "Отступление" закончилось, заиграл Национальный гимн, и Уолт захихикал.

"Там кто-то выходит из машины," - в отчаянии сказал Сэм. "Оставьте меня в покое, или я закричу."

Уолт оглянулся через плечо. Этого было достаточно, чтобы Сэм в отчаянии толкнул его в плечо, пытаясь выбить из равновесия и расчистить путь к бегству. Но на пути стоял Том, не представляя реальной угрозы, но, тем не менее, выступая в качестве препятствия, и на этот раз Уолт был готов. Он нанёс ответный удар, и Сэм отлетел к закрытой двери.

"Ах ты маленький ублюдок!" - взорвался Эл. "Кто научил тебя, что ты можешь ударить девочку?". Он повернулся к Тому. "А ты почему не заступаешься за свою сестру?"

Одна часть сознания Сэма задавалась вопросом о справедливости этого конкретного правила, в то время как другая его часть задавалась вопросом, заметит ли человек, выходящий из машины, что происходит, и остановит ли это. Люди в Хайнерберге, похоже, развили искусство не вмешиваться в дела других людей на действительно очень высоком уровне. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь опустил до его уровня на минуту-другую или, по крайней мере, на достаточное время, чтобы уберечь его от избиения и раздевания догола маленьким десятилетним дикарём, помешанным на трусиках маленьких девочек. Он никогда не был таким, когда ему было десять.

"Эй! Уолт!" - Сэм услышал настойчивость в голосе Тома, предостерегавшего своего друга. "Уолт, прекрати."

В то же время он слышал, как Эл, стоявший практически у самой двери у него за спиной, сказал: "Это Марта. Она вернулась, куда бы она ни уходила. Она остановит это."

"Она всего лишь горничная," - прорычал Уолт, словно отвечая Элу, и снова потянулся к Сэму.

[ГЛАВА 11]

"Вы собираетесь вооружить немцев ядерным оружием. Вы говорите о воссоединении, а немецкий народ не хочет воссоединяться..." — Посол СССР Михаил Меньшиков

Сэм увидел, как голубые глаза Уолта расширились от удивления, когда

тяжёлая рука Марты опустилась ему на плечо и вцепилась в ткань рубашки. "Что вы, мальчики, делаете?" - спросила она с ещё более заметным акцентом, чем обычно.

"Уходи," - сказал Уолт, снова потянувшись к Сэму.

"Нет!" - сказала Марта, отталкивая мальчика. Его глаза расширились, и он пнул женщину. Она хмыкнула и протиснулась между Сэмом и двумя мальчиками. Уолт выругался и убежал, крича на ходу: "Ты ещё пожалеешь!"

"Сэм, это сработало!" - уставился Эл на канал передачи данных ручного пульта, практически задыхаясь от волнения. Сэм открыл рот, чтобы спросить, что именно получилось, но Марта схватила его за плечо, вытащила старомодную связку ключей, отперла дверь и втокнула его внутрь.

Том нерешительно последовал за ним. Марта повернулась к нему. "Что ты собираешься делать?"

"Ни-ничего. Я не собираюсь ничего делать. Мне жаль, если Мисси испугалась, я пытался сказать ему, чтобы он прекратил это. Ведь люди смотрели!"

"Ты думаешь, это веская причина? То, что люди смотрели?" - Марту это не впечатлило.

Том в замешательстве замолчал. Сэм понял, с точки зрения Тома, а также его родителей и сверстников, это была веская причина. Возможно, это была не единственная причина, но Том не понял бы почему Марта не согласна с этим. Марта жестом пригласила Сэма подняться по лестнице, и он поплёлся следом, а её тяжелые шаги эхом отдавались на лестничной клетке, пока они преодолевали два лестничных пролёта. Том плёлся позади, держась одной рукой за перила лестницы, и выглядел несчастным.

У Марты тоже был ключ от квартиры номер 5. Она поискала ключи на кольце, поднесла их к свету и, наконец, выбрала нужный. Эл, решив не ждать, прошёл сквозь дверь до того, как её открыли.

Сэм вошёл в квартиру, с заметным облегчением переступив через чемоданы. Ему было интересно, как часто Мисси приходилось отбиваться от друзей Тома.

Но, по крайней мере, хоть не от самого Тома. Брат Мисси откашлялся и сказал: "Послушайте, мне жаль, Уолту не следовало этого делать. Этого

больше не повторится."

Сэм, который сам раз или два извинялся перед младшей сестрой, оценил его старания. "Ничего страшного. Хотя он, наверное, разозлится."

"Это уж точно, Сэм," - подхватил Эл. "Он собирается донести на Марту как на шпионку."

"Как?" - спросил Сэм у Эла.

Марта снова фыркнула, её мнение было очевидным.

"Уолт всегда злится, когда не добивается своего." - Том, который подумал, что вопрос адресован ему, тоже решил, что объясняет очевидное. - "Где мама?"

Марта взглянула на закрытую дверь главной спальни и ничего не сказала.

"Она там, Сэм. Лежит без сознания на полу. Тебе не стоит туда заходить, да и Тому тоже."

"Думаю, она решила вздремнуть," - поспешно сказал Сэм. Он бросил обеспокоенный взгляд на Эла, но Эл, повидавший на своём веку немало пьяниц, успокаивающе махнул ему рукой.

"Не волнуйся за неё, Сэм. Она проснётся с адской головной болью, но не более того."

"Ага, конечно. Решила вздремнуть." - Том не поверил в удобную историю "Мисси", но не стал проверять.

Сэм подумал, что он, должно быть, привык к тому, что его мать решает "вздремнуть" в самые неожиданные моменты. Он покачал головой и подошёл к радиоприёмнику в гостиной, сделав мысленную пометку заглянуть к этой женщине позже, когда некому будет наблюдать, как девочка пытается вспомнить, как вести себя в роли врача. Он был склонен согласиться с компетентностью Эла в этом вопросе, но всё же ему было бы спокойнее, если бы он самостоятельно проверил жизненные показатели миссис Робишо.

Том скрылся в коридоре, который вёл в его комнату. Марта критически оглядела столовую и направилась на кухню. Звук льющейся воды возвестил о том, что она недовольна тем, как кто-то вымыл посуду.

"Что ты имел в виду, когда сказал, что Уолт собирается донести на Марту? - тихо спросил Сэм Эла через плечо, вертя в руках радиоприёмник цвета слоновой кости. Он нашёл станцию, на которой играла классическая

музыка, и из-под кончиков его пальцев доносились звуки Бетховена.

"Он расскажет своему отцу, что она сказала, а его отец доложит об этом," - просматривал данные на ручном пульте Эл. — "Отец Уолта - ой-ой. Он считает, что майор проявил беспечность, позволив своей жене нанять русскую. Марту, конечно, немедленно уволят и задержат для допроса. Ей так и не удастся украсть бумаги. Набор вероятностей, в котором содержалась война, просто испарился. Этого никогда не произойдёт."

"Так почему же я не совершил скачок? Есть ещё что-то, что я должен сделать, не так ли?"

Эл энергично раскуривал свою сигару. - "Ну, похоже на то. Когда этот маленький засранец — я имею ввиду Уолта - донесёт на Марту, раздастся сигнал тревоги — и майор потеряет своё место в списке на повышение. И всё начнётся с самоубийства. Может быть, это..."

"Подожди минутку! Какой сигнал тревоги? Что сказала Марта?"

"Ах да. Я забыл, что ты ещё не знаешь об этом. Завтра вечером будут учения по эвакуации. Именно в это время миссис Робишо примет слишком много таблеток и выпивки и умрёт. Самое время, правда?"

Сэм закрыл глаза и прислонился лбом к гладкому коричневому пластику корпуса радиоприёмника. - "Всё ясно," - сказал он. - "Это то, что я должен сделать. Я должен спасти её."

"Ты сам сказал, что если ты это сделаешь, то насилие продолжится." - неохотно кивнул Эл.

"Это из-за стресса, Эл. Я не думаю, что она делает это намеренно. Но посмотри, что происходит в жизни этой женщины: она только что пережила смерть сестры и не может даже приехать домой на похороны, её муж отсутствует и она не знает точно, где он и почему, кроме того, что это как-то связано с этим кризисом; она слышит всё о международной напряженности, речи Хрущёва и ответы американцев, французов и англичан, и она знает, что русские танки проводят манёвры менее чем в ста милях отсюда. Все эти "сабли" грохочут совсем рядом с ней, а она находится в чужой стране с двумя маленькими детьми, и мир вот-вот взорвётся, а она ничего не может поделать."

"И люди ещё смотрят," - сухо процедил Эл. "Внешний вид- это всё, что нужно для хорошей жены военного." - процитировал он. "Я думаю, удивительно то, что многие из них не сломались."

"Ты не можешь её винить," - продолжил Сэм. - "Она старается делать всё,

что в её силах. Её дети не очень-то помогают."

"Они же дети в конце концов. Дети думают, что, каковы бы ни были их обстоятельства, это нормально. У них нет достаточного опыта, чтобы понять, что это не так."

Сэм бросил на него быстрый взгляд. Эл время от времени рассказывал что-то о своих юношеских "обстоятельствах". Сэм задавался вопросом, действительно ли Наблюдатель рос, думая, что находится в нормальном окружении. Детский дом, бильярдные, театр...

Конечно, будучи Элом, он в любом случае сбежал бы от всего, что напоминало бы нормальную жизнь. Эл был из тех, кто наполняет чашу жизни до краев, выпивает её до дна и ищет закуску.

Но от Сэма всё ещё ускользал один маленький момент. "Что сказала Марта?" - спросил он. "И о чём Уолт вообще собирается сообщить? Не похоже, что он видел её в первый раз. Он знал, кто она такая. Что отличает этот раз от других?"

"Ах, да. Она сказала "нет"."

"Нет?"

"Она сказала это по-русски, Сэм."

"Её уволят за одно слово на русском?"

"Помнишь, что ты только что говорил об этих танках?" - заметил Эл. - "Достаточно одного слова. Не так давно Джо Маккарти (Джозеф Рэймонд Маккарти (14 ноября 1908 — 2 мая 1957) — американский сенатор-республиканец, придерживавшийся крайне правых реакционных политических взглядов прим. пер) доводил людей до холодного пота из-за того, что они сидели в церкви рядом не с тем человеком. Тот, кто говорил по-русски, считался шпионом. И она на самом деле такая, не забывай."

"Но это не её вина," - возразил Сэм. "И, кроме того, она защитила меня от Уолта."

"Никто и никогда ни в чём не виноват," - огрызнулся Эл. - "Но так или иначе, что-то всё равно случается, не так ли? И что мы должны делать, позволить ей уйти?"

"Я думаю, да."

Эл замолчал, узнав выражение лица Сэма. Сэм мог быть удивительно упрямым, когда дело доходило до того, чтобы поступать правильно.

Вероятно, подумал Наблюдатель, надувшись, именно по этой причине он был выбран той движущей силой, которая с самого начала стояла за скачками. Если и существовал когда-либо человек, способный исправить то, что однажды пошло не так, так как надо, то этим человеком был Сэм Беккет.

"Как ты думаешь, если ты предупредишь Марту, то совершишь скачок?" - спросил он.

"Нет. Я никогда не думал, что все эти разговоры о конце света как-то связаны с этим скачком. Это просто то, что я должен сделать". С этими словами он расправил плечи девочки, чьё тело он занимал и направился на кухню. Эл, качая головой, последовал за ним.

Марта была по локоть в воде для мытья посуды. Одна раковина была полна пены, а в другой была вода, которая когда-то была прозрачной, а теперь была мыльной и грязной. На кухне пахло горячей водой и уксусом.

"Марта?"

Марта взглянула на него, вынула тарелку из мыльной воды, покрутила её в воде для полоскания, критически осмотрела и поставила в посудомоечную машину. На ней были толстые жёлтые кухонные перчатки, что на мгновение вызвало у Сэма приступ ностальгии: его мать тоже надевала такие перчатки, когда мыла посуду.

"Да, в чём дело?"

Сэму потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что горничная говорит не по-английски, а по-немецки. Это значительно улучшило её беглость речи. Он ответил ей на том же языке, заставив её застыть на месте.

"Марта, я знаю, что ты должна здесь сделать, и я думаю, тебе следует знать, что Уолт — тот мальчик со светлыми волосами - собирается рассказать своему отцу, что слышал, как ты говорила по-русски."

"Я не говорю по-русски," - выпалила Марта, поворачиваясь к нему лицом и стаскивая перчатки. Она возвышалась над хрупкой фигуркой Мисси. - "Я ненавижу русских. Я хорошая немка."

"Но у них ведь есть твои родители и твоя маленькая дочка, не так ли? А даже если и нет, это не имеет значения. Когда ты предупреждала Уолта, чтобы он уходил, ты сказала "нет" на русском языке."

"Только одно слово. Вы, американцы, думаете, что знание нескольких

языков означает, что я шпионка, потому что у вас есть только один язык". Её густые брови нависли над маленькими тёмными глазами. - "Но ты хорошо говоришь по-немецки. Как тебе удалось так быстро выучить немецкий?"

"Это не имеет значения". Сэм увивал, и Марта это чувствовала. - "Важно то, что ты должна была забрать кое-какие бумаги у майора Робишо, не так ли, и кому-то их передать. Но Уолт собирается рассказать своему отцу, и они приедут и заберут тебя для допроса."

Взгляд полной пустоты, сплошная стена, опустилась на тяжёлые черты лица горничной. Она стояла очень неподвижно и очень долго смотрела на Сэма без всякого выражения.

"Откуда ты это знаешь?" - спросила она наконец.

"Не имеет значения, откуда я это знаю, не так ли? Ведь это правда."

"Я не позволю им забрать меня," - прошептала Марта. "Но моя маленькая девочка...у них моя маленькая девочка," — по её словам, было неясно, кто именно собирался забрать её и у кого был её ребёнок. Насколько Сэм мог судить, это не имело значения. Полиция могла работать под разными флагами и служить разным экономическим системам, но она всё равно всегда оставалась полицией. Они всегда стучали в дверь глубокой ночью, и Марта явно боялась обеих сторон в равной степени.

Сэм и Эл обменялись взглядами. - "Иногда ты просто не можешь победить," - тихо сказал Эл, хотя Марта вряд ли могла его услышать. - "Если Марту арестуют, кто знает, что они сделают с её семьей. Но если этого не случится, а она просто уволится, что ж, этого мы тоже не знаем. Записей нет. В некоторых местах Министерства Государственной Безопасности ГДР довольно тщательно избавлялись от улики, когда обрушилась стена."

"Марта," - мягко сказал Сэм, - "Я просто подумала, что ты должна знать, что Уолт собирается это сделать. Я ничего не могу сказать тебе о твоей маленькой девочке или твоих родителях."

Марта стояла посреди кухни, а с перчаток на её руках капала вода. - "Ты тоже говоришь по-русски?" - неожиданно резко спросила она на этом языке.

Сэм, поколебавшись, кивнул. "Да, я говорю по-русски," - ответил он в той же манере.

Марта снова задала вопрос, по-видимому, о каком-то другом наречии на

этом языке. Этого языка Сэм не знал, поэтому промолчал.

Марта мрачно улыбнулась. - "Значит, даже у демонов есть свои пределы."

"Может, и у полиции тоже."

"Ты не Мисси. Мисси не говорит ни по-немецки, ни по-русски. Кто ты?"

"Это не имеет значения, не так ли?" - Сэм глубоко вздохнул, не желая сейчас вдаваться в обсуждение Проекта. "Если ты заберёшь документы у майора, у тебя будут проблемы посерьёзнее, чем просто арест. Я передам ему то, что слышал от тебя."

"Моя мать - русская," - сказала Марта. "Но она неплохой человек. Это не её вина. После войны ей пришлось здесь нелегко. Немцы не любят русских. Ей и моему отцу было легче оставаться в восточной зоне."

"Нет, конечно, она неплохая. Я это понимаю, Марта, правда. Я не осуждаю тебя. Я просто хочу, чтобы ты знала."

"Они хотели остаться," - продолжила она. "Я подумала, что смогу найти больше работы, если приеду сюда. Я хорошо работаю."

Сэм понял, что она оправдывается. Оправдывается не перед ним, а перед полицией, которая, как она ожидала, приедет за ней. Репетировала, что ей придется сказать, хотя и верила, что это ничего не изменит.

"Они отпустили меня," - шёпотом продолжала Марта. - "Но оставили мою маленькую девочку. Они сказали, что я могу работать на американцев и зарабатывать много денег, а у моих родителей и моего ребёнка будет дом и хорошая еда. На востоке нет еды."

Сэм промолчал. Марта ещё некоторое время смотрела на него, затем снова натянула перчатки и повернулась к кухонной раковине, слила холодную воду для мытья посуды и добавила горячей, закончив мыть посуду. - "Я должна предупредить," - бросила она через плечо.

"Пятнадцать дней."

"У нас нет времени," - сказал ей Сэм.

Она кивнула, не оборачиваясь. - "Тогда я уведомляю вас об увольнении. Да?"

"Да."

Ручной пульт запищал, когда Эл запросил данные.

"Зигги говорит, что она закончит мыть посуду, спустится в свою комнату, соберёт вещи и исчезнет. Больше о ней никто ничего не услышит."

Сэм только собрался задать ещё один вопрос, но Эл уже опередил его с ответом. "У нас нет никаких данных о её семье, Сэм. Мне жаль. Насколько Зигги может судить, они просто выпали из истории. Секретные агенты проверили донос Уолта, но она исчезла прежде, чем успела причинить какой-либо вред, так что они тоже не стали за этим следить."

Не знать об этом было неожиданно больно. Сэм привык узнавать, что происходит с людьми после его вмешательства, испытывать чувство удовлетворения от осознания того, что, по крайней мере, есть какое-то искупление, если не счастливый конец, прежде чем совершить скачок. Но на этот раз не было никакой информации и квантового скачка тоже не было. Он никогда не узнает, правильно ли поступил, рассказав обо всём Марте. На этот раз не будет ответа ни от кого, кроме его собственной совести.

В конце концов, этого было достаточно. Так и должно быть.

Он повернулся и оставил женщину позади.

Оставалось еще проверить миссис Робишо. Он осторожно приоткрыл дверь в главную спальню и огляделся, мельком взглянув на своё отражение в зеркале над туалетным столиком. Вопреки своему желанию, он попытался улыбнуться, чтобы посмотреть, как улыбка выглядит на лице Мисси. Это было очень похоже на улыбку любого другого ребёнка, за исключением отсутствия правого переднего зуба. Он пожал плечами и опустил на колени рядом с распростёртой фигурой матери Мисси.

К этому времени она уже свернулась калачиком и спала, тихо похрапывая, положив голову на левую руку. Сэм пощупал пульс у неё под подбородком. Пульс был слабый и ровный. Он взял с кровати подушку и подложил ей под голову, размышляя тем временем о том, что произошло бы, если бы он попытался взять её на руки, а кто-нибудь - например, Том, - вошёл бы в комнату. Иногда ему хотелось, чтобы скачок совершало его тело, а не только разум, или душа, или сознание, или что бы это ни было. Это, безусловно, было бы удобно в таких ситуациях, как эта.

С другой стороны, было бы чертовски трудно найти шорты-бермуды подходящие по размеру.

Возможно, в какой-то другой временной шкале это произошло бы именно так, и проблема с одеждой каким-то образом была бы решена, но он был в этой временной шкале и должен был справляться с её ограничениями.

Он снова пожал плечами и расправил ноги и платье миссис Робишо, снял с кровати покрывало и укрыл ее, подоткнув одеяло. Казалось маловероятным, что она собирается двигаться до конца ночи. Не было никакого смысла позволять ей простудиться.

"Грустно, не правда ли?" - сказал Эл, пока Сэм чистил руки от ворсинок.

"Я не уверен, что "грустно" - это подходящее слово". Сэм огляделся и решил, что больше ничего не может сделать, чтобы женщине было комфортно. "Ладно. Итак, на чём мы остановились? Как, по словам Зигги, выглядит история сейчас?"

Эл посмотрел на экран ручного пульта. "Зигги считает, что майор приедет завтра днём, пробудет несколько часов и снова уедет. Завтра вечером будут учения по эвакуации, но семья Робишо не доберется до клуба "Орёл" — это место сбора. Послезавтра, утром, миссис Робишо будет найдена мёртвой в этой квартире от сочетания таблеток и алкоголя. Вполне понятный сценарий," - добавил Эл, подняв бровь в сторону миссис Робишо. Она что-то тихо пробормотала себе под нос и плотнее закуталась в покрывало. - "С Мисси всё в порядке. Том...О, нет..."

"Что? Что случилось с Томом?"

"В подсобном помещении нашли тело Тома, он умер от отравления дымом". Эл осторожно прикоснулся к разноцветным кубикам. - "Теперь Зигги говорит, что ты здесь, чтобы спасти Тома. Наверное...Это странно, Сэм. Зигги не может решить, выживет ли Том и станет ли он инженером, или погибнет в этом пожаре. Похоже, что решать тебе. Вероятность девяносто четыре процента."

Сэм, который уже слышал, как приводились эти коэффициенты, посмотрел на него с явным раздражением. "Есть ли хоть что-то стабильное в этом скачке? А что насчёт их матери?"

Эл покачал головой. - "Насколько мы можем судить, смерти произошли примерно в одно и то же время, Сэм. Так что ты можешь спасти одного из них, но не обоих. Хотя я не уверен, как ты должен это сделать."

"Было ли что-то конкретное, что спровоцировало инцидент? Почему она приняла таблетки?"

Эл пожал плечами. "Кто знает? Стресс? Возможно, её спровоцировали учения по эвакуации."

"Это случилось тогда, когда они должны были похватать чемоданы?"

Эл кивнул. - "Они наводили понтонные мосты через Рейн и другие реки, и военнослужащие отправлялись на службу. У их жён было два часа, чтобы собрать детей, погрузить всё, что им разрешалось взять с собой, в свои машины и добраться до места встречи."

"По понтонным мостам?" - недоверчиво переспросил Сэм, пытаясь представить свою мать, Тельму Беккет, за рулём универсала Робишо, пересекающего понтонный мост.

"Они торопились, Сэм, а существующие мосты не выдерживали движения."

"А что, если бы они не смогли найти детей? Если бы они играли на улице, или были в кино, или..."

Эл глубоко вздохнул. Его взгляд встретился со взглядом Сэма, и был непоколебимым и безжалостным. "Тогда детей придётся оставить."

[ГЛАВА 12]

"Наши партнёры и друзья делают всё возможное, чтобы подготовиться к сопротивлению..." - Конрад Аденауэр, канцлер Федеративной Республики Германия.

"Таковы факты, - сказал Эл. "Они нравятся мне не больше, чем тебе. Тебе они нравятся не больше, чем любому военному. Мы говорим об их детях, понимаешь. Но нельзя останавливать военную операцию из-за того, что потерялся ребёнок. Даже если это твой собственный ребёнок."

"Война вредна для детей и других живых существ", - тихо процитировал Сэм.

"Можно и так выразиться," - сказал Эл. В этом вопросе между ним и Сэмом существовал определённый барьер. Эл был профессиональным военным. Сэм предпочитал ненасильственное решение проблем везде, где это было возможно. Эл мог бы рассмотреть этот вариант в качестве первого, но он был готов подкрепить его флотом эсминцев и парой авианосцев, если потребуется.

"Значит, Мисси тоже потерялась?"

Эл сделал запрос у Зигги. "Нет. Её забрала военная полиция и передала надзирателям квартала."

Сэм посмотрел на миссис Робишо, которая теперь улыбалась во сне. "Кажется нереальным, что она умрёт через тридцать шесть часов. И Том тоже."

"Нет." - Эл яростно сжал свою незажжённую сигару. - "С другой стороны, если она умрёт, по крайней мере, над детьми больше не будут издеваться". Увидев свирепый взгляд Сэма, он поспешно добавил: - "Я имею ввиду, что если одному из них суждено умереть, и ты можешь спасти только одного, тебе стоит об этом подумать."

"Я не думаю, что они подверглись бы насилию, если бы её не было здесь. Она так обеспокоена политической ситуацией и тем, как то, что она делает, повлияет на карьеру её мужа, что неудивительно, что она на грани."

"Ну, она споткнулась, и все королевские кони и вся королевская рать не смогли собрать её снова." (Эл цитирует детский стишок про Шалтая-Болтая, оригинальный текст которого был опубликован в 1882 году прим. пер)

"Ты говоришь так, будто уже списал её со счетов. Не слишком ли это хладнокровно, даже для тебя?"

Эл выглядел обиженным. - "Сэм, ты здесь по факту один. Ты не можешь быть в двух местах одновременно, даже с моей помощью. Если тебе придётся делать выбор..."

"Я так не думаю". Сэм редко выходил из себя, но когда он это делал, то злился сильно и надолго. Обычно его злили вещи, которые злили и Эла тоже — вопиющая несправедливость, жестокость по отношению к беспомощным, бессмысленное расточительство. Однако время от времени эти двое сталкивались с чем-то, в чём у них возникали разногласия на самом базовом уровне. В таких случаях, как ни странно, обычно спокойный Сэм злился на Эла, а не наоборот. Эл мог возбуждаться, размахивать руками и кричать, но он редко, очень редко по-настоящему выходил из себя из-за Сэма.

Он не собирался выходить из себя и сейчас, в основном потому, что мог распознать и понять разочарование Сэма. "Послушай, Сэм, ты можешь попытаться, но если ты не можешь спасти их обоих, ты должен подумать,

ради кого из них стоит приложить усилия. Это в точности как медицинская сортировка. Ты используешь все доступные ресурсы, чтобы спасти тех, кого ещё можно спасти. В противном случае ты потеряешь их обоих, и какая от этого кому-то польза? Мисси попадает в приёмную семью. Кроме того, велики шансы, что ты спасёшь Тома. По крайней мере, в одном из вариантов будущего он вырастет и станет инженером, помнишь?"

Из передней части квартиры донёсся звук открывающейся и закрывающейся входной двери. Это уходила Марта. Эл приподнял брови, снова посмотрел на Зигги и кивнул сам себе.

"Послушай, что бы ты ни делал, сегодня вечером ты уже ничего не сможешь сделать," - наконец сказал Эл. "Можешь идти спать. Завтра, похоже, будет чертовски трудный денёк."

Сэм неохотно согласился.

"Я просто хочу, чтобы всё уладилось," - жаловался Эл позже Вербине. "Казалось бы, мы могли бы взять телефонную книгу и проверить, есть ли в ней этот парень, и это было бы нашим ответом". Они вернулись в столовую, которая приобрела свой вечерний характер места сбора персонала Проекта. В данный момент это означало, что два техника в углу сравнивали материалы для пошива одежды, а ещё один барабанил по клавишам потрёпанного пианино в другом конце комнаты.

Вербина была единственным человеком, которому Эл когда-либо рассказывал об изменениях в истории - о разном прошлом, которое они с Зигги могли вспомнить. Вербина всегда была частью их настоящего, и прошлое, которое она вспоминала, всегда было самым свежим, как будто так было всегда, но она была хорошим слушателем. И в отличие от Зигги, она была человеком и могла понять внутреннее разочарование и невысказанные страхи, которые действовали на Наблюдателя.

Это было почти так же, как если бы в тот момент, когда Сэм совершил свой первый скачок, весь Проект в результате равной и противоположной реакции погрузился во временной поток. Чем дольше Эл проводил с Сэмом время, тем больше была вероятность того, что что-то изменится, когда он покинет Голографическую Камеру и вернётся к работе над Проектом. Обычно изменения были очень незначительными, иногда едва заметными. Профессиональные аспекты — Вербина была психологом

Проекта, Живчик — ведущим программистом, Эл - Административным Директором и Наблюдателем - казалось, они никогда не менялись, возможно, потому, что были так необходимы для функционирования Зигги. Но личные отношения были подвержены переменам. На этот раз Тина и Живчик были женаты. Поскольку Тина была нынешней главной любовью в жизни Эла, это усложняло ситуацию.

Эл не мог даже рассказать Тине о том, как всё изменилось. Как он мог объяснить ей, что иногда она была его любовницей, а иногда- женой Живчика, а иногда она встречалась с Живчиком за спиной Эла, и каждый раз, когда он выходил из Голографической Камеры, он должен был сверяться с Зигги, чтобы выяснить, всё ли в порядке с участниками Проекта и были ли они на своих местах?

Вербина, со своей стороны, подозревала, что один из страхов, с которым жил Эл, заключался в том, что однажды он выйдет из Голографической Камеры и обнаружит, что сама Вербина изменилась. Умом она понимала, что такое уже могло случиться, причём несколько раз, в зависимости от того, что Сэм делал, чтобы изменить ситуацию в тот или иной момент. Но этот путь таил в себе безумие, и задачей Вербины было предотвратить его, а не исследовать самой. К счастью, у неё было четкое представление о том, кто она такая. Независимо от того, что сделал Сэм Беккет.

По определению, единственное, что оставалось бы стабильным при любом конкретном скачке, - это личность человека в Зале Ожидания. Вербина использовала энергию шестилетней Мисси Робишо, следя за тем, чтобы тело Сэма Беккета танцевало, прыгало через скакалку и придерживалось идеально сбалансированной диеты. Это было лучше, чем постоянно давать организму успокоительные. Она смогла удовлетворить ненасытное любопытство ребёнка играми, головоломками, простыми физическими экспериментами и всегда популярными цветными карандашами, одновременно отвлекая её от того факта, в каком теле она находится.

Хорошо, что Мисси было всего шесть лет. Поначалу её внимание было сосредоточено не так уж надолго, и Вербина и её ассистенты смогли с давно отработанной практикой дать ей понять, что в том, что она находится в теле мужчины, нет ничего особенно странного или ужасающего. Так как она была ребёнком, то и представление о том, что такое ужас, она получала от окружающих её взрослых. Вербина надеялась, что в дальнейшем это не нанесёт ей никаких травм. Она просто надеялась, что ребёнок сохранит чувство собственного достоинства, которое они пытались ему привить. Вербина ходила все эти дни с более или менее постоянно скрещенными пальцами.

"Значит, Сэм спокойно спит?"

"Спорим, ты не сможешь повторить это быстро трижды." - попытался улыбнуться Эл. Учитывая все обстоятельства, это была достойная попытка.

Вербина бросила на него серьёзный взгляд, и он капитулировал. - "Да, он спит. Завтра отец Мисси ненадолго приезжает домой, и примерно через три часа после его ухода начинается настоящий ад. Ему нужно как следует отдохнуть". Он кивнул в сторону Зала Ожидания. - "Как там...э-э-э, Мисси?"

Вербина улыбнулась. "Ты когда-нибудь наблюдал за маленькими детьми, бегающими вокруг, и жалел, что у тебя нет такой энергии?"

"Да, и что?"

"Скажем так: тело Сэм получает много упражнений", - усмехнулась она. "Я всё ещё жалею, что не могу привести своих племянниц поиграть с ней. Она милая девочка."

"Ты всё ещё беспокоишься о психологическом ущербе?"

Усмешка исчезла, и Вербина прикусила нижнюю губу. "До тех пор, пока окружающие её люди не будут делать из этого проблему; до тех пор, пока мы будем относиться к ней как к ребёнку, не делая особого акцента на том, что она девочка; до тех пор, пока это не продлится слишком долго...Я не думаю, что это нанесёт серьёзный ущерб."

"Почему ты не хочешь подчеркнуть то, что она девочка?"

"Потому что, прежде всего, она ребёнок. Но в то же время она не глупа. Она верит, что ей снится дивный сон, в котором она - взрослый мужчина, хотя и знает, что на самом деле это невозможно. Мы не хотим постоянно напоминать ей о невозможности этой ситуации". Доктор глубоко вздохнула. "В конечном счёте, это может быть даже полезно для нее. Поскольку она "притворяется" мужчиной, мы поощряем её к изучению возможностей. Одна из проблем, с которой исторически сталкиваются дети женского пола, - это идея о том, что, поскольку они женщины, есть определённые вещи, которые они не могут делать в своей жизни. Начало шестидесятых было очень репрессивным. Я надеюсь, что она вспомнит, как играла со стетоскопом, будучи врачом, а не предполагала, что ей придётся стать медсестрой."

На мгновение её лицо стало непроницаемым, и Эл, наблюдая за ней, понял, что самой Вербине Бикс было примерно столько же лет в начале

шестидесятых. Она столкнулась с навязанными извне ограничениями не только потому, что была женщиной, но и потому, что была чернокожей. Она выросла в то время, когда афроамериканская культура стала известна всей стране. Элу стало интересно, сколько людей пытались сказать Вербине Бикс, что ей придётся довольствоваться чем-то иным, чем тем, чего она действительно хотела.

"Но вспомнит ли она?". Посетители, как правило, не вспоминали о своём пребывании в Зале Ожидания; это сказывался эффект "швейцарского сыра", который испортил память Сэма и из-за которого Посетители Зала Ожидания тоже страдали частичной амнезией. Что помогало объяснить, почему они не знали, что Сэм делал в их телах, когда они стояли спиной друг к другу...ну, не совсем спиной, но...Эл сдался. Метафоры были не в его вкусе.

"Вероятно, нет," - согласилась Вербина. В другом конце комнаты кто-то без особого успеха наигрывал на пианино какую-то мелодию. "Но мы надеемся посеять семена. Кто знает?"

"Кто знает?" - согласился с ней Эл. Предположительно, кто-то или что-то, что заставляло Сэма прыгать. Эл надеялся, что у этого "кого-то" есть план.

"О, это Тина. Ты не оставишь меня на минутку, Эл? Мне нужно поговорить с ней, прежде чем они с Живчиком отправятся в Финикс". Вербина встала и пересекла комнату, чтобы поговорить с высокой длинноногой рыжеволосой женщиной, которая стояла рядом с несколько полноватым мужчиной с тонкими усиками. Эл наблюдал за последовавшим разговором, надеясь, что его чувства никак не проявляются.

Для него было шоком прервать связь с Сэмом, вернувшись в относительно унылую Голографическую Камеру, только для того, чтобы услышать от Зигги, что Тина и Живчик поженились в прошлом месяце, и он сам выдал невесту замуж.

Это было так, как если бы существовал миллион временных линий, миллион нитей Сэма, и на каждой из них маршировал Эл Калавичи. И каждый раз, когда он возвращался в Голографическую Камеру, он возвращался в несколько иную временную шкалу, и ему приходилось встраивать новую версию своих воспоминаний. Он был почти уверен, что любил Тину. Ему было очень больно видеть её с кем-то другим.

Он утешал себя мыслью, что временные линии, похоже, регулярно пересекаются. В следующий раз, когда он заглянет к Сэму, а затем

вернётся, вполне вероятно, что Тина снова будет одна и будет готова продолжить с того места, с которого они остановились в позапрошлый раз. Однако с этим было бы намного легче справиться, если бы его "отлучки" были чем-то большим, чем просто хождение из одной комнаты в другую.

Самым невыносимым было то, что на самом деле он никуда не "уходил", когда заглядывал к Сэму. Он просто поднимался по трапу, проходил через воздушный шлюз в Голографическую Камеру и вызывал Зигги, чтобы активировать связь, созданную общей нейронной сетью на биочипах Зигги. Не проходило и мгновения, как он оказывался "там", где бы ни находился Сэм, разделяя его восприятие окружающей обстановки, и его сознание переносилось в то время, в которое перенёсся Сэм. Зигги создал "Дверь" в Голографическую Камеру в качестве уступки и Сэму и Элу, чтобы у них был когнитивный маркер для перехода между Ускорительной частью Голографической Камеры Проекта и тем местом, где находился Сэм, но она не была настоящей.

Ничто не было настоящим, когда время не стояло на месте.

"Но было бы очень здорово, если бы он смог придумать, как закрепить некоторые элементы," - с тоской подумал Эл, наблюдая, как Тина, покачиваясь, идёт к двери.

Однако прямо сейчас с этим ничего нельзя было поделать. Он посмотрел на часы и потёр виски. Было ещё не так поздно, но он не был уверен, что знает, что делать дальше. Пойти поговорить с Зигги? Идея не привлекала. Вернуться в свой кабинет и заняться бумажной работой? Эта идея тоже определённо не привлекала. Приближался конец финансового года, нужно было подготовить отчёты и проработать бюджет на следующий год, средства на капитальное оборудование должны были быть израсходованы к первому числу месяца и ходили слухи, что Генеральная Прокуратура снова проявила к ним интерес.

Сэм сбежал отсюда не только от плохой готовки, чёрт бы его побрал.

Но это было именно то, за что ему платили. За это и за то, чтобы вовремя следить за Сэмом. Вздохнув, он встал и направился к выходу, оставляя за собой звуки "хонки-тонк" и техническую болтовню.

Понедельник, 7 августа 1961 года

ШТАБ-КВАРТИРА 71-ГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПОДДЕРЖКИ РАЙОННОГО КОМАНДОВАНИЯ В ВИСБАДЕНЕ

ИНФОРМАЦИЯ И ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В СЛУЧАЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

4.ДЕЙСТВИЯ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ О ТРЕВОГЕ: (продолжение)

д) Мирное население будет использовать гражданские транспортные средства для транспортировки и передвигаться под контролем надзирателей и/или заместителей надзирателей к заранее назначенным пунктам снабжения, а затем в безопасные районы. Отдельным частным транспортным средствам не будет разрешено передвигаться в одиночку, но они должны быть включены в состав колонн, следующих под военным контролем.

ф) Мирное население будет ограничено одной легкой сумкой и двумя (2) одеялами на человека. Никто из людей, которые не являются разрешёнными мирными жителями не будет эвакуирован (горничные и т.д.).

[ГЛАВА 13]

"Заявление, опубликованное Соединёнными Штатами, Францией, Великобританией и Западной Германией, предостерегает Россию от захвата Западного Берлина..."

Сэм Беккет проснулся утром в понедельник, 7 августа, под звуки диктора радио Вооружённых сил, в которой диктор сравнивал космический полет Гаса Гриссома, (Вирджил Айвэн "Гас" Гриссом (3 апреля 1926 — 27 января 1967) — американский астронавт. прим. пер) совершённый месяцем ранее, и нынешнее путешествие Титова. Он с удивлением слушал, как диктор торжественно заключил, что космические путешествия никогда не продлятся долго из-за пагубных последствий невесомости, длящейся более семидесяти двух часов.

Следующей темой стало увеличение потока восточногерманских

беженцев. "Аналитики полагают, что окончание учебного года в Германии позволило немецким семьям покинуть свои дома под предлогом "поездки в отпуск". Власти Восточной Германии отказываются признавать, что их народ бежит от репрессивной политической системы коммунистического правления. Между тем, в эти выходные в лагере Мариенфельд в Берлине было зарегистрировано более тысячи семисот беженцев. Многие беженцы опасаются, что коммунисты вот-вот закроют эвакуационный люк в Берлин. Другие решили покинуть город из-за давления партии, требующей ускорить работу на фабриках и фермах. Центральное партийное руководство прилагает все усилия, чтобы увеличить объём работ по преодолению дефицита, в том числе нехватки рабочей силы, вызванной наплывом беженцев."

Радио затрещало и выключилось. Дверь спальни распахнулась без предупредительного стука. - "Мисси, вставай. Я не знаю, где может быть Марта, но тебе нужно позавтракать. У меня встреча с "Серыми леди" ("Серые леди" были добровольцами американского Красного Креста, которые работали в американских больницах, других медицинских учреждениях и частных домах, особенно во время Первой и Второй мировых войн. Они предоставляли дружелюбные, личные, немедицинские услуги больным, травмированным или инвалидам. прим. пер) меньше чем через час. Ну же, вставай, пожалуйста."

Её голос звучал трезво и рассудительно. Она выглядела трезвой, рассудительной и очень уставшей, с тёмными кругами под глазами, неумело прикрытыми косметикой. На ней было мешковатое серое платье, которое выглядело почти как униформа, с красными крестами на тупых концах воротника. Она стояла в ожидании, держась одной рукой за дверную ручку. "Пойдём, Мисси. Яйца остывают."

Одна из жертв, на которые пришлось пойти Сэму, когда он заменял собой других людей, - это притворяться, что он наслаждается вещами, которые обычно ненавидел. Например, яйца всмятку. Наконец, одевшись, он вошёл в столовую и обнаружил, что его ждет белая чашка для яиц, украшенная жёлтыми розами, а рядом с ней лежали ложка и салфетка. От миски с яйцами поднимался пар.

"Садись и поешь," - сказала она. "Господи, я никогда не выйду отсюда вовремя — ну на что ты смотришь?"

"Ни на что," - пробормотал Сэм, опускаясь на свое место. Он использовал ложку, чтобы вылить яйцо в чашку, скорчил гримасу и разбил его. - "Маленький конец или большой?" - пробормотал он себе под нос, поворачивая чашку и осторожно постукивая по ней. Люди объявляли

войну из-за самых странных вещей. Яйца. Стены. "Что-то здесь есть такое, что не нравится..."

"Что ты сказала?" - Мама Мисси уже закончила есть и ставила на стол перед дочерью тарелку с двумя тостами, аккуратно намазанными маслом и нарезанными по диагонали. - "Ты что-то сказала?"

"Нет. Ничего". Сэм не был склонен объяснять связь между завтраком и сатирой. Было слишком раннее утро, чтобы притворяться, что уже шесть. Слишком много невозможных вещей перед завтраком — но нет, это был Льюис Кэрролл. Он продолжал постукивать, думая о том, что сегодня утром действительно был не слишком расторопен.

"Иногда мне кажется, что ты просто сумасшедшая," - сказала она. "Вот так вот берёшь и разговариваешь сама с собой. Что о тебе подумают люди?"

Что-то в её тоне заставило Сэма быстро поднять глаза. Она пристально смотрела на него, вцепившись пальцами в верхнюю перекладину стула рядом с ним, и на одно застывшее мгновение он почувствовал себя оленем, на которого не вовремя обратили внимание.

"Я думаю, что ты просто сумасшедшая," - повторила она.

Он не знал, что сказать. Кончик ложки осторожно коснулся яйца: Постучать? И снова, когда женщина ничего не ответила, чуть сильнее, как будто действовал сам по себе, а не как нечто, находящееся под его контролем: Постучать? Постучать?

"Чёрт возьми! Перестань играть со своей едой!" - рука Джейн Робишо скользнула вниз, схватила чашку для яиц, вырвав её у него из рук и швырнув в дальнюю стенку, разбрызгав желток, белок, скорлупу и фарфор широким узором. У Сэма не было времени увернуться. Женщина схватила его за воротник блузки, которая была на нём, и потащила вверх по спинке стула, пока он не начал задыхаться из-за верхней пуговицей, а другой рукой хлестала его по лицу, сначала по одной, потом по другой стороне, не переставая кричать, - "Чёрт бы тебя побрал! Я говорила тебе, что опоздаю, но тебе плевать! Тебе плевать на меня! Ты маленькое чудовище, монстр, чудовище, как ты смеешь сидеть здесь и смеяться надо мной! Прекрати!"

Он вцепился в ворот блузки, пытаясь её расстегнуть, чтобы позволить себе дышать и одновременно пытаясь отражать сыплющиеся на него удары, и слова сливались в одно сплошное пятно. Он отчаянно брыкался и ему удалось перекинуть её через край стола. Это только усилило её

натиск, и она потянула сильнее, и он поднял вторую ногу, пока они оба не начали биться и пинаться, опрокидывая миску с яйцами на пол, сбивая стакан со стола, а она продолжала кричать на него и продолжала бить его, на этот раз кулаком.

"Ты, маленькая сучка, ты, эгоистичная, невнимательная маленькая сучка, посмотри, что ты натворила, посмотри на это, посмотри на это, будь ты проклята, будь ты проклята, ты всё уберёшь, ты всё уберёшь, ты, маленькое чудовище!"

И вдруг внезапно всё закончилось. От внезапно наступившей тишины у него заболели уши. Он закрыл глаза, чтобы защитить их от ударов, которые больше не сыпались. Рука, вцепившаяся ему сзади в воротник, опустила его на стол — в результате борьбы всё его тело приподнялось, — и пальцы медленно разжались, как будто в них медленно восстанавливалось кровообращение.

Он держал глаза закрытыми. Он не мог представить, что может произойти дальше.

Что произошло дальше, так это ощущение того, как будто блузку натянули на место, разгладив складки, словно пытаюсь стереть то, что только что произошло, и снова раздался тихий, немного грубоватый голос Джейн Робишо: "Видишь, что ты заставляешь меня делать, когда вот так играешь со своей едой? Посмотри на весь этот беспорядок. Ты ведь уберёшь этот беспорядок для мамочки, не так ли?"

Он осмелился поднять глаза, осмелился выглянуть из-под быстро набухающих век, чтобы увидеть, как она смотрит на него сверху вниз с выражением терпения, понимания, терпимости, сочувствия, приправленного твёрдостью, и он подумал: "Она, чёрт возьми, сумасшедшая!"

"Хотела бы я знать, где Марта," - встревожилась Джейн, выпрямляясь. - "Она уже должна быть здесь, чтобы вымыть посуду и застилать постели. Я не хочу, чтобы она тебе помогала. За этот беспорядок отвечаешь ты, поняла?"

"Если Том в ближайшее время не встанет, ему придётся остаться без завтрака, и он будет капризничать весь день". Она отошла к серванту и взяла пару перчаток и шляпу. - "Я собираюсь позвать его. Я не хочу, чтобы вы двое ссорились, слышишь? В прошлый раз я думала, что капитан Джессап донесёт на нас из-за того, как вы двое себя ведёте. Так что ведите себя хорошо, слышишь?"

Сэм подумал, что это предупреждение, возможно, лучше было бы адресовать Тому, но промолчал, скатился со стола и упал на пол, а затем снова поднялся так быстро, как только смог, едва не поскользнувшись на остатках яиц, выпавших из миски.

"Только не жди, что я приготовлю тебе ещё что-нибудь, после того, как ты испортила всю еду. Посмотри на этот беспорядок". Она покачала головой.

Сэм уставился на неё, широко раскрыв глаза и не веря своим ушам. То есть, это он испортил...? Но она, казалось, не видела ничего необычного ни в своих словах, ни в том, что её манера поведения сменилась с неистовой ярости на раздражённую, но совершенно спокойную мать.

Сэм начал было отрицательно качать головой, но остановился. Ему было больно. Возможно, сотрясение мозга, подумал он. "Нет, спасибо. Мне достаточно."

"Ну что ж," - Джейн хлопнула себя ладонями по платью. - "Ты всё-таки помнишь о хороших манерах. Это замечательно. Почему ты не смогла проявить это на прошлой неделе у Джессапов?"

Сэм опустил голову, не в силах что-либо ответить на то, что Мисси могла бы сделать на прошлой неделе. Очевидно, её мать не требовала и не ожидала ответа.

"Я оставляю ключ здесь. Если ты будешь уходить, тебе придётся взять его с собой, или, если его заберёт Том, тебе придётся остаться с ним, если ты захочешь вернуться. Ты понимаешь?"

"Да, мамочка". Каким-то образом, основываясь на вчерашних событиях - неужели это было только вчера? - Сэм не думал, что полагаться на Тома в плане безопасного доступа в квартиру было хорошей идеей. Он настороженно следил за женщиной, пока она рылась в сумочке в поисках ключей. Он подумал, что на то, чтобы навести порядок, всё равно уйдет целый день, а ему всё равно не хотелось выходить на улицу и выставлять любопытным взглядам соседей новую коллекцию синяков, которые, как он чувствовал, уже начали появляться. Он подумал, что у Мисси ещё и выбит зуб.

С другой стороны, ему нужно было придумать способ удержать Тома от побега.

А ещё с другой стороны, возможно, побег был отличной идеей, и ему следовало бы помочь Тому с его планами побега.

Женщина недовольно огляделась по сторонам, как будто была уверена,

что забыла что-то важное. "Я должна быть дома к обеду. Скажешь Марте, чтобы она приготовила бутерброды. Мне нужно попасть в субботу в комиссариат". Её голос затих. Затем, как будто у неё открылся новый источник энергии, она подошла и поцеловала его в щёку. "Хорошо. Мне нужно идти на встречу. Будь хорошей девочкой, хорошо? Я собираюсь спросить Святого Отца о новенне для..." — у неё перехватило дыхание от намечающихся рыданий, и она, сделав глубокий волевой вдох, начала снова: — "для...Жанны. Отнеси посуду на кухню для Марты, прибери здесь всё, а я скоро вернусь, хорошо?"

"Хорошо, мама," - прошептал Сэм.

Он больше не чувствовал себя виноватым из-за того, что обращался к незнакомцам как к родителям. Было бы гораздо более неприятно и неловко объяснять, почему он этого не делает. Он должен был играть отведённую ему роль как можно лучше.

Даже эту роль.

Однако он не был уверен, что Мисси должна сказать своей матери дальше, поэтому промолчал. Дверь за миссис Робишо закрылась, и он облегчённо вздохнул. Теперь ему оставалось только прибраться и решить вопрос с Томом. После вчерашнего происшествия и после того, что произошло сегодня утром, он предпочёл бы сделать это без взрослых свидетелей.

Дверь в комнату Тома была приоткрыта на дюйм или около того. Он постучал, но достаточно осторожно, чтобы не открывать её дальше.

"Что?"

"Можно войти?"

Наступило короткое, изумлённое молчание. Сэм не мог представить, чтобы его младшая сестра, когда он был маленьким, спрашивала разрешения зайти в его комнату. Она либо заходила, либо не была бы застигнута там врасплох.

Дверь открылась, и на пороге появился Том. - "Чего ты хочешь?"

Сэм не мог ничего разглядеть за его спиной. "Я хочу поговорить с тобой о том, что ты сказал вчера."

"Что ты имеешь ввиду под тем, что я сказал вчера? Я уже извинился." - он оценивающе посмотрел на сестру. - "Она здорово тебя отделала, да?"

Сэм пожал плечами и стал ждать. Его всё ещё трясло. Он не хотел говорить об этом.

Том наконец отступил назад, и Сэм последовал за ним.

Первое, что бросилось ему в глаза, были свисающие с потолка модели самолётов- истребителей, бомбардировщиков и транспортников. Покрывало на кровати было покрыто изображениями самолётов. На ковре посреди комнаты был изображен самолёт. На комодѣ стояла наполовину законченная модель. В комнате пахло клеем и терпением.

На одном из стоек кровати висел туго набитый рюкзак.

"Ты сказал, что собираешься сбежать," - сказал Сэм, разглядывая рюкзак.

"Да, и что? Ты не можешь мне помешать."

Сэм закрыл глаза. В этот момент отказ прозвучал как ещё одна захлопывающаяся дверь, которая ещё крепче заперла его в теле избитого ребёнка.

"Я и не хочу," - сказал он наконец, хотя для этого потребовалось больше мужества, чем он предполагал. - "Я хочу сказать тебе, чтобы ты не уходил."

Том посмотрел на него со смесью крайнего презрения и недоверия. "Ты не можешь указывать мне, что делать. Я выше тебя по рангу. Я старше тебя."

Сэм страстно желал, чтобы ему попался кто-нибудь другой, в кого он мог бы совершить квантовый скачок. "Если ты убежишь, то что сделает мама?" - сказал он, пытаясь сформулировать свои доводы в понятных для Тома терминах. "Тогда она разозлится по-настоящему."

Вернее, она забьёт свою дочь до смерти.

Том понял. Он помолчал и добавил: - "Она не причинит тебе вреда. Она будет злиться на меня. Только меня здесь не будет."

Сэм воздержался от того, чтобы не указать на то, что взрослому человеку было бы очевидно: когда объект гнева отсутствует, сгодится любой удобный объект. Часть его сознания, пытавшаяся вспомнить, что он, Сэм Беккет, был взрослым человеком, предположила, что вспышка гнева Джейн была вызвана её гневом и болью от известия о потере сестры. Это не помогло.

"А что будет, если нам придется уехать, а тебя не будет?" - привёл Сэм ещё один аргумент.

Том пожал плечами. "Мне всё равно."

"Из-за тебя у папы будут неприятности."

Том покачал головой. "Я просто хочу убраться отсюда. Я ненавижу её."

"Она твоя мать. Ты же не ненавидишь её, правда?"

"Нет, неправда!" - Том встретился с ним взглядом. "И ты тоже её ненавидишь."

"Нет, не ненавижу - возразил Сэм. И он понял, что это было правдой; он не испытывал ненависти к Джейн Робишо. Он боялся её, но больше всего на свете он её жалел.

Том подошёл к комоду, открыл ящик и вытащил пару носков. Он запихнул их в рюкзак. "На что ты смотришь?"

"Куда ты отправишься?"

"Я не собираюсь тебе рассказывать."

"Уолт тоже пойдёт с тобой?"

"Не твоё дело."

"Это Уолт подбивает тебя на это, не так ли?" - спросил Сэм, и его осенило. - "Ты делаешь это, потому что он так сказал."

"Это не так. Убирайся из моей комнаты." - у Тома резко изменилось настроение, он занял оборонительную позицию, и был готов наброситься на свою младшую сестру в любой момент. Сэм отступил.

"Ну, ты мог бы, по крайней мере, подождать, пока папа вернётся домой," - сказал он и тут же пожалел о своих словах. Эл сказал ему, что мальчик сбежал после ухода отца. Что он сделал, чтобы событие, которое он должен был предотвратить, действительно произошло?

Том помолчал. - "Ты уже говорила это раньше. Почему ты думаешь, что папа вернется домой? Он в Берлине или где-то ещё."

"Он возвращается домой сегодня вечером". Может быть, он мог бы рассказать что-нибудь майору, сообщить ему о надвигающихся неприятностях. "Я слышала, что мама так сказала". Он импровизировал. Он импровизировал большую часть скачка. Обычно это срабатывало лучше, чем сейчас.

"А, мама так сказала. Но ты же ей не веришь."

"Почему не верю?" Казалось неразумным, что Мисси не поверит в то, что сказала ей мать. И то, что Том в это не верил, тоже казалось неразумным. Она могла быть жестокой, но она была прежде всего матерью, а они были её детьми. Сэм задавался вопросом, понимает ли Джейн, что она уже до предела подорвала доверие своего сына, что в будущем привело его к гибели, даже если он сам пока всё ещё был жив.

"Они бы не рассказали маме, если бы папа вернулся домой," - объяснил Том. "Они не говорят об этом семьям". Но он перестал собирать вещи на достаточное время, чтобы взглянуть на модель на комод. В отличие от большинства других моделей современных самолётов, эта представляла собой старинный биплан. Сэм подошёл, чтобы рассмотреть его поближе, и, не подумав, протянул руку, чтобы коснуться деревянной стойки. Том с нечеловеческой силой оттолкнул его руку.

"Это моё. Убери руки."

"Я не собиралась его ломать," - запротестовал Сэм. "Я просто хотела посмотреть."

"Это моё," - повторил Том. - "Оставь это на месте. Я уже устал повторять тебе, чтобы ты не трогала мои вещи."

"Ладно, ладно." - Сэм заложил руки за спину, в знак согласия. "Я просто смотрела."

Том выглядел так, словно ожидал продолжения спора. Не дождавшись ответа, он повернулся к модели и слегка прикоснулся к ней. "Этот почти готов," - сказал он.

"Ты не сможешь взять его с собой, если сбежишь."

Том убрал руку. - "Я не хочу убегать," - признался он, разговаривая почти сам с собой.

"Тогда не делай этого."

"Но я ненавижу её! Я ненавижу, когда на меня кричат!"

И, подумал Сэм, он ненавидит смотреть, как его мать пьёт, и терпеть не может, когда его бьют, и видеть, как бьют его младшую сестру. Том ненавидел, когда за ним наблюдали, как за ними наблюдали в церкви днём ранее, когда его оценивали морально и использовали для оценки их родителей. Он ненавидел давление стольких взглядов. Ему хотелось убежать от этих взглядов.

Сэм видел это, понимал, но не мог объяснить ему, что бегство не избавит его от пристальных взглядов, а только усугубит ситуацию.

При условии, конечно, что он вообще переживёт побег, что, по словам Зигги, не должно было случиться. Смерть в огне. Он содрогнулся, почувствовав тошноту при этой мысли.

Однажды Сэм оказался во время пожара в доме. Он успел совершить скачок до того, как на него обрушилась крыша. И всё же иногда его память, подобная швейцарскому сыру, подбрасывала ему воспоминания о жаре и ужасе, запахе гари и удушливом ощущении дыма, забивающего горло, и образе горящих балок, обрушивающихся на него. В какие-то моменты он задумывался об альтруизме Того, кто заставил его прыгнуть, того, кто вытащил его оттуда только для того, чтобы заменить Сэма Беккета первоначальным владельцем тела. Клейтон Фуллер принял огненную смерть вместо него. Он надеялся, что скачок был сделан достаточно точно, чтобы у Клейтона не было времени ощутить тот ужас, который он испытал, совершая скачок.

Он не хотел думать, что Том окажется в такой же ситуации. Сэм был почти уверен, что Клейтон погиб, когда на него рухнула горящая балка крыши. Если бы Том умер от отравления дымом, это означало бы, что он, вероятно, был бы жив и находился в сознании достаточно долго, чтобы понять, что попал в ловушку, из которой нет выхода. Сэм отчаянно не хотел, чтобы это произошло. У него не было ни малейшей идеи о том, как это предотвратить. Он хотел, чтобы появился Эл.

"Папа вернётся домой сегодня вечером. Почему бы нам тогда не рассказать ему о том, как мама нас бьёт?" - повторил он.

Но сами эти слова казались ему предательскими, и он недоумевал, как ребёнок вообще может заставить себя "донести" на родителей. Особенно на таких, как Джейн Робишо. Опять же, с раздвоенным зрением, которое он так часто испытывал в последнее время в скачках, он мог сочувствовать, с пониманием взрослого, давлению на женщину, не оправдывая её действий. Как ребёнок, глядя глазами ребёнка, он мог видеть только результаты.

"Я тебе не верю," - категорично заявил Том и вернулся к беспорядочному вытаскиванию одежды из комода и запихиванию её в рюкзак. "Я не думаю, что он вообще появится". Когда рюкзак переполнился, он снова вытащил всё и разбросал по полу. "Скажи Марте, чтобы она сюда не заходила," - сказал он, опускаясь на колени и перебирая мусор в поисках игрушечного самолётика. Это было первое, что нужно было положить

обратно в сумку.

"Марта не вернётся. Она ушла."

Это снова остановило Тома. "Что значит, она ушла? Она же прямо внизу. Малышка, не глупи."

"Она ушла. Ей пришлось уйти — Уолт собирался донести на неё. Он собирался рассказать своему отцу, что она шпионка". Он помолчал, обдумывая это. "Которой она и была," - добавил он, чтобы быть предельно честным.

"Ты всё выдумываешь. Мама снова тебя отлупит, если ты будешь продолжать в том же духе."

"Нет". Сэм понятия не имел, как объяснить, откуда он знает то, что знает. Возможность не прислушиваться к ответам ребёнка значительно облегчала жизнь. Никто не ожидал, что ребёнок будет что-то объяснять.

За исключением ещё одного ребенка. Том продолжал собирать вещи.

"Мама ушла на собрание "Серых леди", так что тебе не обязательно убегать прямо сейчас, не так ли? Ты мог бы подождать до позднего вечера и посмотреть, вернётся ли папа домой". В этот момент Сэм, теоретически, был готов совершить скачок. - "Ты мог бы сначала позавтракать."

Наконец, ему удалось сделать предложение, которое было принято. Том бросил рюкзак. - "Давай, пошли."

Он не собирался позволять Сэму оставаться в его комнате. Сэма это устраивало. Он послушно последовал за Томом в столовую.

В комнате всё ещё царил беспорядок, на стенах и полу быстро высыхало яйцо. Том покачал головой. - "Нам лучше прибраться здесь, а?"

Сэм взглянул на него с благодарностью. Том, должно быть, слышал крики Джейн. Они вдвоём присели, намочили кухонные полотенца и, как могли, вытерли грязь. Когда они закончили, Том огляделся и объявил: "Я хочу тосты с корицей."

"О, отлично!" - воскликнул Сэм. "Я обожаю тосты с корицей."

Чёрт возьми. По крайней мере, это удержало бы Тома подальше от улиц.

[ГЛАВА 14]

"...Запад опасается, что Хрущёв организует выяснение отношений из-за Берлина..."

Миссис Робишо, как и обещала, вернулась домой к обеду. Когда она вошла в дверь, то усиливаясь и затихая, раздался вой тестовой сирены. Они с Сэмом замерли, прислушиваясь и отсчитывая секунды. Когда через минуту сирена смолкла, они оба вздохнули с облегчением.

Том вышел поиграть. По крайней мере, он оставил рюкзак дома, так что Сэм был уверен, что он собирается вернуться.

"Где Марта?" - спросила Джейн, снимая перчатки.

Сэму не хотелось ничего объяснять. Он занялся тем, что аккуратно разложил вилки слева от тарелок, надеясь, что это свидетельство готовности к обеду смягчит возможный взрыв.

"Неужели она даже не пришла сегодня? Боже милостивый, неужели я ни на кого и ни в чём не могу положиться?". Она стояла в дверях кухни, едва взглянув на пятна на том месте, где раньше были яйца.

Сэм огляделся по сторонам и поморщился. Они с Томом сделали все, что могли, чтобы отмыть пятна от яиц, но потом же они ели ещё и тосты. Он пытался навести порядок после того как с тостами было покончено, пытался по-настоящему. Но на полу оставались крошки от тостов, а масло Том поставил слишком высоко на столешницу, и Сэм не мог дотянуться до него, чтобы убрать, а пол на кухне хрустел от неубранного сахара.

"Здесь прямо как в свинарнике! Если бы у нас сейчас была инспекция, я бы умерла, я бы просто умерла! Посмотри на этот хлеб!"

Они забыли убрать и хлеб. Сэм обнаружил, что прижался спиной к стене.

"Он заплесневевает! Мне придётся его выбросить! Ты думаешь, деньги растут на деревьях? Мы не можем позволить себе покупать новую буханку хлеба каждый раз, когда тебе захочется съесть кусочек!"

В её голосе звучала злость, но не иррациональность. Сэм поймал себя на том, что наблюдает за каждым её движением. В правой руке у неё болталась чёрная сумочка из лакированной кожи, в которой отражались

стол и тарелки, а также отражение Мисси, которое поспешно отступало назад к выходу из столовой.

Но она не кричала. У неё было учащённое дыхание и она дышала всё быстрее и быстрее. Свободной рукой она нащупала стул, отодвинула его от стола и рухнула на него, оглядывая столовую и кухню так, словно никогда раньше их не видела, в данный момент они были ужасающими, и вся ответственность, по её мнению, лежала на ней. - "Я собиралась пригласить Серых леди на чай сегодня днём," - сказала она. - "Я собиралась пригласить их в этот дом, в этот бардак."

По крайней мере, "этот бардак" был далеко не так ужасен, как тот, что она оставила после себя утром. Но, похоже, Джейн даже не помнила об утреннем происшествии. Сэм не думал, что сейчас всё выглядит так уж плохо. Нужно было навести порядок на столе, подмести полы и выбросить мусор — яйца немного воняли из-за августовской жары, — но не было ничего такого, с чем не справились бы десять минут оживленной работы. "Они не придут?" - спросил он.

"Нет." - Джейн подавила зарождающийся гнев. - "Нет, они не придут. Они решили, что им нужно побыть дома". Она глубоко, прерывисто вздохнула. - "Благодарю Бога за маленькие милости. Всё, что мне сейчас "нужно", - это чтобы миссис Моррисон появилась здесь со своими чёртовыми белыми перчатками. Она думает, что может устраивать проверку в любое время, когда ей заблагорассудится, черт бы её побрал." - она посмотрела на Сэма, очевидно, даже не замечая опухших щёк дочери, разбитой губы и полузакрытых глаз. - "Ты не должна повторять это, Мисси. Ты поняла?"

"Да, мамочка." - Сэм обошёл трансформатор напряжения и подошёл к другому концу стола. - "Хочешь пообедать, мам?"

"Полагаю, да". Она не выглядела воодушевлённой. "Где Том?"

"Он ушёл поиграть."

"Он знает, что должен зарегистрироваться, не так ли?"

"Да, мамочка." - Том ничего не говорил о "регистрации", но Сэм не собирался говорить этого сейчас. Джейн Робишо снова выглядела почти нормально. Она положила сумочку на стол, открыла её и принялась рыться в поисках губной помады.

"Ну что, хочешь сэндвич?" - спросила она почти жизнерадостно.

"Да, пожалуйста."

"Иногда у тебя такие прекрасные манеры, Мисси. Я просто хочу, чтобы ты быть такой всё время."

"Нет, это не так," - подумал Сэм. "Поверь мне, это не так". Но он ничего не сказал и терпеливо ждал, пока женщина пошла на кухню, достала ещё несколько кусков сильно испорченного хлеба и сделала бутерброды с арахисовым маслом и желе, нарезанные по диагонали и с аккуратно подрезанной корочкой.

Мисси получила половину бутерброда и стакан молока. Её мать взяла вторую половину, а также целый бутерброд и стакан, полный прозрачной жидкости и пахнущей можжевельными ягодами. Она снова наполнила стакан, но так и не доела первую половину бутерброда.

После этого она вернулась в главную спальню, бормоча что-то о том, что хочет сменить свою униформу "серой леди". Она слегка пошатнулась, когда шла, но рядом была стена, чтобы она могла на неё опереться. Сэм встал, чтобы отнести тарелки и стаканы обратно на кухню, а нетронутую еду переложить на отдельную тарелку. Том, возможно, действительно вернётся, и если он это сделает, то сможет её забрать. Она не пропадёт даром.

А в кладовке нашлась метла. Он достал её и начал неуклюже подметать. Посудомоечной машины не было, но, по крайней мере, он мог собрать сахар с пола. Метла была длиннее роста Мисси, и управляться с ней было неудобно, но, приложив максимум усилий, ему удалось собрать небольшую кучку пыли, сахара и корицы. Не помешала бы и щётка, но он никак не мог её найти. Он смахнул метлой мусор в совок и ощутил чувство триумфа.

Он начал задаваться вопросом, где же подевался Эл. Было бы неплохо узнать немного больше о том, когда должен был появиться майор и как надолго, и есть ли у Наблюдателя какие-нибудь хорошие идеи о том, как Сэм должен был убедить Тома остаться дома, а его мать - перестать пить, эти идеи были бы очень кстати.

Если подумать, Сэм ухватился бы за любую идею, хорошую или нет. Он даже не был уверен, что Том вернётся, для того чтобы пройти регистрацию, чтобы забрать свой рюкзак или нет. Сама идея регистрации, вероятно, была связана с системой оповещения тревоги, но Том считал иначе.

Он задавался вопросом, объявляли ли они когда-нибудь тревогу, и если да, то было ли испытание успешным. Он пожалел, что рядом нет Эла,

чтобы спросить это у него.

Сэм ненавидел, когда ему нечем было заняться.

Один красный кубик на жёлтом кубике. Один синий кубик на красном кубике.

Рука, принадлежавшая Сэму Беккету, оторвалась от кубиков. Мисси Робишо сидела, скрестив ноги, перед маленькой башней и выпячивала нижнюю губу.

"В чём дело, Мисси? Что-то не так?" - Вербина встала с кресла-качалки, которое она установила в Зале Ожидания, отложила вязание и присела на корточки рядом с ней. Тело Сэма рядом с ней казалось огромным, но она похлопала Мисси по спине, как будто ребёнок всё ещё был в том теле, в котором она родилась.

"Я слишком большая, чтобы играть с кубиками," - сказала Мисси. - "Кубики - это для малышей."

"Я знаю," - сочувственно сказала Вербина. "У нас здесь не так много вещей для маленьких девочек. С чем бы ты хотела поиграть вместо этого?"

Мисси повернула голову Сэма и посмотрела Вербине в глаза. "Я действительно маленькая девочка?" - спросила она.

По спине Вербины пробежал холодок.

"Конечно, милая."

"Я не чувствую себя маленькой девочкой."

"О, Господи, помоги мне с этим," - подумала Вербина. "Нет, я не думаю, что ты понимаешь". Она села рядом с Мисси, скрестив ноги, чтобы повторить позу девочки. "Можно я расскажу тебе историю, Мисси?"

Мисси посмотрела на нее, и в ее взгляде ясно читалось желание сказать "Нет!". Но она была послушной и кивнула. Вербина протянула руку и откинула с широкого лба выбившуюся прядь волос.

"Итак. Давным-давно на свете жил очень умный человек, которого звали Сэм..."

Позже Вербина встретила с Элом, Тиной и Живчиком в главном конференц-зале Проекта. Помещение было стерильно белым и вмещало пятьдесят человек:они вчетвером столпились в одном конце, возле кофеварки, словно в поисках тепла. Пятому участнику встречи нравился холод, и он всё равно был невидим, по крайней мере, в этой комнате.

"Ты ей всё рассказала?" - спросила Тина, нахмутив брови, как будто была совершенно сбита с толку этим решением. "Это, типа, безопасно?"

"Я не знаю, что ещё я могла бы сделать." - вздохнула Вербина. "У кого-нибудь из вас есть предложения получше?" - она с вызовом переводила взгляд с одного на другого. Тина по-прежнему выглядела растерянной; Живчик сцепил руки вместе и нервно улыбался, теребя свои усы, а Эл молчал, помешивая свой кофе пластиковым миксером из отеля Лас-Вегаса. Ему нужно было чем-то занять руки, поскольку он не добавлял в напиток ни молока, ни сахара. Он старался не встречаться с ней взглядом. Если бы это был кто-то другой, Вербина заподозрила бы, что он чувствует себя виноватым или что-то в этом роде, но в целом...он, вероятно, действительно чувствовал себя в чём-то виноватым, но непонятно в чём.

"Она, вероятно, ничего не вспомнит, когда прыгнет обратно, "- наконец сказал он. "Я не думаю, что ей был причинён какой-либо вред. Я имею ввиду, у неё не было истерики или чего-то подобного, когда ты ей сказала, не так ли?"

"Нет." - Вербина взяла чашку для себя и села в одно из вращающихся кресел, раскачиваясь взад-вперёд по полукругу и изучая остальных руководителей Проекта. Тина, которая помогала проектировать и собирать компьютер; Живчик, который программировал его; Эл, который был одним из двух его отцов: члены того, что Вербина несколько непочтительно называла Советом директоров Проекта. Все они были чрезвычайно умными люди, почти такие же умными, как сам Сэм Беккет. И как и Сэм Беккет, ни один из них не имел ни малейшего представления, что делать с человеческими проблемами, которые породило их творение. "Я рассказала ей, что произошло, и сказала, что она попала в приключение, но оно скоро закончится, и она вернётся в свое собственное тело."

"И что же она сказала?" - поинтересовался Живчик. Теперь он заламывал руки. Вербина иногда задавалась вопросом, что Тина нашла в нём. Она

гораздо больше подходила по типу женщины Элу, а Эл даже не смотрел на неё. Иногда Эл мог быть очень старомодным, подумала Вербина. Он не связывался с замужними женщинами.

"Она хотела знать, когда это случится. Я сказала ей, что этого никто не знает."

"И что дальше?" - спросил Эл, отставляя в сторону хорошо размешанный кофе, но не отпивая его.

"Потом она захотела зеркало."

Раздался общий вздох. "И ты дала ей его?" - умел переходить к сути Эл.

"Да, я это сделала."

"И что она сделала?" - была потрясена и восхищена одновременно Тина.

"Она посмотрела на себя."

Да, Мисси посмотрела на себя в зеркало. Она потянулась рукой Сэма Беккета, чтобы прикоснуться к маленькому зеркальцу для макияжа, которое техник хранил на столе на смотровой площадке, что было совершенно против правил, — и прикоснуться к отражению, которое не было её собственным. Вербина перестала дышать, когда Мисси застыла на полуслове, не веря своим глазам, а затем завершила жест, зачарованно наблюдая, как рука встретилась с отражением руки в зеркале. Это была не её рука, но двигалась она как её ладонь. Ни отражение, ни плоть не были похожи на её собственные, но она чувствовала прохладную гладкую поверхность стекла.

Затем, сосредоточившись на отражении в зеркале, Мисси сморщила нос Сэма, пошевелила бровями, широко раскрыла рот, скорчила гримасу и скорчила рожицы, дотронулась до отражения в зеркале, в нём отразилось лицо, и она рассмеялась. "Это как Хэллоуин," - сказала она. "Это похоже на маску для Хэллоуина."

"Да, это так," - согласилась Вербина с огромным облегчением и подумала, что, хотя Сэму и не слишком польстило бы такое сравнение, он, безусловно, понял бы его. "В точности как костюм на Хэллоуин. Только его пока нельзя снимать, понятно? Но ты снимешь его, и очень скоро."

"Она не казалась слишком расстроенной," - продолжила Вербина, возвращаясь к настоящему времени. "Она была готова принять объяснение, которое я ей дала. Я, конечно, собираюсь продолжать наблюдать за ней. Мне бы очень хотелось получить от Зигги самые

достоверные данные."

"Если вы измените терапию, это может изменить её выбор, когда она вернется в своё тело, и её история соответственно изменится," - вмешался голос с потолка. — "Имеющиеся данные о Мисси Робишо, соответственно, нечёткие," - недовольно произнёс Зигги, невидимый пятый участник собрания.

"Данные обо всех наших Посетителях являются нечёткими, пока они находятся у нас," - добавил Живчик, пытаясь быть полезным. "Поскольку их будущее находится в движении, пока доктор Беккет не изменит то, что он должен изменить, наше прошлое тоже является нестабильным."

"У нас есть какие-нибудь идеи получше, как вернуть его домой?" - спросил Эл. - "Может быть, тогда наше прошлое перестанет меняться."

"Эл, Сэм испытывает какой-то особый стресс во время этого скачка? Я имею ввиду, больше, чем обычно?" - спросила Вербина, с любопытством глядя на него. "Ты, кажется, расстроен."

Эл покачал головой. Сегодня он был одет относительно консервативно: в тёмно-фиолетовый костюм в чёрную полоску и чёрную рубашку. Единственным ярким цветом был тонкий шёлковый галстук, тяжёлый, дорогой, красивый, флуоресцентно-фиолетовый с крошечными ярко-розовыми квадратиками и кружочками. Этот галстук был одним из его любимых.

"Нет. Я просто хотел бы, чтобы мы смогли добиться большего прогресса в его возвращении. Я устал, а если я устал, то я знаю, что и он тоже. У него никогда не бывает передышки." - он вытащил из внутреннего кармана пиджака длинную сигару и покатал её между пальцами. "Хотел бы я знать, что удерживает его от того, чтобы просто вернуться обратно. Это как какая-то стена, которую он не может преодолеть. Это безумие."

"Он должен что-то сделать," - сказала Тина с уверенностью, которой никто из них не чувствовал. "Когда он это сделает, то сможет вернуться домой."

"Но зачем всё это нужно?"

"Ну, может быть, ему нужно исправить всё, что он должен исправить," - сказала она после небольшой паузы, чтобы разобраться в ситуации. "Это похоже на одну из программ Живчика. Сначала нужно правильно выполнить все подпрограммы."

"Тогда почему подпрограммы не могут быть немного более рутинными,

чёрт возьми!" - огрызнулся Эл.

Они все замолчали, отвернувшись друг от друга.

"Удовлетворены ли мы тем, что Сэм должен сделать в этом скачке?" - спросила Вербина.

"Есть девяносто..." - начал Зигги. Вербина подняла руку, и компьютер замолчал.

"Эл?"

Эл пожал плечами, снимая целлофановую обёртку с "Муи Гранде".
"Вероятность первого порядка сейчас такова, что он должен предотвратить самоубийство Джейн Робишо и смерть Тома при пожаре. Но я не уверен, что мы знаем, что это на самом деле изменит. Я имею ввиду, что они выживут, но в остальном, похоже, это не будет иметь большого значения. Это неблагополучная семья". Он пожал плечами, будучи озадаченным. "Я имею ввиду, это звучит немного чёрство, но это так."

"Насколько велика разница?" - спросил Живчик. Для программиста это был логичный вопрос. Эл открыл рот, чтобы ответить, но затем снова закрыл его.

"Для меня было бы очень важно, если бы я была живой, а не мёртвой," - отметила Тина. "Даже если бы я никогда не сделала ничего важного в своей жизни". Она лучезарно улыбнулась своему мужу. Эл поморщился.

"Ладно, ладно. Это имеет значение," - согласился он. - "А теперь кто-нибудь скажет мне, как Сэм должен это сделать?"

[ГЛАВА 15]

"...Восточные немцы бегут из страны со скоростью один человек в минуту..."

Сэм тоже работал над этой проблемой в свободные минуты. Он и не подозревал, насколько насыщенным может быть день маленького

ребёнка. Прибравшись на кухне, он отправился на поиски бутылок со спиртным, планируя вылить весь алкоголь, исходя из мысли, что Джейн не сможет напиться, если ей нечего будет пить. Их оказалось довольно много: шесть новых бутылок джина, одна бутылка виски и три большие бутылки вина. Он разложил всё это в ряд на кухонном столе рядом с раковиной и как раз пытался открыть одну из бутылок джина, когда услышал, как во входной двери поворачивается ключ.

Он узнал мужчину в синей форме, который был запечатлён на фотографии в спальне. Стив Робишо был высоким, худощавым, атлетически сложенным и производил впечатление человека, стоящего по стойке "смирно", даже когда наклонялся, чтобы поставить свой потрёпанный кожаный портфель рядом с чемоданами семьи. Сэм заколебался, чувствуя себя неловко из-за того, что ему полагалось с криком "Папа!" броситься в объятия совершенно незнакомого человека. Вместо этого он отступил назад, заложив руки за спину, и стал ждать, когда мужчина поднимет глаза и заметит свою дочь.

Очевидно, сдержанность была уместна. Майор выпрямился, поймал взгляд своей дочери, и в его ледяных голубых глазах на мгновение промелькнул шок. Но его первые слова были не такими, как ожидал Сэм, а именно: "Что, чёрт возьми, с тобой случилось?"

Вместо этого он проревел: "Ну что, лётчица! Явилась на службу?"

Сэм неуверенно кивнул. Он помнил, как его собственный отец приветствовал его, но такого никогда не было.

"Что делает рядовой, когда видит офицера?" - с притворной строгостью спросил майор.

Глаза Сэма расширились от лёгкой паники. Рядовой? Неужели он действительно...?

По-видимому, он действительно так думал. Майор Робишо слегка пошевелился и каким-то образом вытянулся по стойке "смирно". Сэм скопировал его позу, пытаясь найти какие-либо другие признаки одобрения или беспокойства по поводу синяков на лице дочери. Он не смог найти ни того, ни другого.

Он заметил, как майор начал хмуриться, как будто его ожидания не оправдались. Хотя он понятия не имел, в чём могут заключаться эти ожидания.

"Отдай честь, Сэм," - раздался голос Эла у него за спиной. Сэм вздохнул с

облегчением и поднёс правую руку к брови.

"Прямая рука должна быть прямой и не сложенная чашечкой," - наставлял Эл. Сэм расправил ладонь и отдал честь, как полагается.

"Нет," - сказал Эл с ноткой раздражения. - "Ты должен держать её, пока он не отдаст честь в ответ."

В этот момент Сэму хотелось задать Элу несколько серьёзных вопросов - например о том, в чём заключалась практика набора в Военно-Морской Флот - или с каких пор, вообще, в Военно-Воздушных силах набор был сосредоточен на дошкольниках. Но то, как сузились глаза майора, указывало на то, что Эл, вероятно, был прав, поэтому он поспешно снова поднял руку, как это было принято, и поднес её к брови.

Майор ответил на приветствие точным академическим жестом.

"Ладно, Сэм, заканчивай."

Сэм резко опустил руку.

"А что должен делать офицер, когда видит рядового с такими ссадинами на лице?" - прорычал Эл, обходя сзади Сэма и видя лицо Мисси. - "Боже всемогущий, Сэм, что с тобой случилось? Ты выглядишь так, словно тебя пропустили через мясорубку!"

"Очень хорошо," - сказал Стив. После его первой реакции он, казалось, не заметил ничего необычного. "А теперь, может быть, ты меня обнимешь?"

Сэм глубоко вздохнул, шагнул вперёд и поднял руки. Он был удивлён энтузиазмом, с которым офицер схватил его и поднял в воздух. "Вот это моя девочка!" - воскликнул он. "Ты скучала по мне?"

"О, да," - выдохнул Сэм, хватаясь за землю и едва не зацепив отца Мисси за знак поощрения орденом ленточка. Ощущение того, что его оторвало от земли и подбросило в воздух, было чрезвычайно неприятным. У него мелькнула мысль, чувствовали ли что-нибудь подобное женщины, когда он брал их на руки. Ему стало интересно, брал ли он когда-нибудь женщину на руки. Он подумал, что это вполне вероятно. Он сделал мысленную пометку постараться запомнить, что не во всех случаях это может быть приятным.

"Я в порядке," - добавил он для Эла.

"Я в порядке, сэр," - предостерегающе произнёс Эл. "В этом доме нельзя говорить просто "да" или "нет". Он покачал головой. - "Похоже, тебе уже

кто-то указал на это. Ты уверен, что с тобой всё в порядке? Это сделала Джейн?"

"Я имею ввиду, да, сэр," - поправился Сэм и ответил на оба вопроса сразу, по возможности самым экономичным способом. Его губы болели.

"Хорошая девочка". Сэм почувствовал себя щенком коккер-спаниеля, которого похвалили. Майор снова поставил его на землю и погладил по голове. "Мы собираемся сделать из тебя настоящую маленькую лётчицу."

"Да, точно," - поддакнул Эл. - "На самом деле, не такую уж и маленькую."

Сэм повернулся и пристально посмотрел на Наблюдателя, стараясь, чтобы выражение его лица не попало в поле зрения Стива. Это не имело значения. Майор взял портфель и прошёл мимо, как будто, поздоровавшись с дочерью, он теперь мог полностью игнорировать её существование. В несколько шагов он оказался у двери главной спальни и исчез внутри.

"Что, чёрт возьми, всё это значит?" - сердито спросил Сэм. "Вообще-то считается, что я его ребёнок, а он считает, что я один из его новобранцев?"

Эл пожал плечами и выразительно описал сигарой круг. "С его точки зрения, никакой разницы нет," - сказал он. "Дисциплина есть дисциплина, верно?"

Сэм не поверил своим ушам. - "Ты хочешь сказать, что, по-твоему, это нормально, когда дети отдают честь своим отцам?"

"Эй, это не мой ребёнок." - снова пожал плечами Эл. "И я могу это понять. Это тот же стандарт, который он применяет к своим подчинённым в своём командовании, а Мисси - его подчинённая дома. Почему должна быть разница?"

"Где настоящий Эл и что ты с ним сделал?"

Эл остановился и уставился на него. - "Я сказал, что понимаю это, Сэм, а не то, что я это одобряю. Ни ты, ни я не были так воспитаны, но это не делает это аморальным."

"А по-моему, он болен!"

"Судя по поступкам, которые совершает Джейн, то больна она, а не майор. Ты уверен, что с тобой всё в порядке?" - когда Сэм кивнул, Эл покачал головой. "Ты никогда не понимал мышления военных". Он прошёл

к кухонному столу, демонстративно рассматривая выстроившиеся там в ряд бутылки. "Что всё это значит?"

"Я собирался их вылить". Сэм всё еще был расстроен, но решил, что продолжать спор нет смысла. Он чувствовал себя так, словно кто-то доказывал разумность какого-то инопланетного обычая, например, поедания щенков. Логических причин не делать этого не было, но эмоциональные причины могли быть не менее вескими. Хотя майор действительно приветствовал свою дочь с любовью, сам факт приветствия показался Сэму очень странным.

Эл вводил данные в ручной пульт. "Я бы не советовал пробовать делать это сейчас. Зигги говорит, что майор любит выпить. Может быть, не так сильно, как его жена, но если он обнаружит, что его маленькая дочка вылила много дорогой выпивки, то она предстанет перед военным трибуналом."

Сэм поморщился и начал убирать бутылки обратно. Он не мог ожидать, что ему доведётся встретиться с людьми, чьи обычаи, жизненный опыт и убеждения были такими же, как у него самого. Пока он не смог доказать, что данное приветствие действительно каким-то образом вредит ребёнку, то он должен был смириться с этим. В конце концов, детские обычаи во многих странах были странными. В некоторые времена и в некоторых местах девочки должны были делать реверанс своим родителям. Отдавание чести было просто ещё одним вариантом приветствия, подумал он. Особенно неприятным. Но "военный трибунал"? Разве это не было уже перебором?

Он слышал доносящиеся из спальни голоса, в основном неразборчивые. Послышались приветственные возгласы, затем слова "со мной связался капеллан" и "Жанна", "русские" и "готовность". Сэм оставил бутылки и двинулся по коридору, пытаясь уловить продолжение разговора.

"Может быть, он останется дома и предотвратит всё это," - с надеждой сказал он.

Произнеся эти слова, он услышал, как Джейн говорит: "...она всё время спотыкается и падает на этот стол..."

"Нет," - ответил Эл. - "Он здесь, чтобы успокоить свою жену, забрать сменную форму и убедиться, что его семья готова к тревоге. Это не очень правильно," - неодобрительно добавил он. - "Их не должны были предупредить заранее". Эл просунул в дверь свою голограммную голову. Большая часть его тела последовала за ним, но не вся. Сэм отвернулся. Он

знал, что физически Эл здесь не присутствовал, но вид половины тела всё ещё вызывал у него беспокойство в желудке.

"Эл, перестань подслушивать," - прошептал он. "Пойдём."

Наблюдатель высунул голову из двери. "Ага, как будто ты тут не стоишь и не пытаешься что-то услышать?" - ехидно спросил он. "Ты хочешь знать, что происходит, или нет?"

На это Сэму возразить было нечего. "Хорошо," - ответил он. "Что происходит?"

"Я пока не знаю. Но он очень хорошо справляется с тем, чтобы поздороваться со своей женой". Эл просунул голову обратно в спальню.

"Эл!"

Эл снова неохотно высунул голову из двери. "Ну что?"

"Не мог бы ты проявить свои вуайеристские склонности где-нибудь в другом месте, пожалуйста? Я пытаюсь здесь кое-чего добиться!"

"Ох, хорошо". Эл проверил данные на ручном пульте, в качестве формальности, и кивнул. "Нет, ничего не изменилось. Майор остается на ужин, потом уходит, происходит большая ссора, и Том убегает."

И умирает, с ужасом осознал Сэм.

"А что, если он не вернется домой, пока его отец здесь?"

"Не имеет значения," - сказал Эл, запрашивая компьютер. - "Придет ли он домой на ужин и ввяжется ли после этого в драку, или никогда не вернется домой, он все равно пойдет и устроит пожар."

"Наверняка с ним был Уолт," - пробормотал Сэм.

Ручной пульт запищал. "Ну, да, на самом деле, похоже, что он там был," - сообщил Эл, изучая поток данных. "Ничего официального, но кто-то упоминал, что допрашивал его. Держу пари, он там был, этот маленький проныра."

"А что будет с Уолтом?"

"Похоже на то, что ... да, он становится международным торговым представителем одной из этих маргинальных телефонных компаний. В итоге он умрет от СПИДа примерно через двадцать пять лет. Заразится от переливания крови во время какой-то операции, которую ему делали во

Франции в восьмидесятых. Будет скандал по поводу испорченной крови."

"О, Боже."

"А тебе было бы легче если бы он погиб в автокатастрофе? Он всё равно бы умер. Или, может быть, от рака? Чтобы умереть от рака, может потребоваться столько же времени, сколько и от синдрома приобретённого иммуно-дефицита."

"Да что с тобой не так?" - взорвался Сэм. "Я знаю, что ты циник, но в этот раз ты ведёшь себя совсем по-другому!"

"Нет, это не так". Эл нажал на кнопку на ручном пульте. Когда ответа не последовало, он хлопнул по пульту ладонью. Устройство зарычало и начало переливаться всеми цветами, словно испугавшись от неожиданности.

Дверь спальни открылась, пронзив Эла насквозь, как будто его там и не было — что, на самом деле, и было правдой. Но Сэм всё равно подскочил от неожиданности.

Майор, очевидно, думал, что его дочь страдает от чувства вины из-за того, что её застукали. "Что ты тут делаешь?" - рявкнул он. Он не делал никаких уступок тому факту, что разговаривал с ребёнком. Его голос был резким и отрывистым.

"Ничего," - автоматически ответил Сэм. В его памяти всплыла книга, которую он когда-то читал, с очаровательным названием "Куда ты ходил? Никуда. Что ты сделал? Ничего. (оригинальное название - Where Did You Go? Out. What Did You Do? Nothing, автор Robert Paul Smith прим. пер) Внезапно он прекрасно понял, что означало это название.

Но сейчас это не имело значения. Он отступил назад, подальше от возвышающейся, угрожающей фигуры.

Очевидно, майор решил, что Мисси была достаточно напугана, или, возможно, он понял, как было мало нужно, чтобы ошеломить дошкольника.

"Где твой брат?" - спросил он.

"Я не знаю," - честно ответил Сэм. Он бросил быстрый взгляд на Эла.

"Кажется, я не могу настроиться на Тома," - сказал Эл, хмуро глядя на телефонную связь. - Мы не смогли его как следует зафиксировать."

"Он должен был уже пройти регистрацию," - сказала Джейн, появляясь в

дверях позади майора. Она завязывала пояс на халате. "Я не могу себе представить, где он может быть. Мисси, ты не знаешь?"

Сэм покачал головой.

Майор взглянул на часы. - "Он опоздал". Протиснувшись мимо Сэма, он прошёл в комнату Мисси и, подойдя к окну, широко распахнул его. Сэм последовал за ним как раз вовремя, чтобы увидеть, как он подносит руки ко рту, как будто собирается свистнуть.

После трёх оглушительных звуков майор захлопнул окно. "Это приведёт его."

"Его и всех собак в четырёх округах," - подумал Сэм. Но он промолчал и последовал за отцом Мисси из комнаты в столовую. Как и предполагалось, Стив направился оттуда на кухню.

"Что это?" - спросил он, указывая на бутылки.

Сэм огляделся по сторонам и глубоко вздохнул. - "Я собиралась их вылить," - сказал он. Его голос прозвучал пронзительно и испуганно даже для него самого.

"ЧТО ты собиралась сделать? Зачем?"

"Потому что мама слишком много пьёт."

Ледяные голубые глаза расширились от шока. Затем они переместились и посмотрели вверх. С замиранием сердца Сэм обернулся и увидел, что за его спиной стоит Джейн Робишо, на щеках которой выступил румянец.

"О чём ты говоришь?"

Чувствуя себя преданным, как и подобает любому ребёнку, Сэм повторил: "Мама слишком много пьёт. А потом она бьёт меня. Поэтому я собиралась это вылить."

"Да кем ты себя возомнила?!" - рявкнула Джейн, схватив его за плечо и развернув к себе. "Как ты смеешь говорить такие вещи! Кто научил тебя говорить такие вещи?!"

"Я бы тоже хотел знать, от кого она это услышала," - мрачно сказал майор.

Оба родителя намеренно игнорировали обвинения Сэма в избиении и сосредоточились на выпивке. Сэм понял, что они не верили, что их дочь могла прийти к такому выводу самостоятельно. Мисси была слишком

мала. Она всё ещё была в том возрасте, когда можно повторять услышанное, как попугай. Но пальцы женщины всё равно впились в его плечо, а её ногти оставляли маленькие болезненные полукружия сквозь тонкую рубашку.

"Кто тебе это сказал?" - спросил он. - "От кого ты это услышала?"

"Ни-ни-никто". Сэм с отвращением заметил, что его голос дрожит. Но, похоже, он не мог это контролировать. "Я просто подумала..."

"Как ты смеешь!" - голос Джейн едва не сорвался на визг. Её рука соскользнула с его плеча, отёрнулась и метнулась вперёд, чтобы молниеносно ударить Мисси по лицу. "Как ты смеешь так говорить обо мне! О своей собственной матери!"

"Она должна была откуда-то это услышать," - услышал Сэм слова Стива сквозь красную пелену боли и слепящих слёз. "Если только...ты снова не начала пить?"

Прижав одну руку к пылающему лицу, Сэм отошёл в сторону, отходя от двух разъярённых взрослых.

Они не обращали на него внимания, сцепившись, словно готовясь к схватке.

Прижав одну руку к пылающему лицу, Сэм отошёл в сторону, отходя от двух разъярённых взрослых. Они не обращали на него внимания, сцепившись, словно готовясь к схватке.

"Ты опять пила?" - повторил майор.

Он не обращал никакого внимания на боль своей дочери, вообще не обращал внимания на свидетельства того, что у него перед глазами были её синяки. Сэм сдержал слёзы, грозившие вот-вот хлынуть из глаз — реакция не столько на боль, сколько на шок от удара. Он подумал, что интересно, что на ребёнка это действует совсем иначе, чем на взрослого и отступил назад, чтобы понаблюдать за происходящим.

"Это ничего не изменит," - сказал Эл. Сэм подскочил. Он совершенно забыл о Наблюдателе. Эл тоже наблюдал за противостоянием и был такой же напряжённый и злой, как и все участники. "Как она могла так ударить своего ребёнка?" - пробормотал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Сэму. "А он даже не замечает!"

Сэм выдохнул, хотя и не осознавал, что задерживает дыхание. Двое взрослых всё ещё спорили, но их голоса были тихими, чтобы они не

доносились сквозь стены до заинтересованных слушателей.

"Ради Бога," - говорила Джейн, - "Да, я время от времени выпиваю. И ты тоже! В этом нет ничего плохого! Я не знаю, откуда у неё такие мысли! Я не напиваюсь!"

"Надеюсь, что нет," - ответил майор. "Всё, что мне сейчас нужно - это жена, которая разгуливает пьяной. Как ты думаешь, они доверят мне более серьёзное командование, если я не могу содержать в порядке даже свой собственный дом? Чёрт возьми, я же просил тебя бросить пить!"

"Я и не начинала!" - отбивалась она.

"Тогда чем это у тебя пахнет изо рта? Ополаскивателем для рта?"

"Послушай, я время от времени выпиваю. Как и все остальные, в этом нет ничего плохого!"

Сэм, потирая ушибленное лицо и плечо, мог бы сказать ей совсем другое. Ни один из них и не подумал взглянуть на маленькую девочку, стоявшую в углу, прижавшись к Наблюдателю, который встал перед ней, чтобы защитить, каким бы тщетным ни был этот жест.

"Послушай, ситуация накаляется," - сказал майор, ещё больше понизив голос. Сэм не мог понять, то ли мужчина пытался успокоить свою жену, то ли пытался быть более устрашающим. Джейн стояла перед ним, сжав руки в кулаки, а её глаза подозрительно блестели. "Мы должны быть готовы. Готовы, ты понимаешь?"

"Ах, мы должны быть готовы." - рассмеялась Джейн. Сэм подумал, что интересно, что даже смех с оттенком истерики можно сдерживать. - "Готовы уклониться от ракет? Какие у нас шансы, если они решат пересечь границу? Какой в этом смысл?"

"У тебя вообще не будет ни единого шанса, если ты не будешь готова," - сказал майор. Теперь его голос звучал определённо тише. "Послушай, я не могу оставить после себя такой беспорядок. У меня всё равно есть всего несколько часов. Давай, Джейни. Нам нужно выливать это пойло или нет?"

"Конечно, нет!" - сказала она. "Если ты думаешь, что не можешь на меня положиться..." - она снова рассмеялась, но этот смех перешёл в сдавленное рыдание. "Я же не могу сейчас убежать домой к маме, правда? Мама за три тысячи миль отсюда!"

Стив закрыл глаза, признавая перемену, пусть и незначительную, в поведении своей жены. "Послушай, священник сказал, что я могу тебе

понадобиться, но если ты считаешь, что у тебя здесь всё под контролем, то мне нужно собираться. Мне нужно что-нибудь съесть и снова отправиться в путь. У меня запланированы кое-какие инструктажи. Ситуация становится очень плохой," — он спохватился и быстро замолчал.

Но Джейн уловила эту прерванную мысль. "Это ведь скоро произойдёт, не так ли?" - прошептала она. Её руки расслабились, а пальцы вытянулись, словно в поисках чего-то, за что можно было бы ухватиться. "Это действительно произойдёт, не так ли?"

"Мы этого не знаем. Я этого не говорил," - быстро сказал он. Но было уже слишком поздно и неубедительно. Из неё как будто что-то ушло, и она, казалось, сжалась внутри.

Непосредственная угроза уменьшилась, Эл тоже немного расслабился, и слова офицера заставили его запросить данные у Зигги. "Начинается," - сказал он Сэму. "Они ограничили въезд восточногерманских рабочих в Западный Берлин. "Ограничили", чёрт возьми, да они же остановили его. Шестьдесят тысяч человек только что потеряли работу, потому что жили на одной стороне улицы, а работали на другой. И они разворачивают жителей Западного Берлина обратно к Бранденбургским и всем остальным воротам. Хенекер — это глава службы безопасности Восточной Германии, по крайней мере, сейчас, а позже он будет премьер-министром Восточной Германии — он перестал общаться с представителями союзников. Если бы ты мог прыгнуть в кого-нибудь из них, Сэм..."

Сэм покачал головой. Он наблюдал за Робишо. Они всё ещё смотрели друг на друга, стоя примерно в пяти футах друг от друга и не делая никаких попыток друг друга утешить, как будто что-то невидимое и высокое отделяло их друг от друга.

Эту сцену нарушила Джейн Робишо. "Тебе нужно поесть," - сказала она, как будто накормить мужа перед его очередным отъездом было самым важным, что она могла сделать. - "Тому просто придётся подождать, если он не вернётся вовремя."

Её муж ничего не сказал, а только отступил в сторону, чтобы дать ей пройти. Ни один из них так и не посмотрел на свою дочь.

[ГЛАВА 16]

"Мы применим силу..." — Герхарт Эйслер, министр пропаганды Восточной Германии

Они ужинали в тишине, делая быстрые, точные движения, пережёвывая и глотая, как будто главным, что было - это эффективность. У них были стаканы с водой и бокалы с вином, и Джейн пила медленно, но уверенно. Её скулы и глаза блестели от алкоголя, но руки не дрожали.

Майор Робишо каждые несколько минут поглядывал на часы. - "Куда он направился?" - спросил он наконец.

Сэм не был уверен, что вопрос адресован ему, поэтому промолчал, перемещая картофельное пюре по тарелке и распределяя коричневую подливку по бокам. Ему было слишком больно достаточно широко открывать рот, чтобы положить в него еду, не говоря уже о том, чтобы жевать.

"Я задал вопрос," - сказал майор.

Сэм встревоженно поднял голову. Так и есть, этот вопрос был адресован ему. "Да?"

"Да, сэр," - тихо подсказал Эл, стоя у него за спиной. Сэм вздрогнул, потянулся за своим стаканом с водой и опрокинул его. Струя воды вмиг намочила льняную скатерть.

"Простите меня!" - сказал он, вскакивая на ноги и пытаясь ликвидировать последствия.

"Сядь."

При этих словах Сэм резко повернул голову, словно к его носу была привязана ниточка. Майор пристально смотрел на него холодными голубыми глазами, лишёнными всякого выражения. Вода дошла до края стола и начала капать на пол. Сэм осторожно сел. Какая-то часть его сознания испугалась выражения этих глаз. Другая часть восприняла это как вызов. Но в то же время он был рад, что Эл стоит у него за спиной, неважно был ли он голограммой он или нет. - "Да, сэр?" - ровным голосом произнёс он.

"Я задал тебе вопрос, а ты на него не ответила."

Сэм открыл рот и снова закрыл его. Если бы он ответил так, как ответил

бы Сэм Беккет, они, несомненно, сочли бы свою дочь одержимой. Тот факт, что она была одержимой, по крайней мере, в некотором смысле, не облегчал ситуацию. Он должен был заставить их думать, что он всего лишь ребёнок, и в такой момент, как этот, он не был уверен, как это сделать.

"Скажи, что тебе очень жаль, Сэм," - подсказал Эл у него за спиной. Сэм услышал тихие звуки ручного пульта.

"Мне очень жаль," - сказал он.

Он хотел было продолжить, но Эл сказал: "Нет. Просто молчи. Я скажу тебе, что сказать."

Сэм замолчал и стал ждать следующей реплики.

"Где Том?" - повторил Робишо.

"Скажи: "Он вышел на улицу"."

"Он вышел на улицу."

"Пока ничего больше не говори," - предупредил Эл. "Тебе шесть лет, не забывай. И ты боишься."

"Куда именно?" - взревел майор, наклоняясь вперёд и протягивая руку. Сэму не пришлось притворяться, что он вздрогнул.

"Я...Я не знаю," - пробормотал он, прежде чем Эл успел его проинструктировать. - "Я не знаю, куда он пошёл."

Почему я так испугался? - недоумевал Сэм, ёрзая на стуле. Но, глядя на рост разгневанного взрослого по сравнению с Мисси, он знал ответ. Майор Робишо не учитывал когнитивного развития ребёнка дошкольного возраста. У него был вопрос, и он хотел получить на него ответ.

"Том не сказал мне, куда направляется," - сказал Сэм. - "Он просто ушёл."

"Ты знаешь о том, что должна приходиться, когда тебя позвуют?"

"Может быть, он не слышал". Сэм был на грани того, чтобы начать спорить с этим человеком, и это могло закончиться только катастрофой. "Он не мог бы не прийти, если бы не слышал."

Раздался звон бокала о бокал, когда Джейн опустошала бутылку вина, который отвлек их обоих.

"Не пытайся спорить с ним," - предостерег Эл. Но Сэм уже знал, что лучше

не вступать в спор, и прерывание, намеренное или нет, помогло разрядить обстановку.

Раздался звонок в дверь, сигнализирующий о просьбе открыть вход на первом этаже. - "А вот и он," - с облегчением сказала Джейн. Она отставила бокал и потёрла виски.

Майор встал, подошёл к двери и нажал кнопку громкой связи. "Кто там?"

"Капрал Адамс," - послышался ответ, который был едва слышен из-за помех. "Ваша машина готова, сэр."

Джейн издала протестующий звук.

Мужчина с трудом сдержал себя от ругательства. "Будьте наготове!"

"Да, сэр."

Майор Робишо отвернулся и посмотрел на свою жену и дочь, и на долю секунды Сэму показалось, что в его глазах промелькнул страх. - "Когда Том появится," - сказал майор, - "Скажи ему, что он находится под домашним арестом до дальнейших распоряжений. Он знает, каковы правила. Он должен выходить на связь каждые два часа, независимо от того, что он делает. Я здесь уже почти пять часов, а мы ничего не слышали. Это неприемлемо. Ты понимаешь?"

Не уверенный в том, обращался ли мужчина к своей жене или дочери, Сэм кивнул. Краем глаза он заметил, что Джейн тоже кивнула. Её лоб был наморщен от боли.

"Мне нужно уходить," - продолжал Робишо.

"Но ты же только что приехал," - запротестовала его жена. "У тебя было всего несколько часов!"

"Это всё, что они могли мне позволить," - сказал он. На этот раз он обращался к жене напрямую, и Сэму снова показалось, что он исчез из комнаты, так же незаметно, как и Эл, переступая порог Голографической Камеры. "Мне нужно добраться до...Я должен уйти, вот и всё."

"Готов поспорить, что он направляется в штаб-квартиру МАК," - тихо сказал Эл, по-прежнему стоя за спиной Сэма. - "Он должен был сразу же отправиться туда, но когда позвонил капеллан и сообщил о смерти сестры его жены, то он получил разрешение заехать повидаться с семьей, пока у него есть такая возможность. Жаль, что его сына здесь не было."

Очевидно, майор тоже так думал, но смотрел на это иначе. "Передай

Тому, что ему придется отвечать передо мной," - сказал он. Он вернулся в главную спальню, вернулся с портфелем и форменной курткой и подошёл к столу, за которым всё ещё сидела Джейн. - "Обязательно скажи это ему," - сказал он, как будто и не выходил из комнаты.

"Я скажу ему," - пообещала она.

"А от тебя," — повернулся он к Сэму, - "Я не хочу больше слышать ни слова о выпивке, поняла? Эта тема закрыта. Точка."

"Да, сэр". Сэм подумал, заметил ли этот человек, кто именно выпил большую часть вина за ужином. Вероятно, заметил. Но официального уведомления не последовало, и, следовательно, этого так и не произошло. Точно так же, как не было принято никакого официального решения о повреждениях на лице Мисси.

"Я хочу, чтобы ты слушалась свою маму, понимаешь? Когда меня здесь нет, то она остаётся главной. Никаких споров. Не создавай ей проблем."

"Да, сэр". Это было похоже на церемонию смены командования, - восхищённо подумал Сэм, - за исключением того, что американские командиры редко передавали свои приказы быстрым поцелуем в губы. Это застало его врасплох. Джейн тоже. Она попыталась улыбнуться мужу, но это было слишком трудно.

Майор глубоко вздохнул и огляделся по сторонам, словно пытаясь вспомнить что-то важное. Но ничто не привлекло его внимания, и он резко кивнул. "Хорошо. Я вернусь...как только смогу. Помни, что я тебе сказал, Джейн. Это важно. И верни Тома сюда, понимаешь? Мы не можем допустить, чтобы он снова в любой момент сбежал."

"Да, дорогой," - пробормотала она, и эти слова явно усилили её сильную головную боль.

Дверь за её мужем закрылась, оставив её в квартире наедине с Сэмом.

"У меня болит голова," - пробормотала она и вернулась к обеденному столу. Бокал её мужа ещё оставался наполовину полон. Она подняла его и осушила, пересела на своё место в противоположном конце стола, взяла свой бокал и заметила, что он пуст. Как и бутылка. Она отнесла бокал на кухню.

Сэм последовал за ней. - "Пожалуйста, не делай этого," - сказал он, когда она взяла ещё одну бутылку вина и развернула фольгу.

Джейн неуверенно повернулась и посмотрела на него. "Чего не делать?"

"Пожалуйста, больше не пей."

Она подняла брови, глядя на свою дочь и бутылку в своей руке. "Это? Это просто потому, что у мамы немного болит голова, милая. На самом деле это не алкоголь". Её брови сошлись на переносице. "Кроме того, разве ты не слышала, что сказал папа? Ты не должна говорить о том, что мама пьёт. Никогда."

Она всё ещё была достаточно трезва, чтобы вытащить пробку из бутылки, даже если у неё это плохо получалось. Сэм в отчаянии посмотрел на Эла, ожидая каких-нибудь идей, предложений, ободрения, хоть чего-нибудь. Но Эл только покачал головой.

"Я не знаю, Сэм. Зигги говорит, что она умрёт от комбинации таблеток и алкоголя. Не знаю, как насчёт таблеток, но с алкоголем она справляется определённо хорошо."

"Тогда, может быть, я смогу что-нибудь сделать с таблетками," - сказал Сэм.

"Что ты сказала?" - спросила Джейн, постукивая горлышком бутылки по хрусталу.

"Ничего". "Что ты сделал? Ничего"

Он выскользнул, оставив Джейн допивать содержимое бокала. Эл пошёл за ним следом, обходя женщину стороной и бросая на неё сочувственный взгляд.

"И что теперь?" - спросил Наблюдатель. "Она пьёт, и мы не знаем, где Том. Знаешь, ты мог бы выбрать кого-нибудь более активного, чтобы прыгнуть в него в этот раз. Что, в конце концов, может сделать маленькая девочка?"

"Это был не совсем мой выбор," - сказал Сэм, направляясь в ванную и забираясь на унитаз, а оттуда к раковине, где он с опаской опустился на колени, держась за край зеркальной дверцы шкафчика.

"Ты только посмотри на это!" - сказал Эл. Шкафчик был битком набит маленькими коричневыми пластиковыми бутылочками с белыми этикетками.

"Милтаун - Валиум — посмотри на это. Каждый рецепт выписан другим врачом. Что она делает, ходит по врачам за лекарствами?"

"По военным медикам," - поправил Эл. - "Нет такого понятия, как обычный

врач. Ты обращаешься к тому, кто есть на данный момент. А когда ты приходишь снова, то его уже переводят. Иногда они не утруждают себя просмотром медицинских карт, а просто дают пациенту то, что он просит."

"И это считается медициной?" - возмущённо спросил Сэм.

Эл пожал плечами. - "Это же армия. И в ней тоже есть хорошие врачи. Просто ты не можешь выбирать."

"Это недопустимо". Он начал доставать бутылочки и ставить их на раковину, по две за раз. К тому времени, как он поставил их все на раковину, три из них упали на пол.

Сползти вниз оказалось легче, чем подняться. Он как раз вылил содержимое первой бутылочки в унитаз, когда внимание Эла привлекли голоса, доносившиеся из гостиной. Голограмма выглянула, чтобы посмотреть, что происходит. Через несколько секунд он вернулся.

"Это Том. Он вернулся. Тебе лучше выйти отсюда, Сэм."

Том опоздал, но ни в чём не раскаивался. Однако он был поражён, увидев обеденный стол.

"Вы уже поужинали," - сказал он. "Вы поужинали без меня."

"Где ты был? Ты должен был быть дома несколько часов назад. Ты должен был зарегистрироваться." - Сэм услышал в её тоне нотки раздражения, которые предупреждали о возможном взрыве, и приготовился к тому, что придётся уворачиваться.

Том покачал головой, будто бы отмахиваясь от назойливой мухи, чем для того, чтобы что-то возразить, и взял кусок хлеба.

Джейн выхватила еду у него из рук.

"О, нет," - простонал Эл. - "Опять началось."

"Твой отец был здесь, а ты не зарегистрировался! Ты должен был зарегистрироваться! Ты помещён под домашний арест, ты понял меня?" - она наклонилась и её лицо было всего в нескольких дюймах от его лица. - "Мы должны всё время знать где ты находишься!"

"Я просто играл!" - Том не знал, испугаться ему или разозлиться. Запах вина, исходивший от женщины, был почти невыносимым даже для Сэма, стоявшего в нескольких шагах от него. "Я же пришёл домой на ужин!"

"Твой отец был здесь на ужине!" - закричала она на него. "Твой отец был здесь, а тебя не было дома! Он звал тебя, а ты не пришёл! Где ты был? Ты ленивый, бесполезный, непослушный мальчишка! Ты не заслуживаешь иметь отца! Ты не заслуживаешь иметь семью!"

"Папа вернулся домой?". Теперь Том потрясённо смотрел на Сэма. "Он действительно был здесь?"

Сэм кивнул. Он пытался следить за ними обоими одновременно, хотя и не был уверен, что у него получится. Джейн неуверенно выпрямилась, всё ещё держа в руке ломтик хлеба. - "Иди в свою комнату и оставайся там," - осторожно сказала она. - "Не выходи, пока я тебе не скажу."

Сэм заметил, что Том всё ещё смотрит на хлеб, и понял, что мальчик голоден. Ему хотелось как-нибудь сказать Тому, что он тайком принесёт ему немного еды позже, если только тот послушно отправится в свою комнату и не будет сейчас спорить.

На мгновение показалось, что мальчик сейчас так и поступит. Джейн отступила к столу и снова взяла свой бокал. Она осознала, что всё ещё держит хлеб, и посмотрела на свои руки, словно не зная, какой из них ей следует положить, а какой выпить.

Том фыркнул и потянулся за яблоком из вазы с фруктами, стоявшей в центре стола.

Хлеб и вино с грохотом упали на пол, когда мать ударила его. "Чёрт возьми, я же сказала тебе идти в свою комнату! Я хочу, чтобы ты делал то, что тебе говорят! Неужели ты никогда не можешь делать то, что тебе говорят?"

И Том, и Сэм невольно отступили назад. Глаза Джейн потемнели от ярости, волосы торчали во все стороны, а на бледной коже выделялись красные пятна. "Продолжай!"

Том отступал шаг за шагом, а она следовала за ним, буквально протаскивая его по коридору в его комнату, подняв руку и готовая нанести удар. "Ты никогда не делаешь то, что тебе говорят!"

"Не смей его бить!" - в ярости закричал Эл. "Не бей его! Он ничего не сделал!". Но Джейн не могла его видеть, а Сэм не мог ответить ему, как бы ему этого не хотелось и как бы он не был согласен с гневом Наблюдателя.

"Я просто хотел чего-нибудь поесть!" - наконец не выдержав закричал Том. "Что ты собираешься делать, морить меня голодом?"

Джейн набросилась на мальчика, толкнув его на комод. Пытаясь удержаться на ногах, он схватил незаконченную модель, и она смялась у него в руках. Увидев её и почувствовав разрушение, он закричал и швырнул её в мать.

Она вскрикнула в ответ и, потянувшись к нему, сбросила со стола целую серию готовых моделей. "Не смей мне перечить! Чёрт бы тебя побрал, не смей мне перечить! Ты маленькое неблагодарное чудовище! Монстр!"

Том увернулся, едва не споткнувшись о рюкзак, прислонённый к кровати. Сэм с отвращением наблюдал, как пальцы мальчика сомкнулись на ремне, и он, размахнувшись, поднялся. Рюкзак ударил мать по лицу, и она пошатнулась, зацепившись за комод. - "Том!" - закричала она. - "Том!"

Но было уже слишком поздно. Том выскочил за дверь с рюкзаком в руке, и Джейн, Сэм и Эл услышали, как за ним хлопнула входная дверь.

"Вот почему он сбежал," - мрачно сказал Эл. - "В этом скачке всё идет не так, как надо."

"О, Боже мой," - простонала она, сползая по стене и садясь на пол. Прикрыв рукой левый глаз, она свернулась калачиком и застонала.

"Ты не ушиблась?" - спросил Сэм, подходя, чтобы осмотреть её. Пряжка на ремешке попала ей под глаз, и из раны потекла кровь. "Тебе нужно немедленно приложить к этому месту лёд."

"Моя маленькая медсестричка," - пробормотала она. "Позаботься о мамочке. Мамочке нужна её маленькая медсестричка. Маме нужен кто-нибудь...О, пожалуйста, кто-нибудь, позаботьтесь о мамочке. Кто-нибудь..." - она разрыдалась.

"Я принесу лёд," - сказал Сэм. "Не двигайся."

"Не похоже, что она может двигаться," - сказал Эл. - "Она наполовину в отключке." - он последовал за Сэмом на кухню, наблюдая, как тот лезет в маленькую морозильную камеру за кубиками льда, вынимает их из лотка и заворачивает в грубое льняное полотенце. - "Собираешься побыть медсестрой, да?"

"Я не медсестра, а врач," - ответил Сэм. "И ей следует показаться настоящему врачу по поводу этого пореза."

"Тебе шесть лет," - сказал Эл. - "Ты девочка. Конечно, ты хочешь станешь медсестрой. Это то, о чём мечтают все маленькие девочки."

Сэм бросил на него взгляд, который должен был растопить лёд своим сияющим теплом. Эл ухмыльнулся и поднял руки в притворной капитуляции. Возвращение в спальню уничтожило все следы легкомыслия. - "О-о-о, она плохо выглядит," - сказал Эл сочувственным шёпотом, хотя Джейн и не могла его слышать.

Сэм вынужден был согласиться. Она забилась в угол, образованный комодом и стеной, кровь стекала по руке, прижатой ко лбу, и стекала по запястью, пачкая манжету белой блузки, и тихо рыдала среди обломков игрушечных самолётиков. Сэм убрал руку, не встретив сопротивления, и прижал пакет со льдом к её лбу.

Она захныкала и безуспешно попыталась вырваться. Сэм отвёл ее руку и приложил лёд к быстро распухавшему и чернеющему порезу. "Всё в порядке," - сказал он. "Всё в порядке, пожалуйста, не плачь."

Через мгновение она сама взяла лёд. - "Как холодно," - сказала она, пытаясь улыбнуться.

"Это лёд, он и должен быть холодным," - ответил Сэм.

"Куда делся Том?"

"Он сбежал," - сказал Сэм внезапно похолодев. "Он...сбежал."

С его лица исчезла неуверенная улыбка. "О, Боже, у меня никогда ничего не получается. Что бы я ни делал, всё всегда идёт не так, как надо..."

И словно в знак согласия с ним, вдалеке завывали сирены.

[ГЛАВА 17]

"Границы Германской Демократической Республики , при необходимости, должны быть защищены военными средствами...Военная истерия, разожжённая в Западной Германии, является безумием..." — Вальтер Ульбрихт

Эл, застигнутый врасплох, выронил сигару. Сигара исчезла, как только он выпустил её из рук. "Что такое?" - резко спросил Сэм.

"Я не знаю, учения это или всё происходит по-настоящему," - ответил Эл.
"Я не знаю, в какой истории мы сейчас находимся. Всё слишком изменилось."

Звук сирен — нарастающий и затихающий вой, который не начинался в понедельник в полдень в тестовых целях и не прекращался всего через минуту, — наконец-то донёлся до Джейн. "Боже мой," - прошептала она. "Вот и всё. Вот он, сигнал тревоги. Где...?" - она попыталась подняться на ноги, держась за край комода, и снова опустилась на колени. "У нас...у нас совсем нет времени. Том...где Том? Мы должны идти! Мы должны найти Тома!" - она не могла подняться. - "Том? Стив?"

"Майор собирается вернуться за ними?" - спросил Сэм у Эла, пытаясь поддержать Джейн.

Джейн услышала только часть предложения, ту часть, которая, по её мнению, имела смысл. "Стив? Собирается вернуться?". Она невольно рассмеялась.

"Ни за что," - твёрдо сказал Эл. - "Он на боевом посту, или как там это называется у Военно-Воздушных Сил. Он не может вернуться. Она должна собрать семью и эвакуироваться. У неё есть два часа, чтобы собрать детей и все их вещи и отправиться в путь, Сэм. Вот и всё."

"Но ведь Том сбежал..."

"Том отправился на свидание с огоньком," - напомнил ему Эл. - "И она не в состоянии тут ничем помочь. Ты должен найти его."

"Ты должна найти его," - повторила Джейн зловещим эхом. "Найди Тома. Приведи его домой. Я...обо всём позабочусь."

Эл повернул голову, услышав её тон. - "О, нет. Она собирается принять таблетки, Сэм, ты не можешь её оставить."

Они слышали голоса на лестничной клетке, когда соседи напротив выходили из своей квартиры. — "Я мог бы попросить людей из квартиры напротив остаться..." - начал Сэм.

"Они не собираются оставаться здесь ради неё," - сказал Эл. - "Они уезжают."

"Нет," - одновременно сказала Джейн. "Иди. Сходи за Томом, милая, у нас мало времени". Она поднялась на колени и попыталась встать.

"Не надо, пожалуйста," - сказал Сэм. "Сиди тихо. Я позову Тома. Просто

останься здесь, пожалуйста? Обещаешь?"

Джейн попыталась улыбнуться. "Хорошо, милая, я обещаю."

Сэм бросил отчаянный взгляд на Наблюдателя, который читал данные, поступающие по ручному пульту, и покачал головой. Ничего не изменилось. Обещай или не обещай, но женщина умрёт. Если он не избавится от таблеток. Он вскочил и бросился в ванную, схватил бутылочки и высыпал их содержимое в унитаз так быстро, как только мог, а в ушах у него звенело от воя сирен и голосов, эхом отдававшихся на лестничных клетках, от грохота людей, сбегавших по ступенькам с сумками и чемоданами, детского плача и женских криков. Несколько раз спустив воду в унитазе, он едва дождался, когда таблетки смоются, прежде чем снова отправился проведать Джейн.

"Сэм, тебе нужно поторопиться," - предупредил Эл, хотя в этом не было необходимости.

Джейн по-прежнему сидела на полу, осторожно вытирая порез на лбу. "Мисси? Мисси, что ты здесь делаешь? Ты должна была найти Тома!". Она попыталась встать, но прижала руку ко рту, так как от этого движения её затошнило. - "Мисси, пожалуйста!"

"Я уйду," - сказал Сэм. "Я найду его. Всё будет хорошо. Правда."

Он надеялся, что всё будет хорошо, но, чёрт возьми, не понимал, как это сделать.

Лестничная клетка была пуста, другие жильцы квартир уже ушли. Сэм промчался вниз на шесть пролётов и потянулся к входной двери, но остановился, всё ещё стоя в маленьком вестибюле первого этажа. "Эл? Куда мне идти?"

Эл, которому не нужно было спускаться по лестнице просто прошёл сквозь третий этаж на первый, изучая ручной пульт. - "Ты должен найти мальчика," - начал он.

"Я знаю это." - Сэм потянулся к двери и снова остановился. - "Но я не знаю, где искать. Я не знаю, с чего начать. Я не знаю, где Том тусуется, или..."

"Где он играет," - поправил Эл. - "Он не будет "тусоваться" ещё несколько лет". Он покачал головой. — "Его нашли в хозяйственном сарае, но мы не знаем, в каком именно..."

"А Мисси могла бы это знать?"

Эл пожал плечами. - "А твоя младшая сестра знала бы, когда тебе было столько лет? В десять лет ты не хочешь, чтобы твоя младшая сестра ходила за тобой по пятам. Ты тратишь много времени, пытаешься сохранить свою личную жизнь в тайне."

"Если Мисси хоть немного похожа на Кэти, она всё равно знает о нем всё. Я собираюсь осмотреть подвал и детскую площадку, а ты на всякий случай поговори с Мисси, хорошо? Может, она что-нибудь знает."

Эл некоторое время изучал Сэма, а затем его взгляд опустился на ручной пульт, как будто он не хотел им пользоваться. Но без дальнейших комментариев он набрал нужный код, и дверь Голографической Камеры открылась. Он снова нажал на кнопку на ручном пульте, дверь захлопнулась, и Сэм остался один.

В прачечной всё ещё висели простыни и нижнее бельё. Ткань приглушала повторяющиеся завывания сирен. Сэм остановился в дверях. "Том! Ты здесь?"

Ответа не последовало. Но если бы Том был там и проигнорировал сигнал об эвакуации, он бы не ответил и на зов своей младшей сестры, поэтому Сэм прошёл в другой конец комнаты, заглядывая в туннели, образованные постиранным бельём. Больше в комнате никого не было. Все двери в комнаты для прислуги были закрыты. За одной из них Сэм услышал, как женщины всхлипывают и молятся по-немецки, говоря что-то о приходе русских, изнасилованиях и Берлине. Какое-то время он прислушивался, чувствуя тошноту от волн страха, проникавших через закрытую дверь. Немецким горничным не нашлось бы места при эвакуации американских граждан. Они остались бы позади, будучи беззащитными, чтобы встретить захватчиков. Если бы захватчики вообще были. Если там и останется что-то, что можно будет захватить, как только упадут бомбы...

Тома там не было. Сэм двинулся дальше, пробуя двери, за которыми царила тишина. Некоторые из них были заперты. Одна, комната Марты, была открыта, но эта комната была пуста.

Складские помещения всё ещё были забиты товарами и были пустыми без единого человека.

Он поднялся по ступенькам, перепрыгивая через две за раз, и вышел на улицу. Солнце садилось. Перед зданием была припаркована только одна машина, машина Робишо. Прошло, наверное, минут тридцать с тех пор, как впервые прозвучали сирены, и Техасштрассе была пуста. Все семьи, хорошо приученные к страху, похватили упакованные чемоданы,

ожидавшие их у входных дверей, и исчезли, словно в дыму.

Сэм заметил движение в изгороди, отделявшей дом Мисси от соседнего, и побежал посмотреть. Это была немецкая овчарка, всё ещё в наморднике, а с ошейника свисал красный поводок. Собака остановилась, посмотрела на него и тихо зарычала. Сэм стоял неподвижно и считал про себя. Восемнадцать секунд спустя собака заскулила и убежала прочь, разыскивая своего пропавшего хозяина и волоча за собой поводок. Сэм повернулся и побежал в сторону детской площадки. Он слышал где-то далеко шум уличного движения, но никого не мог разглядеть. Хайнерберг превратился в город-призрак, словно дым от красных сигнальных ракет уничтожил всё человеческое, до чего он смог коснуться. Вдалеке он слышал быстро удаляющийся звук автомобильных двигателей - это убегали люди.

Сирена по-прежнему звучала у него в ушах, когда он осматривал качели и песочницу, где Том и Уолт всего день назад играли со спичками. Уолт...где жил Уолт? Будет ли Том с Уолтом? Он хотел, чтобы Эл вернулся и сообщил ещё какую-нибудь информацию. Детская площадка тоже была пуста. Одна из качелей мягко покачивалась взад-вперёд, как будто её недавно оставили. Казалось, что тому, кто на ней качался — как и остальным несколькими тысячам человек, проживающих в жилом комплексе — пришлось "выскочить" из качелей и самого искусственного города, чтобы укрыться в некоем воображаемом безопасном месте, вне досягаемости ракет и танков, которые поворачивались, чтобы прицелиться на запад, в их передние окна.

Он не знал, где живёт Уолт. Но, по крайней мере, он мог продолжать поиски, зная, что, как бы далеко он ни ушёл и как бы ни заблудился, Эл найдёт его и позаботится о том, чтобы он вернулся вовремя. По крайней мере, теперь, когда таблетки закончились, он мог меньше беспокоиться о Джейн. Всё, что ему нужно было сделать, это найти Тома, пока не стало слишком поздно.

Сквозь сетку и заросли ягодников, огораживавшие детскую площадку, он увидел, как мимо проехал седан, двигаясь медленно, почти крадучись. На нём были опознавательные знаки военной полиции. Вероятно, для того, чтобы не дать мародёрам проникнуть внутрь, подумал он. Наверняка найдутся оппортунисты, желающие воспользоваться массовым покиданием комплекса.

Сэм ненадолго задумался о возможности привлечения военной полиции к поискам Тома, но решил не делать этого, по крайней мере, до тех пор, пока не узнает, какую информацию ему сообщит Эл. Если бы он

попытается объяснить, то они, скорее всего, схватят его и потащат на место эвакуации, даже не потрудившись выслушать. В конце концов, для них он была маленькой девочкой, ещё слишком маленькой, чтобы ходить в первый класс, и гуляющая одна. Они бы решили, что её семья уехала без неё. Это была их обязанность - подбирать оставших.

Возможно, они подобрали и Тома. Он лелеял эту мысль по крайней мере полторы минуты, прежде чем неохотно отбросил её. Если бы Том был в безопасности, Эл вернулся бы и сказал ему об этом, или он бы совершил скачок. Поскольку ни того, ни другого не произошло, он должен был предположить, что Том всё ещё обречён, пока ему не удастся найти его и изменить историю.

Пробежав по игровой площадке, он вышел через калитку в дальнем конце. Перед ним аккуратной чередой высились многоквартирные дома, идентичные тому, в котором жила семья Робишо, за исключением номеров, нанесённых краской на лестничные клетки. Он никого не увидел на лужайке, простирившейся от фасада здания до улицы, поэтому развернулся, чтобы пройти вдоль задней линии.

Он заметил, что в подвалы вели внешние входы с единственным лестничным пролётом, ведущим вниз. К задней части каждого здания также был пристроен низкий навес. Он остановился, чтобы осмотреть первый из них, но дверь была заперта на висячий замок. Там никого не было. Он продолжал поиски, останавливаясь только для того, чтобы перевести дыхание и продолжая звать Тома, стараясь не привлекать к себе внимания. Но ему никто не отвечал.

В Хайнерберге, казалось, не осталось ничего, кроме сирен и одной маленькой фигурки, упорно ведущей поиски.

Голографическое изображение лестничной клетки исчезло, когда Эл в последний раз убрал палец с ручного пульта, и он снова оказался в Голографической Камере, залитой холодным бело-голубым светом, который пронизывал весь Проект. Он моргнул и потряс головой, привыкая к резкой перемене.

"Зигги?". Его голос прозвучал напряжённо, даже для него самого. Он и чувствовал себя напряжённым.

"Да, Адмирал". Голос Зигги был чуть менее бодрым и деловым, чем

обычно, подумал Эл.

"Что изменилось?"

Если бы компьютер мог вздыхать, то он бы это сделал. В данном случае вместо этого раздался тихий статический гул. "С тех пор, как вы вошли в Голографическую Камеру, Адмирал, ничего существенного не изменилось. Тина и Живчик по-прежнему женаты. Доктор Бикс находится в своих апартаментах. Она просила уведомить её, когда вы вернётесь."

Эл снова моргнул, на этот раз не держа глаза закрытыми немного дольше. Он уже должен был привыкнуть к этому. Видит Бог, он проходил через это достаточно часто.

Он глубоко вздохнул. Лучшее, на что он мог надеяться, это то, что когда Сэм наконец вернётся домой, то тот поток времени, в который он вернётся, тот, который останется неизменным, будет таким, каким Элу хотелось больше всего. Но в этой жизни не было никаких гарантий. Никаких.

Сейчас у Эла были более важные заботы, чем его личная жизнь. Возможно, их было немного, но по крайней мере две точно, а именно: жизни Тома и Джейн. - "Зигги, скажи Вербине, что нам нужно получить кое-какую информацию от Мисси прямо сейчас. Попроси её встретиться со мной в Зале Ожидания."

"Вы планируете отправиться туда напрямую?" - спросил Зигги. В то же время Эл знал, что запрос был передан и Вербине. Он не был уверен, со сколькими людьми на Проекте Зигги мог общаться одновременно или сколько одновременных разговоров мог вести компьютер; на самом деле это не имело значения, но, как правило, это сокращало задержки при передаче данных, что было приятно.

Компьютер, вероятно, также мог передавать и голоса, но они никогда не проводили этот конкретный эксперимент. Эл был этому рад. Он подозревал, что Сэм специально запрограммировал в нём свое собственное уникальное чувство стыдливости, и Эл не хотел, чтобы некоторые из его наиболее интимных встреч транслировались по всему Проекту в качестве розыгрыша и урока нравственности.

Он вышел из шлюза и зашагал вниз по трапу. Техники за контрольным столом, который являл собой увеличенную версию ручного пульта, кивнули, когда он проходил мимо. Раньше они с нетерпением смотрели на него каждый раз, когда он выходил, надеясь, что он скажет, что доктор Беккет вернулся. Теперь они просто кивали ему в знак приветствия. В эти

дни никто не ждал хороших новостей. Руководитель Проекта просто исчез, и никто не знал, когда он вернётся домой и вернётся ли вообще.

Дверь в Зал Ожидания, который был расположен за Диспетчерской, при его приближении открылась. Зигги сообщил об этом дежурному наблюдателю и открыл ему дверь. Однако Мисси никто не предупредил, и она испуганно повернулась на стуле, когда он вошёл в комнату и рассеянно помахал рукой в знак приветствия помощнику в кабине наблюдения. Она сидела за рабочим столом, сосредоточенная на новой книжке-раскраске, и от её движения цветные карандаши рассыпались по полу разноцветными брызгами.

"Привет, Мисси," - сказал Эл. - "Как у тебя сегодня дела?"

"Привет," - ответила она, вставая и поворачиваясь к нему лицом. - "Я в порядке."

"Хорошо". Он огляделся в поисках места, куда можно было бы положить незажжённую сигару, но не нашёл пепельницы и сунул её во внутренний карман пиджака, который служил именно для этой цели. Он терпеть не мог, когда табак попадал на ткань его любимых пиджаков. - "Мисси, мне нужно поговорить с тобой о твоём брате."

Карие глаза потемнели и зрачки расширились. "Мой брат? Он здесь?"

"Нет, милая, его здесь нет. Он дома. По крайней мере, раньше он был дома, но теперь сбежал. Он говорил с тобой о побеге? Он когда-нибудь говорил тебе, что хочет сбежать? Ты можешь вспомнить?"

Вопросов было слишком много и прозвучали они слишком быстро. Мисси выглядела ошеломлённой. "Том сбежал? Он тоже здесь?"

"Нет. Мы не знаем, где он. Он потерялся. Нам нужна твоя помощь, чтобы найти его. Пожалуйста, Мисси, ты уже должна быть большой девочкой. Помоги нам."

[ГЛАВА 18]

"Ради 2 200 000 человек они объявят войну, и сотни миллионов людей погибнут..." — Никита Хрущёв

Вопросов было слишком много и звучали они слишком быстро, и как раз в тот момент, когда Эл это понял, вошла Вербина и, бросив на него устрашающий взгляд, бросилась обнимать Мисси, которая в слезах рухнула на пол. Вербина была одета в красно-оранжевое бархатное платье и была похожа на огненный вихрь.

"Эл, что ты здесь делаешь?" - Вербина опустилась на колени рядом с Мисси и посмотрела на него снизу вверх. - "Что ты ей сказал?"

"Разве Зигги не объяснил? Мне нужно получить кое-какую информацию, прямо сейчас. Объявлена тревога, проводится эвакуация, и Том..." - внезапно он понял, что Мисси его слушает. Ей было всего шесть лет, но даже шестилетний ребенок в Хайнерберге знал, что означают слова "тревога" и "эвакуация". Случилось что-то очень, очень плохое.

"Том сбежал," - продолжил он, повернувшись лицом к Мисси и обращаясь непосредственно к ней. Он должен был думать о человеке, стоящем перед ним, как о Мисси; его разум, связанный с разумом Сэма, отказывался признавать физическое тело перед собой Сэмом, хотя глаза ясно говорили ему, что это именно он. Но всё же было немного непривычно видеть малейшие движения рук, глаз, головы и тела, видеть "мужчину" и держать в уме, что это "ребёнок". "Куда бы мог убежать Том?"

Вербина пыталась успокоить девочку, обнимая её. - "Милая, ты понимаешь, что хочет узнать Эл?"

"Он хочет знать, где Том," - сказала она, отступая под защиту широких, как крылья, рук доктора Бикс.

"Верно," - сказала Вербина. "Ты можешь сказать нам, куда он может пойти? Нам действительно нужно знать, ягнёночек. Это очень важно". Она говорила тихо, но твёрдо, не столько уговаривая, сколько приказывая, поглаживая каштановые волосы с седой прядью на левом виске. "- Пожалуйста, расскажи нам это сейчас."

"Я не знаю," - как и следовало ожидать, ответила Мисси. Она старалась не встречаться взглядом с Элом, прячась за руку Вербины.

Эл посмотрел на Сэма Беккета в объятиях доктора Бикс, уткнувшегося носом в шелковистый материал, и почувствовал тошноту. Он хотел вернуть Сэма, чёрт бы его побрал. Эл ничего не имел против девочки, и было бы неплохо, если бы она тоже вернулась в своё тело, но он больше

не хотел видеть, как его лучший друг ведёт себя как кто-то другой. Особенно когда этому "кому-то другому" было всего шесть лет.

"Разве ты никогда не следила за Томом, чтобы узнать, что он делает и куда куда он ходит?" - спросил он. "Где он любил играть?"

Вербина предостерегающе покачала головой. "Слишком много вопросов, Эл. Она напугана. Давай по одному вопросу за раз."

Эл набрал в грудь воздуха, чтобы сказать ей, что на "испуг" сейчас нет времени, но выражение лица Вербины было непреклонно и говорило о том, что ему не стоит это говорить. Он глубоко вздохнул, медленно выдохнул и спросил: "Мисси, ты когда-нибудь следила за Томом, когда он играл?"

"Нет". Слова прозвучали приглушённо.

"Мисси, куда идёт Том, когда уходит играть?" - спросила Вербина. Она отодвинула её от своего плеча, за которым девочка пыталась спрятаться, и повернула лицом к Элу. Её руки легли на широкие плечи, заставляя Мисси отвернуться от себя. Девочка повернула голову, чтобы ответить ей.

"Он любит ходить в сарай."

"Что ещё за сарай?" - рявкнул Эл. - "Где он находится?". Мисси в страхе отпрянула.

Взгляд, который бросила на него Вербина, предупредил его, что он действительно ходит по тонкому льду. Он подавил своё нетерпение, пока доктор успокаивающе разминала мышцы под руками. - "Всё в порядке, дорогая. Эл на тебя не злится, правда. Он просто не понимает, что ты имеешь в виду. Не могла бы ты рассказать нам немного подробнее?"

"Это сарай с дровами," - ответила девочка, всё ещё обращаясь скорее к Вербине, чем к Элу.

"Это недалеко от того места, где ты живёшь?" - поинтересовалась доктор Бикс.

"Это рядом с моим домом."

"Возможно, она имеет в виду складское помещение за зданием," - прокомментировал Зигги. Мисси подскочила, пытаясь увидеть обладателя нового голоса. На восточной стене Зала Ожидания появился аэрофотоснимок Хайнерберга, занимающий всю стену, с зернистым чёрно-белым изображением больших зданий и наполовину выросших деревьев.

"О!" - воскликнула Мисси. "Телевизор!"

"Семья Робишо живёт по этому адресу," - продолжал Зигги. Фотография на стене стала ещё более зернистой, она мигнула, увеличилась в размерах, сузилась на одном здании и расширилась, пока изображение единственного трёхэтажного здания — или, по крайней мере, его крыши — не заняло большую часть стены. "Это фотография, сделанная во время разведывательного полёта менее чем за год до интересующего нас периода."

"Зигги, ты же знаешь, что тебе нельзя разговаривать в Зале Ожидания," - пожурила его Вербина.

"Требуется немедленное решение," - ответил Зигги. "Иногда правила должны быть нарушены, доктор."

"Кто эта женщина, которая говорит?" - прошептала Мисси, дёргая Вербину за рукав кафтана. "Где она?"

"Она в другой комнате, детка. А теперь тише, пожалуйста". В Зале Ожидания не было видимых динамиков, поэтому Вербине пришлось адресовать свои комментарии потолку. "Я была бы признательна, если бы ты проконсультировался со мной, прежде чем нарушать правила, касающиеся психического здоровья наших посетителей, Зигги. Более того, я прошу Адмирала как Старшего Руководителя Проекта обеспечить, чтобы ты был перепрограммирован таким образом, чтобы в дальнейшем это не повторилось. Возможные последствия...."

Эл моргнул. "Ты просишь меня..."

"Да," - твёрдо ответила Вербина. - "Я не позволю компьютеру взять на себя мои профессиональные обязанности, какой бы уникальный он ни был. Я ясно выразилась?"

"О, да, яснее ясного." - закатил глаза Эл. — "Но, учитывая текущую ситуацию, доктор," — он надеялся, что обращение к Вербине по званию убедит её в том, что он всё понял, - "Не думаете ли вы, что мы могли бы позволить Мисси показать нам, о чём она говорит, по э-э-э телевизору?"

"Я возражаю," - заявил Зигги. "Я был намеренно запрограммирован на то, чтобы проявлять волю. Требование доктора Бикс прямо противоречит целям первоначального Проекта."

Цели первоначального Проекта. Эл задумался, не было ли это не слишком тонким намёком Зигги самому себе на то, что изменения в волевом программировании Зигги может иметь более далеко идущие последствия,

чем кто-либо, кроме Эла, мог предположить.

"Конечно," - продолжил компьютер, - "Если вы не хотите, чтобы я участвовал в решении проблемы...". Изображение на стене погасло.

Мисси издала почти неслышный протестующий звук.

Эл поднял бровь, глядя на Вербину. - "Ну что, доктор?"

Вербина раздражённо вздохнула. "Конечно, нам нужен твой вклад, Зигги. Пожалуйста, восстанови изображение."

Последовала многозначительная пауза, как будто Зигги обдумывал возможные варианты, а Мисси спросила: "Где телевизор?"

Изображение снова замигало, и на нём появился сильно уменьшенный вид здания и прилегающей территории, включая игровую площадку и часть соседнего здания. Мелкие размытые фигуры изображали играющих детей. Более длинные белые полосы были машинами, движущимися по улице перед зданием.

"Ты знаешь, что это за место, Мисси?" - спросил Эл, указывая жестом на стену.

"Телевизор," - сказала она. Поднявшись, она подошла к восточной стене и потянулась к изображениям на стене, вытянувшись так, чтобы провести длинными пальцами по кругу песочницы. На мгновение, наблюдая за происходящим, Эл увидел образ юного Сэма Беккета, который высоко поднимал руки, чтобы забросить баскетбольный мяч прямо и точно в корзину.

"Это твоя игровая площадка, Мисси," - сказал Эл. - "А это твоя песочница. Снимок сделан с самолёта, с большой высоты. Видишь качели?"

Рука скользнула вниз и влево.

"Правильно. Это качели. А это, наверное, дети на качелях. Возможно, на этой фотографии даже есть ты."

Мисси неуверенно оглянулась на него.

"Ты не можешь сказать, кто это, но это не страшно". Эл глубоко вздохнул. "А теперь, Мисси, ты не могла бы показать нам где находится сарай, в котором Том любит играть?"

Она снова изучила фотографию, от одного уголка до другого. - "Его здесь нет," - сказала она наконец. - "Я не вижу его."

"Зигги, пожалуйста, увеличь масштаб."

Фотография подпрыгнула, сменила фокус и теперь на ней было видно несколько зданий. Более мелкие детали, такие как дети на игровой площадке, превратились в простые точки.

"Можешь ли ты найти его сейчас?"

"Это мой дом?" - спросила она, прикоснувшись к изображению под детской площадкой.

"Да, именно так." - затаил дыхание Эл.

"Думаю, это здесь". Длинные пальцы коснулись пятна на заднем дворе дома 21-19-17 по Техасштрассе, в конце здания, где находилась лестничная клетка Робишо, в дальнем конце от детской площадки.

Фотография снова подпрыгнула под её рукой, и она взвизгнула и рассмеялась от неожиданности. Теперь всё её внимание было сосредоточено на пятне. Даже при определённом освещении из-за зернистости изображения был виден только тёмно-коричневый прямоугольник.

"А есть ли ещё какое-нибудь место, где Том любит играть?" - спросил Эл, надеясь, что у Зигги хватит если не здравого смысла, то воли запомнить точные координаты сарая. Тем не менее, если бы были какие-то другие возможности, они могли бы с таким же успехом определить их сейчас. Он понимал, что ему предстоит долгий разговор с Вербиной, когда закончится этот скачок — у доктора будет немало "взъерошенных перьев" которые нужно будет "разгладить".

"В сарае Уолта", - ответила Мисси. "Он любит играть с Уолтом". Когда она произнесла это имя, в её голосе послышалось лёгкое колебание. Эл мысленно взял это на заметку. Ему нужно будет спросить Сэма, есть ли в этом какой-то смысл. И Зигги, который был подозрительно молчалив. Компьютер, несомненно, просканировал свои банки в поисках имени "Уолт" среди всех американских граждан, проживавших в Висбадене в 1961 году, и уже определил личность конкретного человека; возможно, он даже смог бы предположить причину этого колебания.

В конце концов, это может оказаться важным.

"Где находится сарай Уолта?"

"Возле дома Уолта."

"Ну что ж, вполне логично." - пожал плечами Эл.

"У меня есть координаты," - сказал Зигги. "Адмирал..."

"Уже иду." - направился к двери Эл.

"Куда это делось?" - спросила Мисси, и разочарование в ее голосе было почти невыносимым. "Где телевизор?"

Эл сделал паузу. - "Вербина, а Зигги не мог бы ей кое-что показать? "Капитана Планету" или что-то в этом роде?" ("Капитан Планета и планетяне"— американский анимационный телесериал о защите окружающей среды, созданный Барбарой Пайл и Тедом Тёрнером и разработанный Пайлом, Николасом Боксером, Томом Бирсом, Энди Хейвордом, Робби Лондоном, Бобом Форвардом и Кассандрой Шафаузен. Сериал был снят компаниями Turner Program Services и DIC Enterprises и транслировался на TBS и в синдикации с 15 сентября 1990 года по 5 декабря 1992 года. прим.пер)

"Лучше "Капитана Кенгуру", - твёрдо сказал Зигги. "Это детский телесериал как раз из того времени." ("Капитан Кенгуру" — американский детский телесериал, который транслировался по утрам в будние дни на американском телеканале CBS в течение 29 лет, с 1955 по 1984 год, что сделало его самой продолжительной детской телевизионной программой своего времени. В 1986 году Американская служба программ (ныне Американское общественное телевидение, Бостон) интегрировала некоторые вновь произведенные сегменты в повторы прошлых эпизодов, распространяя новую версию сериала на PBS и независимых общественных станциях до 1993 года. прим.пер)

"Да, да, да, я очень хочу" - загорелась Мисси. "Можно? Пожалуйста?"

Вербина закрыла глаза, покачала головой и сдалась. "Хорошо, она может посмотреть "Капитана Кенгуру". Хотя," — она метнула в Эла яростный взгляд, — "Я не понимаю, зачем ей это нужно, ведь прямо перед ней стоит Мистер Зелёные Джинсы."

"Нет, я не могу остаться," - поспешно сказал Эл и снова направился к двери.

Сэм, тяжело дыша, бежал по тротуару в медленном ровном темпе. Он не был уверен, сколько зданий обошел, во сколько зданий пытался и не смог

войти. Ему нужен был Эл. Ему нужен был Зигги.

Он хотел найти кого-нибудь, хоть кого-нибудь живого в Хайнерберге. Он видел патрулирование военной полиции и прятался, пока они не проходили мимо; но, кроме плачущей горничной, он не слышал никаких человеческих голосов с тех пор, как покинул квартиру. В одном месте кто-то оставил включённым проигрыватель с записью Элвиса Пресли, и на несколько минут он понадеялся, что там остался кто-то ещё. Но когда он нажал на кнопки, пластинка начала повторяться, но никто не подошёл, чтобы поднять иглу.

Он прислонился к дверному проёму. Том был где-то рядом, он должен был быть...

"Итак, Сэм, у меня кое-что есть..."

"Где ты был?" - выдохнул Сэм.

"Собирал информацию," - сказал Эл. - "Ладно, есть два варианта, а именно сараи, где, по словам Мисси, любит играть Том. Один возле их дома, а другой у дома Уолта..."

"Вот то что нужно," - сказал Сэм с внутренней уверенностью. "Сарай Уолта. Где он находится?"

"Через два здания отсюда," - сказал Эл, ориентируясь по ручному пульту и указывая сигарой в северном направлении. "Это там, в той стороне."

"Понятно," - пробормотал Сэм и у него снова появилась надежда. - "Ты уверен, что...не можешь...настроиться на...Тома?"

"Уверен," - сказал Эл, продолжая идти рядом с ним. "Боже, здесь действительно тихо. Эти люди серьёзно отнеслись к тому, чтобы убраться отсюда к чёртовой матери, не так ли?"

Сэм молча кивнул и продолжил идти. Обогнув второе здание, он перешёл на шаг, держась рукой за рёбра.

"В чём дело? Ты не в форме?" - спросил Эл нарочито невинным тоном. Сэм сердито посмотрел на него. "Ладно, ладно. Мисси говорит, что Том любит проводить время в сарае, так что это было бы..." — он снова начал показывать пальцем, но замолчал, так как Сэм махнул рукой, призывая к молчанию. Не то чтобы кто-то ещё мог услышать Эла...

Сарай был небольшим, примерно пять футов в высоту, шесть в длину и четыре в ширину. Он был сделан из коричневато-чёрных деревянных

досок и имел плохо пригнанную дверь со сломанным замком. Это было такое место, глядя на которое, десятилетний мальчишка, представлял себе, что снаружи на самом видном месте на двери висит табличка "девчонкам вход воспрещён".

Голосов не было слышно, но в воздухе витал какой-то запах и слышалось слабое потрескивание пламени. Сэм подошёл к сараю и заглянул в щель между дверью и косяком. "Он там, я вижу, как он передвигается. Он развёл маленький уютный костёр". У него было предчувствие, что предстоящая конфронтация будет довольно неприятной. "Почему бы тебе не пойти и не проверить Джейн?"

"Ты мог бы вызвать полицию прямо сейчас," - предложил Эл, наведя палец на кнопку на ручном пульте. "Пусть они заберут нашего маленького пиромана и сообщат кому следует, что миссис Р по-прежнему находится дома. Сделай всё красиво и аккуратно и выпрыгивай отсюда."

Сэм набрал в грудь воздуха, чтобы возразить, но передумал. Он мог бы сделать именно это, но каковы были бы последствия? Если бы он прыгнул, то, по крайней мере, получил бы удовлетворение от осознания того, что сделал то, что должен был сделать. Конечно, карьера майора, скорее всего, была бы разрушена...Если целью этого скачка было спасти всю семью, он должен был попытаться найти способ сделать это, не привлекая излишнего внимания со стороны военного истеблишмента. Он неуверенно двинулся в сторону улицы, не сводя глаз с огня в маленьком сарае.

"За исключением, конечно того," - продолжил Эл, остановив его на полуслове, - "Что когда тебе нужен коп, его никогда нет рядом."

"Большое спасибо". Это была правда, патрулирующих полицейских нигде не было видно. Он вытянул шею, чтобы разглядеть улицу как можно дальше, но там ничего не было. Он напрягся, прислушиваясь. Он слышал треск пламени и вой сирены. Но никакого движения.

"Всегда к твоим услугам". Движущийся палец опустился и, опустившись, двинулся дальше, увлекая за собой Эла.

"Всегда ли...впрочем, неважно," - пробормотал Сэм. "Том!"

Никто не ответил.

"Том!"

Снова никто не ответил.

Пламя разгоралось всё сильнее. Сэм взялся за сломанный засов на двери и открыл её. Том сидел у дальней стены сарая, обхватив колени руками. Порыв ветра заставил костёр перед ним взметнуться вверх, посылая перед собой волны жара. По глазам Сэма начал катиться пот.

Сэм оглядел сарай и мысленно съежился. Огонь поддерживался разрозненными палочками, обрезками дерева и свернутой бумагой. Рядом с Томом лежали ещё какие-то бумаги, дрова, что-то похожее на пустые банки из-под краски и тряпки. Это место напоминало погребальный костер, который только и ждал своего часа.

"Том?" - снова позвал он. Мальчик не двинулся с места. Сэм обошёл костер. Он находился почти точно в центре пола, который был достаточно горячим, чтобы обжечься, когда Сэм пытался избежать попадания щепок. Он споткнулся о доску размером два на четыре дюйма, ухватился за стену, посмотрел вниз и увидел, как колония блестящих уховёрток выбралась из-под доски и бросилась прочь от жара, а их мандибулы (Жвалы, или мандибулы — верхние челюсти ротового аппарата членистоногих. У ракообразных, многоножек и насекомых служат для разгрызания и размельчения пищи, а у общественных насекомых также и для построения гнёзд. прим. пер) открывались и закрывались.

Том по-прежнему не шевелился. Когда Сэм приблизился, он напрягся, обхватив себя ещё крепче.

"Том?" - позвал Сэм, бросая тревожный взгляд на огонь. "Том, ты что, не слышал сирен? Нам нужно уходить. Это сигнал тревоги."

"Мне всё равно," - послышался приглушённый ответ. - "Пусть приходят."

"Том, пошли." - набравшись смелости, Сэм схватил его за руку и потянул за собой. - "Давай, нам нужно выбираться отсюда!"

Том пожал плечами. "Нет. Я не хочу возвращаться". Он поднял голову и посмотрел на сестру. "Я ненавижу её. Она разбила мой самолёт. Она ненавидит меня. Она и тебя тоже ненавидит. Я надеюсь, она умрёт. Я надеюсь, что мы все умрём."

Внезапно Сэм почувствовал озноб и понял, что Том говорит то, что думает на самом деле. Он шагнул назад, поближе к огню, и снова споткнулся о доску.

Панический вопль вывел Тома из оцепенения, и он бросился вперёд, чтобы поймать Сэма, который размахивал руками. От этого движения конец доски упал в огонь, рассеивая его. Языки пламени попали на ткань,

висевшую на стене, и охватили её. Том закричал, наступив на уголь. Уворачиваясь от пламени, Сэм вытянул левую руку, чтобы удержаться, запутался и услышал треск, означающий, что доска и кость сломались друг о друга.

Казалось, этот крик одновременно вызвал способность дышать и Эла. Эл возник перед глазами Сэма словно из пламени, крича: "Сэм! Ты должен вернуться — она нашла ещё таблетки, она..." — Наблюдатель огляделся по сторонам и рявкнул: - "Сэм! Убирайся отсюда!"

"Я пытаюсь," - выдохнул Сэм. Он поднялся и схватил Тома. - "Давай!" - закричал он, дёргая его здоровой рукой.

Эл снова исчез. Сэм потянул Тома за собой. Пламя охватило банки с краской, поглотило их и разгорелось с новой силой. Том снова закричал. Эл снова появился. - "Там, дальше по улице идут полицейские, Сэм. Они приближаются - ты можешь его вытащить?"

Сэм отбросил ногой горящую кучу веток и бумаги, отчаянно пытаюсь спастись от жара, шума и ужаса. Том извивался и пытался вырваться, но он двигался к задней части сарая, а не к передней, и Сэму пришлось обойти его и протолкнуть через то, что раньше было костром.

Наконец они вырвались наружу, когда позади них с новой силой вспыхнул огонь. Сквозь вой сирены эвакуации послышалась новая нота, как будто сирене отвечала другая, похожая на неё. Том заплакал. Сэм тоже.

Эла чувствовал себя совершенно иначе. Он лихорадочно вводил данные в ручной пульт и в расстройстве стучал по нему, пытаюсь прочитать результаты. "Сэм, ты должен вернуться. Она нашла какие-то таблетки, приняла их, отключилась, и я думаю...Зигги говорит, что она умрёт, а Тома арестует полиция, и всё полетит к чертям. Сэм, уводи мальчика отсюда..."

"Иди проверь её ещё раз," - выдохнул Сэм и потащил Тома в дальний конец здания. Пламя уже охватило сарай и начало подбираться к стене здания. Сэм подумал, что все сараи представляют собой одну и ту же огненную ловушку. Это казалось вероятным.

Том прихрамывал, замедляя их движение; Сэм тоже замедлил шаг, прижимая к себе левую руку и радуясь возможности снова отдышаться. "Ты в порядке?" - спросил он.

"Да," - сказал Том. - "Военная полиция приедет?"

"Да". Сэм оглянулся. Они стояли в тени молодого дуба, скрытые от посторонних глаз вокруг сарая низким кустарником. "У них пожарная

машина."

"Настоящая?"

"Настоящая." - кивнул головой Сэм. "Но если ты пойдёшь посмотреть, то они узнают, что это ты устроил пожар, и у тебя будут большие неприятности."

"Откуда они узнают?"

"Потому что у тебя чёрные пятна на лице, у тебя ожоги на руках, и ты хромаешь." - заметил Сэм. - "Это будет не так уж трудно выяснить."

Том осмотрел красные отметины на своих руках и с удивлением посмотрел на него. - "Когда ты стала такой умной?"

Сэм покачал головой. "Мы должны вернуться домой. Пойдём."

"Я не хочу идти домой." - ответил Том. "Там мама."

Сэм глубоко вздохнул. - "Да, это так. И она больна. Она очень, очень больна, Том, и единственный способ, которым мы можем ей помочь, - это вернуться домой. Прямо сейчас. Это не её вина, что она такая, какая есть. Она не хочет причинять нам вреда."

"Но она всё равно это делает."

Сэм не мог найти ответа на этот вопрос. Том не смог бы понять сложного психологического объяснения, даже если бы у Сэма были ответы на все вопросы, которых у него определённо не было. С точки зрения Тома и Мисси, всё сводилось к простому: мама причиняет нам боль. Мама - значит боль. Сэм не мог найти веской причины, чтобы убедить Тома, что ему необходимо вернуться домой.

Но если он хотел, чтобы Том не попался военной полиции, он должен был взять его с собой, и...

"Она бледнеет, Сэм, и мне не нравится её дыхание."

Это был Эл и он принёс с собой плохие новости. Сэм принял решение.

"Я всё равно пойду домой," - сказал он. "Я нужна ей. Она больна, и кто-то должен вызвать врача."

"Ты не можешь этого сделать," - возразил Том. "Тебе всего пять лет."

"Я смогу позвонить. Мне уже почти шесть лет." - он снова побежал трусцой, направляясь к дому 21 по Техасштрассе. Он мог надеяться, что

Том последует за ним, но не собирался ждать, чтобы убедиться в этом. Если его заберут, то будет очень плохо. Но по крайней мере, он был жив. Теперь проблема заключалась в том, чтобы помочь Джейн, пока не стало слишком поздно. И он также не мог вернуться к полицейским и пожарным, собравшимся у сарая; они не стали бы слушать маленькую девочку. Как только они взглянут на него, то увезут куда-нибудь подальше, а к тому времени, когда он заставит их себя выслушать, Джейн Робишо будет мертва.

[ГЛАВА 19]

"Если эта война начнётся, в Германии не останется ничего, что можно было бы объединить..." — Никита Хрущёв.

Том, всё ещё прихрамывая, последовал за ним. Сам Сэм был не в состоянии идти так быстро. Его рука начинала сильно болеть. Эл следовал рядом, увеличивая скорость и бормоча что-то себе под нос обращаясь к Зигги и пытаясь отследить результаты изменений, вызванных спасением Тома Сэмом. Данные всё ещё менялись, как будто с каждым шагом Сэма в будущее вносились изменения.

Они подошли к входной двери, и Сэм полез в карман за ключом. Нарастающий и затихающий вой сирен прервался. Через мгновение он зазвучал снова, на этот раз ровной нотой, которая длилась несколько секунд, снова прервалась и снова повторилась.

"Послушай!" - сказал Том, хватая Сэма за руку. - "Послушай!"

Сэм вскрикнул и безуспешно попытался освободиться. - "Ты делаешь мне больно," - заметил он. "Ну же, отпусти. Нам нужно подняться наверх."

Том проигнорировал его. "Сирена смолкла! Она прекратилась! Это больше не сигнал тревоги, это сигнал "Всё чисто!" Всё кончено! Это были учения!"

"Отпусти!". Сэм нашёл ключ и отпер дверь. Ему потребовалось больше усилий, чем он предполагал, чтобы подняться по ступенькам и преодолеть шесть пролётов до третьего этажа. Том всё ещё был внизу, и, похоже, не собирался следовать за ним.

"Лучше поторопись, Сэм," - посоветовал Эл.

Что ж, возможно, на самом деле не имело значения, придёт ли Том или нет. Он вставил ключ в замочную скважину и распахнул дверь.

"Мама!"

В квартире было очень тихо.

"Она в спальне," - сказал Эл. "Поторопись."

Сэм так и сделал.

Джейн Робишо лежала на кровати, склонив голову набок, а её дыхание было тяжёлым и прерывистым. Она переоделась в сиреневый халат, и было заметно, что она дрожащей рукой подкрасила губы свежей помадой; красная полоска тянулась от губ по щеке, подобно порезу.

"Это была попытка самоубийства," - сказал Сэм. "Но она должна очнуться". Он наклонился и прокричал в ухо потерявшей сознание женщине. "Джейн! Джейн, очнись!"

Ответа не последовало. Сэм забрался на кровать рядом с лежащей женщиной и повернул её голову за подбородок. Она безвольно повисла, не оказывая сопротивления и даже не моргая.

"Сэм, ты так можешь ей что-нибудь сломать," - сказал Эл. - "Зигги говорит, что она скоро умрёт."

"Она не умрёт," - мрачно сказал Сэм и дал ей пощёчину.

Раздалось очень слабое хрипение. - "Вот так," - сказал Сэм и потянулся, чтобы ударить её еще раз, изо всех сил. "Джейн! Очнись!"

"Сэм, этого недостаточно. Ты должен кому-нибудь позвонить." - Эл подвинулся, чтобы лучше видеть, и встал посреди кровати. - "Откуда ты знаешь, что это самоубийство?"

"Она нарядилась, чтобы красиво умереть," - процедил Сэм сквозь зубы. "Ты можешь мне не мешать, пожалуйста? Я пытаюсь спасти ей жизнь."

"Но у тебя ничего не получается. Тебе лучше всё-таки позвонить."

"Я боюсь останавливаться". Теперь он тряс её одной рукой, обращаясь к ней и не давая ей ещё глубже погрузиться в кому.

"Она тебя не слышит." - это был Том, который наконец-то вернулся домой, он стоял в дверях и наблюдал за происходящим с большим интересом, но

без всякого желания помочь. - "Она слишком много выпила?"

"Да. А ещё она приняла какие-то таблетки, и она умрёт, если мы что-нибудь не предпримем."

"Можно я её ударю?"

Сэм с недоумением посмотрел на него.

"Ну, ты же сделала это," - резонно заметил Том. "Почему бы и мне тоже не попробовать?"

"Я делала это для того, чтобы она пришла в себя, а не для того, чтобы причинять ей боль."

"Ты хочешь сказать, что это для её же блага?" - ехидно спросил Том.

"Тебе следует дать ему это сделать," - заметил Эл. - "Это будет только справедливо, учитывая, что она с ним сделала. Не говоря уже о том, что она вытворяла с Мисси. И с тобой."

"Эл!" - в ужасе воскликнул Сэм.

"Кто такой Эл?" - спросил Том.

"Неважно, кто такой Эл. Вызови врача."

"Зачем?" - Том с вызовом перевёл взгляд с сестры на мать и обратно. - "Что произойдёт, если мы этого не сделаем?"

"Не думаю, что он станет вызывать врача," - сказал Эл. "Он действительно хочет чтобы она умерла."

"Похоже на то," - мрачно согласился Сэм. - "Я сама позвоню доктору. Дай мне номер телефона." - он поднялся с кровати и прошёл мимо мальчика по пути в гостиную. Том шагнул вперёд и зацепился своей рубашкой за Сэма. "Не бей её," - сказал ему Сэм. "Не бей её только потому, что она избивала тебя. Это неправильно."

Том сделал паузу. "А можно мне её потрясти?" - спросил он, как бы умоляя и всем своим видом показывая - да ладно, разве я не могу сделать ей немного больно?

Сэм размышлял о справедливости и относительной силе десятилетнего ребёнка, о необходимости уберечь женщину от ещё большего погружения в кому, о воспоминаниях об избиении из-за яиц всмятку и о том факте, что даже он не всегда был идеален. - "Да, ты можешь потрясти её."

Он вбежал в гостиную. Эл последовал за ним, нажимая кнопки на ручном пульте и изучая поток данных. — "Это здорово..."

"Мне всё равно, здорово это или нет," - сказал Сэм. - "Мне нужен номер "скорой помощи"."

"Ах да, номер, номер больницы. Да." - Эл нажал на цветной кубик и прочитал ответ Зигги. Сэм потянулся к телефону.

"Это действительно здорово, Сэм," - продолжал Эл. — "Она будет жить, и...и когда приедет "скорая", они тоже увидят и Мисси, и в результате Джейн получит помощь. Она пройдёт," — он присвистнул, — "Многолетнюю терапию. И вернётся в Штаты."

"Однако майор выйдет в отставку раньше срока. А Мисси, когда вырастет, станет психологом. Будет специализироваться на гипнотерапии жертв жестокого обращения с детьми. А у Тома есть семья, и..."

Но к тому времени на другом конце провода раздался голос, он назвал адрес, и этого было достаточно. Наступил момент завершения. Всё встало на свои места, он знал, что всё сделано правильно, и совершил квантовый скачок.

Его сознание плыло сквозь бело-голубой свет, не ощущая ни веса, ни плоти, ни вкуса, ни запаха, в состоянии вечной неподвижности и вечного ожидания. Он никуда не двигался, ничего не делал, только ждал. Само время, сама вечность остановились.

Теперь это было почти знакомым и привычным - чувство вечного ожидания и одиночества. Он почти смирился с этим. Почти, но не совсем. Он хотел вернуться домой, но на этот раз, он был уверен, что домой он не попадёт. Он не знал, чего он достиг и что он сделал правильно. Люди, которые в прошлом должны были умереть остались жить, но он задавался вопросом, стоила ли их жизнь того. Он задавался вопросом, стоили ли того изменения, которые он внёс. В конце концов, это были изменения, которые внёс он, а не они сами. Разве не важно, кто что-то меняет в жизни людей? И если так, то почему именно он должен был стать тем, кто сможет это сделать?

"Доктор Беккет". Снова этот голос. Он никогда не вспоминал о нём, пока находился в физическом теле, но как только он возвращался к свету, то вспоминал и ждал, и этот голос всегда возвращался.

"Я здесь". Я здесь, посмотри на меня и сжался. Он, возможно мог бы почувствовать себя ничтожеством, если бы у него вообще было чувство собственного достоинства; присутствие этого голоса было таким же ошеломляющим, как и сам свет. Возможно, голос и свет были одним и тем же. "Почему ты так поступаешь со мной?"

Это был вопрос, который он всегда задавал, вопрос, на который никогда не было ответа. Не было ответа и на этот раз. Что-то неизвестное охватило его и начало изучать, и внезапно его охватило огромное чувство разочарования и неудачи.

"Это ещё не всё," - произнёс голос, словно вынося приговор. "Этого недостаточно."

На него навалилось ужасное чувство отчаяния. Этого всегда было недостаточно. Он никогда не сможет сделать то, что нужно. Он был всего лишь одним человеком, а ошибок было слишком много. И он устал, так устал от попыток. - "Пожалуйста," - прошептал он. - "Пожалуйста, отпусти меня домой."

Среда, 8 ноября 1989 года

Четверг, 9 ноября 1989 года

Если всё, что нужно для торжества зла, - это молчание хороших людей, то, для того, чтобы Добро победило, эти люди должны высказаться...

[ГЛАВА 20]

"Стена простоит сто лет!" — Эрих Хонеккер, январь 1989.

Вербина Бикс помогла помощникам уложить тело обратно на больничную койку, подключила мониторы и изучила структуру мозговых волн.

"Где он?" - спросил Эл.

"Я не знаю, Адмирал." - покачала головой Вербина. "Мы получаем те же показатели. Его мозг поддерживает работу организма, но такое ощущение, что дома никого нет. Даже у пациента, находящегося в коме, есть какая-то реакция на внешние раздражители. Какая-то часть мозга отреагирует и будет осознавать это. Но то, что мы видим здесь, - это реакция без осознания, и я не могу объяснить это. Так не должно происходить."

Эл глубоко вздохнул. "Я не буду спрашивать, насколько долго это продлится," - сказал он. Они с Вербиной обменялись многозначительными взглядами. Одной из главных загадок Проекта было то, куда исчезал Сэм Беккет в перерывах между скачками. Кто бы ни управлял процессом, ему не было дела до людей, с которыми он обменивался жизнями; Мисси только что закончила очередной рисунок, солнечную, яркую картинку, наполненную надеждой и маленькими зайчиками, когда вдруг на полуслове карие глаза Сэма Беккета стали огромными и круглыми, а тело рухнуло на пол Зала Ожидания.

Эл Калавичи оборвал себя на середине фразы, обращенной к пустым стенам Голографической Камеры, а его рот открывался и закрывался, как у рыбы, хватающей ртом воздух. Он покачал головой, скорчил гримасу самому себе и нажал кнопку управления, чтобы открыть дверь шлюза. Обычно тот, кто контролировал скачки Сэма, отличался лучшими манерами, но это был не первый случай, когда скачок заставлял их врасплох.

"По крайней мере, ситуация стала лучше?" - спросила Вербина. "Бедная маленькая девочка." - её рука скользнула по лбу лежащего на кровати тела, словно в прощальной ласке. Тело не шелохнулось.

"О, да," - сказал Эл. "Её мама получила помощь. Её отец вышел в отставку и занялся консалтинговым бизнесом". Он оставил ручной пульт в Диспетчерской и пересказывал последние факты, которые передал Зигги.

По крайней мере, история на несколько минут улеглась. Пока Сэм блуждал во Времени — или между временными промежутками — ничего не было предсказуемым. Но в промежутках между скачками всё оставалось тихо. Эл установил закономерность: если он возвращался на Проект, чтобы отдохнуть от своих обязанностей Наблюдателя, он узнавал у Зигги о любых изменениях, внесённых в Проект меняющимися временными рамками. Но когда Сэм совершал скачок, то он первым делом заходил в Зал Ожидания, чтобы посмотреть, вернулся ли на этот раз

Руководитель Проекта домой.

Пока что этого не случилось. Поэтому Эл отправился куда-нибудь в одиночку, чтобы выяснить, что изменилось на этот раз. Именно на этот раз он надеялся на какие-то особые изменения.

"Сколько ещё насилия пришлось вытерпеть Мисси и её брату. прежде чем её мать вылечили?"

Эл взглянул на доктора Бикс, поражённый уровнем неприкрытого гнева, прозвучавшего в её голосе. - "По словам Зигги, нисколько. Она прошла курс лечения, и избиения прекратились. Конечно, возможно, очень помогло то, что её отправили обратно в Штаты. В любом случае, последствия не могли быть слишком серьезными. Мисси и Том живут своей собственной, полноценной жизнью."

"Но что это за жизнь?" - спросила Вербина, поворачиваясь к нему лицом. - "Если Мисси сделала успешную карьеру, то это не значит, что у неё нет эмоциональных шрамов."

"Это не значит, что она тоже так считает," - заметил Эл. - "Ты не хуже меня знаешь, что это зависит как от ребёнка, так и от степени жестокого обращения, Вербина."

Вербина остановилась. Эл с облегчением увидел, как она моргнула. Он не хотел сразу же напоминать ей, что сам пережил жестокое детство, не имел дома, переезжал из одной приёмной семьи в другую, жил в детском доме и, наконец, неоднократно сбегал из него. Если бы он это сделал, она могла бы начать задумываться о том, какие эмоциональные шрамы остались у него, а Эл Калавичи не собирался подвергать себя никаким психологическим испытаниям, нет уж. Он был в порядке, в полном порядке, спасибо. С ним всё было в порядке.

Он понимал, что Мисси может чувствовать себя не в своей тарелке, даже если она выглядит успешной и счастливой. Он просто не думал, что ей пойдет на пользу, если заранее ожидать, что с ней что-то может быть не в порядке. По его опыту, люди, как правило, оправдывают ожидания других людей.

По крайней мере, он точно так считал.

И было чертовски досадно, когда он сталкивался с кем-то, кто, как оказалось, возлагал на него завышенные надежды, а не заниженные. Он посмотрел на лежащую фигуру и почувствовал беспомощность и злость.

"С ним всё в порядке?" - спросил он.

"Настолько хорошо, насколько мы себе это представляем."

Эл вздохнул. "Ладно. Я сейчас вернусь к себе, а потом пойду перекусить. Дай мне знать, если...что-нибудь случится."

"Обязательно," - заверила его Вербина.

Они оба знали, что могут пройти минуты, часы или даже недели, прежде чем тело в постели начнёт проявлять признаки жизни. Время между скачками для Сэма двигалось иначе, чем для Проекта. Эл объяснил ему это в самый первый раз, когда Руководитель Проекта совершил скачок в того лётчика-испытателя. Это была ещё одна из тех загадок. Элу очень хотелось, чтобы Сэм вернулся и разобрался в этом. Он не знал никого другого, кроме Сэма, кто смог бы это сделать.

Он покинул Зал Ожидания и его обслуживающий персонал и направился по длинному, наполовину законченному туннелю к лифту, который должен был доставить его на этаж, в котором располагались жилые помещения. У них не было достаточных средств, чтобы закончить эту часть помещения так, как они хотели, и в результате там всегда было прохладно, даже когда на поверхности было жарко.

Он прошёл в пустую комнату, которая служила ему жилищем в жилом комплексе Проекта и огляделся. Ничего не изменилось.

"Зигги?" - произнёс он.

"Доктор Мартинес-О'Фаррелл в настоящем времени не замужем," - отозвался бестелесный голос Зигги.

Эл кивнул сам себе. Пусть компьютер знает, что для него действительно важно.

"Я не думаю, что ты знаешь..."

"Нет, Адмирал. Я понятия не имею, где, когда и в кого переместился доктор Беккет". Голос компьютера был похож на голос избалованной, раздражительной женщины. Раньше это был голос избалованного, раздражительного мужчины, но Тина Мартинес-О'Фаррелл внесла некоторые коррективы, когда компьютер начал использовать свои собственные микросхемы и начал расширять свои возможности за пределы всего, что предполагал его создатель.

Эл не был уверен, что на самом деле изменилось что-то, кроме высоты и тембра его голоса. Зигги был запрограммирован проявлять собственную волю, что вышло, по мнению Эла, даже слишком успешно. Своеволие

компьютера иногда даже начинало переходить все границы.

Он разделся до нижнего белья и растянулся на койке, пытаясь расслабиться. Тина была свободна, и это было отличной новостью. Но Сэм по-прежнему не вернулся домой. И не было достигнуто никакого прогресса в определении параметров скачка.

"Зигги," - произнёс Эл, не открывая глаз, - "Какое у меня на сегодня расписание?"

"Совещания по бюджету и кадрам, дача показаний подкомитету - всё это уже подготовлено - и у вас свидание за ужином с Тиной."

Эл ухмыльнулся. Но ухмылка внезапно исчезла. "А я ей что-нибудь должен? Извинения или что-то в этом роде?"

"Нет, Адмирал. В последнее время ваши отношения с Тиной были исключительно положительными."

Эл кивнул - что было трудным жестом, для человека лежащего на спине. - "Зигги, как, чёрт возьми, ты умудряешься следить за ходом событий?"

Вопрос был воспринят молчанием.

"Зигги?"

"Я...не могу ответить на этот вопрос," - ответил компьютер со странной нерешительностью.

Глаза Эла распахнулись. "Почему нет?"

Последовала ещё одна долгая пауза. "Причина...по-видимому, связана с процессом скачка. Каким бы ни был механизм, заставляющий доктора Беккета совершать скачки, это, как представляется, перемещает нас за пределы времени на время каждого скачка. Он, вы и я - единственные, кто всегда сосуществует как внутри, так и вне времени. Сам Проект находится в стазисе только в те моменты, когда его существование становится спорным."

"Ты уже говорил об этом раньше."

"Я не знаю," - наконец признался компьютер. "У меня недостаточно объёма памяти для хранения всего, что я помню. Это невозможно."

"Но это всё равно происходит."

"Да. По крайней мере, это, кажется, идёт нам на пользу."

"Я рад, что хоть что-то в этой неразберихе пошло кому-то на пользу," - проворчал Эл. - "Мы можем что-нибудь сделать прямо сейчас?"

"Ничего," - ещё более неохотно признал компьютер.

"Тогда я собираюсь немного поспать. Разбуди меня, если...ну, ты знаешь."

"Да, Адмирал, я знаю". Свет в спартанской спальне погас. Мгновением позже Эл захрапел.

Двигался ли он по воздуху, в пространстве или сквозь электронные схемы, определить было невозможно. Шло ли время в любом направлении, определить было тоже невозможно. А потом голос пропал, и появилось ощущение движения, стремительного прохождения через великую последовательность, его швыряло и разрывало что-то, чему у него не было названия, его снова несло к месту назначения, которое он не выбирал, и он был подхвачен движущимся водоворотом света, увлекаемый вверх, вверх, вверх, а затем вниз в головокружительном порыве, увлекаемый...

"Мисси? С тобой всё в порядке? Ты выглядишь бледной."

[ГЛАВА 21]

"Весь кабинет министров Восточной Германии, Политбюро Коммунистической Партии и Центральный Комитет Коммунистической Партии подали в отставку. Эти изменения были немыслимы всего несколько месяцев назад..."

К этому времени он уже знал, каково это - выпрыгнуть из чьей-то жизни, научился распознавать момент завершённости и правильности, который ускорял этот рывок.

Но он никогда, никогда не научится, как быть готовым к обратному скачку. Он никогда не знал, окажется ли он в теле беременной женщины,

умственно отсталого подростка, профессора колледжа или своего лучшего друга. Или даже самого себя. Он никогда не знал, окажется ли он в середине лекции в колледже или после занятий любовью, ловли воздушной мухи или полёта на реактивном истребителе.

Но это...Он поднял глаза и увидел лицо, которое видел раньше, лицо с ледяными голубыми глазами, окруженное тонкими морщинками; мужчина был высоким, худощавым, спортивного телосложения, который производил впечатление человека, стоящего по стойке "смирно", даже когда протягивал бокал вина.

"Мисси? Что, чёрт возьми, с тобой происходит?". В глазах не было сочувствия.

Взгляд Сэма упал на протянутый бокал. Это был хрустальный бокал, и он тоже был знакомым. Он осторожно взял его, глядя на руку, которая взяла его, как будто никогда раньше его не видел. Это была изящная рука, не украшенная драгоценностями. Ногти были аккуратно подстрижены и не отполированы.

Из соседней комнаты донеслось пронзительное хихиканье, за которым последовал выговор, произнесённый низким голосом, и наступила тишина. Сэм сделал глоток вина, чтобы быстро оглядеться вокруг.

Он стоял посреди гостиной. Картина над диваном была всё та же, изображавшая родовые горы и ручей; диван был другой, более современный. По телевизору в развлекательном блоке - мысленный календарь Сэма автоматически прибавлял годы - показывали рекламу кукурузных хлопьев. Звук был приглушён.

"Я прошу прощения," - пробормотал он. Что я делаю? - уже не в первый раз, подумал он.

"Ты собираешься это пить или на это смотреть?" - пробормотал мужчина.

Сэм поспешно сделал ещё один глоток и поперхнулся, так как напиток попал не в то горло. В гостиную из бокового коридора вошёл другой мужчина, такой же высокий, худой и спортивный, но моложе на поколение. "Они в постели. Я велел им успокоиться. Ты подготовила открытки?"

Говоря это, он смотрел на Сэма, и у Сэма сложилось впечатление, что его спрашивают, выполнил ли он приказ. Он понятия не имел, что это были за открытки и были ли они готовы. Он кашлянул, прочищая горло. "Эм, я уверен, что с ними всё в порядке," - осторожно сказал он.

"Они должны быть готовы к завтрашнему дню," - сказал пожилой мужчина.

Сэм улыбнулся и кивнул, надеясь, что не выглядит таким неуверенным, каким себя чувствует.

"Я рассказал всем соседям," - сказал пожилой мужчина. "Они, конечно, никогда её не видели. Она почти не выходила из дома."

"Ты договорилась о рейсе?" - молодой человек снова обратился с вопросом к Сэму, который кивнул, надеясь, что истинный хозяин тела позаботился вопросами организации. "Я не могу позволить себе опоздать с возвращением."

Телевизор переключился на выпуск новостей. Дэн Разер сказал что-то серьёзное и важное, и по-прежнему немая сцена сменилась беспорядками.

Некоторые вещи вообще не требовались при знакомстве с этим скачком.

Раньше такого не случалось. Он знал пожилого человека, и он знал молодого человека, и он даже знал человека, в которого совершил скачок. Он снова оказался в теле Мисси Робишо, но понятия не имел почему.

Том дожил до совершеннолетия. Насколько он мог судить, майор был крепким и жизнерадостным мужчиной. Оставалась Джейн, мать Мисси.

Сэм одним глотком допил вино и отправился на поиски кухни, не обращая внимания на пристальные взгляды двух мужчин. Проходя через холл, он задержался у зеркала у входной двери.

Мисси тоже выросла и стала очень красивой женщиной, ростом около пяти футов и трёх дюймов. Теперь её волосы были коротко подстрижены и зачёсаны назад в стиле, напоминающем причёску принцессы Дианы, она пользовалась неброским макияжем и изящными золотыми серьгами. На ней был тёмно-бордовый деловой костюм и белая блузка с кружевной оборкой у горла. Она являла собой воплощение современной деловой женщины. Одна рука потянулась к жабо, оттягивая его край вниз. Шея Мисси была похожа на лебединую. Что было ещё более важным, на ней не было синяков.

На противоположной стене висели семейные фотографии. На одной была запечатлена Мисси в детстве, сделанная примерно в то время, когда Сэм переместился в неё, и ещё одна фотография с выпускного в старшей школе, на которой был Том. На нём была школьная форма. На заднем плане был изображён щит с выбитыми на нём словами: "Военная

Академия Святого Михаила". Между ними стояла фотография их родителей. Майор, одетый в гражданский костюм, улыбался. Джейн поджала губы, как будто откусила что-то кислое. Другая фотография, на которой были изображены Джейн и её сестра, показалась ему знакомой; это была та фотография, которую он видел в спальне в квартире в Хайнерберге.

Он прошёл мимо фотогалереи и направился на кухню. Если кто-то недавно и ел, то это было незаметно. На всех поверхностях не было ни пятнышка. Он сполоснул бокал и аккуратно поставил его в раковину из нержавеющей стали.

За его спиной со свистом распахнулась дверь Голографической Камеры. "Сэм? Ты никогда в это не поверишь."

"Ну, не зарекайся."

"Ты снова переместился в Мисси."

"Я это уже знаю. У тебя есть какие-нибудь идеи, зачем?! Я думал, что у нас с ней всё закончено."

"Ну, может быть, ты так и считаешь, но кто-то другой - явно нет. Наверное". Эл был одет в зелёную охотничью форму и жилет в серебряную полоску. "Когда Вербина сказала мне, кто находится в Зале Ожидания, то меня можно было бы сбить с ног пёрышком." - Эл был разочарован, как ребёнок, из-за неудавшегося сюрприза.

"Я и сам был немного шокирован. Что Зигги..."

Разговор был прерван Томом, который вышел и принялся рыться в шкафах в поисках чего-то, но ничего не нашел. "Ты видела что-нибудь?" - спросил он наконец.

"Я не уверен," - ответил Сэм. И замолчал, ожидая дальнейших подсказок.

"Оказывается, Мисси действительно получила докторскую степень," - сказал Эл. "Она дипломированный гипнотерапевт. А Том работает инженером-электриком, как и предсказывал Зигги. Однако, он довольно низкоуровневый парень. Он не только разведён, но и с трудом ладит со своим начальством."

Том достал маленькую баночку и протянул её Сэму. "Не слишком крепкий, будешь?"

Сэм на мгновение растерялся. Затем он понял, что имелось в виду и

посмотрел на Тома с новой точки зрения, с сильным оттенком отвращения. - "Спасибо," - сказал он неторопливо, - "Но мне ничего не хочется. Я думаю, чашки там, наверху." - и он жестом указал на шкафчик над раковиной.

Том удивлённо моргнул. Прежде чем он успел сказать что-нибудь ещё, Сэм повернулся к нему спиной и ушёл.

Оказавшись в коридоре, он на мгновение замер в нерешительности, затем повернул в направлении, противоположном тому, которое вело обратно в гостиную. Он оказался перед коридором, полным дверей. Первая вела в ванную; открыв вторую, он услышал детский шёпот, который быстро стих.

Приоткрыв дверь, он заглянул внутрь и увидел двух темноволосых мальчиков, которые лежали на залитой лунным светом подушке, слегка прикрыв глаза. Свет отбрасывал странные тени на кровать. Он вышел и тихо прикрыл дверь.

"Они по-прежнему разговаривают?" - спросил Том у него за спиной.

"Нет," - сказал Сэм, - "Они выглядят так, будто спят". Что было чистой правдой.

"Да, похоже на то," - сказал Эл. - "Это Дэвид и Пол, сыновья Тома. Их мать зовут Джессика. Том разведён."

"Лучше бы так и было," - сказал Том. - "Если что-нибудь услышишь, то дай мне знать". Он направился обратно в гостиную.

"Итак, сегодня восьмое ноября 1989 года, и мы просто не совсем понимаем, зачем ты здесь и почему ты снова переместился в Мисси. Зигги разговаривает сам с собой. Сам с собой."

"Сам с собой," - пробормотал Сэм, продолжая идти по коридору.

"Что?" - обернулся Том, решив, что сестра обращается к нему.

"Ничего," - успокоил его Сэм. Том пожал плечами и завернул за угол.

Следующая дверь вела в ещё одну спальню, на этот раз украшенную фотографиями реактивных самолётов и пыльной деревянной моделью, стоящей на комод. Кровать была аккуратно застелена, дверца шкафа открыта, а на вешалках лежала одежда. Поперёк кровати лежала сумка для одежды. Сэм догадался, что это была комната Тома.

Напротив была приоткрыта ещё одна дверь, и он заглянул внутрь. Своей пустотой она походила на ещё одну комнату для гостей, но пара туфель

на высоких каблуках и сумочка рядом с чемоданом выдавали её обитательницу. Сэм бросил взгляд на туфли на каблуках — в данный момент Мисси была на балетках — и, усевшись на стул, принялся рыться в сумочке.

"Ты появился здесь как раз к завтрашним похоронам Джейн Робишо," - сказал Эл. - "Том и дети приехали из Омахи. Мисси не замужем. У нее практика в Лос-Анджелесе, а ты, кстати, сейчас в Портленде, штат Орегон". Он изучил данные на ручном пульте. "Похоже, это последний раз, когда семья собирается вместе. Мисси и Том писали друг другу, но последние несколько лет у них не было личных контактов, а после этого их и вовсе не было. Майор всё ещё жив, но с ним они тоже не поддерживают никаких контактов."

На лице Мисси появилась кривая улыбка. "Мне всегда было интересно, что происходит с людьми после того, как я выпрыгиваю из них," - сказал Сэм. "Теперь я это знаю. Они просто продолжают жить своей жизнью, не так ли?"

"Но они живут лучшей жизнью. Я имею ввиду, подумай, что бы случилось, если бы тебя там не оказалось."

Сэм тяжело вздохнул. "Точно. Ладно. Что, по мнению Зигги, я должен сделать на этот раз?"

"Зигги не имеет ни малейшего представления."

"Ох уж эти грандиозные технологии."

"Мы работаем над этим."

Сэм посмотрел на него язвительный взгляд. "Спасибо, это большая помощь."

"Ну, так и есть". Эл умел извлекать много пользы из обиженного тона.

Сэм взглянул на часы на тонкой золотой цепочке, обвивавшей его левое запястье. "Сейчас только девять часов. Ты хоть представляешь, о чём они говорили, или мне снова придётся идти и пытаться это?"

"Сорок два, семьдесят три, шестнадцать, хижина." - пожал плечами Эл.

Сэм сердито посмотрел на него, развернулся и направился обратно на кухню.

Майор и его сын сидели за столом, по-дружески распивая пиво и обмениваясь историями о Джейн Робишо.

"Помнишь, она сшила тебе пояс для бойскаутов?" - усмехнулся майор. -
"Она решила, что ни один из её сыновей не будет носить армейский
зелёный цвет."

"У меня был единственный в стране синий пояс Военно-Воздушных Сил," -
неловко рассмеялся Том. "Я получал от этого настоящее удовольствие."

Сэм остановился у двери, прислушиваясь. "Сколько тебе тогда было лет?"
- спросил он.

"Ох, ну сколько это было, лет тринадцать - четырнадцать?" - спросил
майор.

"Я действительно не помню точно". На лице Тома была улыбка, но Сэм
наблюдал за его рукой, сжимавшей ручку пивной кружки. Пальцы были
белыми и красными. "Я был всего лишь ребёнком."

"Она заставляла тебя надевать этот пояс на каждую встречу," -
рассмеялся майор.

"На все до единой," - согласился Том, всё ещё улыбаясь.

"Ей нравились люди в форме," - продолжал майор. - "Она следила за тем,
чтобы у тебя были белые рубашки с длинными рукавами и синие брюки,
как у меня, даже когда ты был совсем маленьким". Его голос слегка
дрожал, и он быстро выпил, чтобы скрыть это.

"Они скрывали синяки," - перебил Сэм, и его голос прозвучал резко даже
для его собственных ушей.

Двое мужчин в изумлении обернулись. "Они...скрывали что?" - спросил
майор Робишо.

"О чём ты говоришь?" - спросил Том. "Какие синяки?"

"Следы на твоих руках," - ответил Сэм. - "Она заставляла тебя носить
одежду с длинными рукавами, чтобы скрыть их."

"О чём, чёрт возьми, ты говоришь?" - спросил Том. "Какие синяки?"

Он пристально смотрел на сестру, словно пытаясь сказать ей что-то
одним лишь пристальным взглядом.

"Что, чёрт возьми, ты имеешь в виду?" - эхом отозвался майор.

Сэм переводил взгляд с одного на другого. "Синяки. На тех местах, где
она била нас."

Том закрыл глаза. "О, Боже. Только не начинай опять."

"Что?" - голос майора начинал звучать как заезженная пластинка. - "Какие синяки?"

Сэм ошеломлённо уставился на него. Даже сквозь дырявую память из-за своих скачков он помнил, как отдавал честь этому человеку, держа руку прямо, а не сложенной чашечкой, у лица, которое только что было разбито до синяков. Разве он этого не видел? Он что, даже не заметил? Или он действительно поверил в отговорку о "спотыкании" и "неуклюжести", которую придумала Джейн Робишо?

"Она психолог, папа," - сказал Том, и в его голосе послышалось презрение. "Она должна всё анализировать. Она думает, что порка - это что-то серьёзное."

"Это очень серьёзное дело..." - начал Сэм.

Том перебил его. "Почему бы тебе просто не заткнуться из-за этой ерунды? Ради бога, эта женщина мертва. Твоя мать мертва! Тебе ведь не обязательно поносить её даже в могиле, не так ли?"

"Я не..." - начал Сэм.

"Не думаю, что хочу больше это слышать," - решительно заявил майор. Он поднялся со стула, двигаясь так, словно у него болели суставы. На его лице появились новые морщины. Он посмотрел на Сэма и на Тома, и покачал головой. - "Твоя мать любила тебя. Просто помни об этом. Она очень тебя любила."

Они молча смотрели, как он уходит, прислушиваясь к его шагам по коридору, тихому старческому кряхтению, неуклюжим звукам, когда он открывал дверь своей спальни, тянулся к выключателю и закрывал от себя от нарастающего противостояния.

"Надеюсь, ты счастлива, чёрт возьми," - прорычал наконец Том. - "Я уже говорил тебе однажды, что не хотел бы получать твои письма, если в них ты всё время будешь писать о маме. Думаю, что ты могла бы уже успокоиться. В этом не было ничего особенного."

"Это то, что ты думаешь?"

"Это то, что я знаю," - подчеркнул Том, хлопнув ладонью по столу. "Так что заткнись, ясно? Меня тошнит от того, что ты выдумываешь о ней небылицы."

"Разве это была ложь?" - спросил Сэм. Ему было интересно, что же было в этих письмах, которые написала Мисси. Он предположил, что она могла в чём-то и солгать.

"Чёрт возьми, это была ложь, и ты это знаешь! И если ты скажешь папе...если ты причинишь ему еще больше боли, я...я..."

"Она была нас..." - начал Сэм.

Он не ожидал такой реакции, которую вызвали его слова. Том обогнул стол и направился прямо к нему.

"Заткнись! Заткнись, чёрт возьми! Я не хочу этого слышать! Я не хочу больше слышать ни слова об этом, ты слышишь меня! Она не была нас! Ты всё выдумываешь! Это неправда!"

Сэм невольно отступил назад, услышав ярость в голосе собеседника. Он поймал себя на том, что поднимает руку, словно желая успокоить Тома, и опустил её. Успокоить его было невозможно; он вскочил на ноги и направился к Сэму, его лицо пылало, а глаза стали почти чёрными. Он выглядел совершенно неуправляемым и обезумевшим от ярости.

Пытаясь освободить ему пространство, Сэм прижался спиной к стойке. Он попытался отступить, чтобы найти тихое место, которое ему понадобится для самозащиты...

...как Том остановился, в дюйме от прямого нападения, сбитый с толку молчанием Сэма. Он навис над Сэмом, лицо его исказилось, и он резко развернулся. - "Убирайся отсюда к чёрту," - сказал он. - "Просто уйди от меня."

"По-моему, это хорошая идея," - прокомментировал Эл. Хорошо, что Том смотрел в другую сторону; Сэм впился взглядом в своего Наблюдателя, который одарил его невинным взглядом и ткнул большим пальцем в сторону двери. Когда Сэм заколебался, Эл пошевелил бровями и снова показал большой палец. "Идём туда, Сэм."

Бросив последний взгляд на спину Тома, Сэм последовал за ним.

[ГЛАВА 22]

"Границы между Востоком и Западом, которые были закрыты из-за Железного Занавеса вот уже более тридцати лет теперь открыты для

иммиграции..." — Май 1989 года

"Я вас знаю," - сказала Мисси Робишо Вербине Бикс. "Мы раньше не встречались?"

"Я не уверена," - осторожно сказала Вербина.

"Возможно, на конференции? Я доктор Робишо."

Прошло мгновение, прежде чем Вербина смогла собраться с духом, чтобы пожать протянутую ей руку, как в этот момент взгляд Мисси упал на протянутую ей руку, и она закричала.

По крайней мере, к этой части Вербина была готова. - "Зигги!" - рявкнула она, отступая от другой женщины. "Категория третьего уровня!"

Компьютер послушно выпустил струю бесцветного газа из невидимого вентиляционного отверстия, под которым стоял Посетитель Зала Ожидания. Это было то, что им не нравилось делать — а именно каждый раз отравлять газом одно и то же тело, потому что через некоторое время эффект усиливался, но иногда это было необходимо. Они были вынуждены установить это после того, как несколько Посетителей попытались применить насилие.

Категория третьего уровня, по крайней мере, лишь немного успокоила ситуацию. Вербина подождала, пока вентилятор за её спиной не рассеял остатки химического вещества, и снова шагнула вперёд, взяв руку Сэма Беккета в свою. - "Я знаю, что это пугает," - успокаивающе начала она.

Мисси смотрела на белую комнату с белыми стенами и наблюдательный пункт на верхней площадке лестницы, на маленький столик, который они не успели убрать после последнего скачка и на Вербину, широко раскрыв глаза.

"Это сон," - пробормотала она, и её голос выдал её замешательство. - "Это тот же сон, который я видела, когда была маленькой девочкой. Точно такой же сон. Вы были в нём тогда, и вы в нём сейчас. И я в другом теле. В теле мужчины."

"Это реакция," - мечтательно произнесла Мисси, и на её лице начала появляться улыбка. "Формирование реакции на чувство беспомощности, вызванное повторным попаданием в семейную среду. И моя неосознанная

вера в то, что мужчины лучше справляются с ситуацией, выражается в том, что я нахожусь в мужском теле". Она нахмурилась. "Я думала, что справилась с этим." - и тут же пересмотрела свой взгляд. "Я могла бы написать об этом статью."

"По крайней мере, хоть кто-то из нас смог бы это сделать," - пробормотала Вербина, подводя женщину к кровати.

"О, смотрите, это та же кровать и всё такое прочее". Она подняла глаза на Вербину. - "Раньше вы были моим ангелом-хранителем. Будете ли вы им и в этот раз? Это будет хороший сон?"

"О, конечно, дорогая, не сомневайся," - ответила доктор Бикс, укладывая её в кровать. "По крайней мере, я очень на это надеюсь. Сэм! Может, ты перестанешь во всё это вляпываться?" - подумала Вербина.

"Он выглядел так, будто собирался убить тебя," - сказал Эл. "Должно быть, этот характер достался ему от матери."

Они снова были в ванной, довольно приятной комнате, оформленной в зелёных тонах. Рядом с раковиной с золотыми и пластиковыми кранами в мыльнице из ракушек лежал кусочек дезодорирующего мыла. Казалось, что по крайней мере раз в день они с Сэмом совещались в ванной, обычно не такой красивой, как в этот раз. Было не так уж плохо, когда Сэм совершал скачок в мужчину, но в глубине души Эл чувствовал себя немного неловко, когда Сэм был в женском теле, и они были вместе в ванной. Просто в этом было что-то слишком странное.

"Да, именно так он и выглядел," - сказал Сэм. "Итак? Что у тебя есть?"

"Ничего." - пожал плечами Эл.

"Ничего? Ничего? В каком смысле "ничего"?"

Эл глубоко вздохнул, вынул сигару и повторил: "Ничего. Вообще ничего. Пшик. Единственное, что Зигги может понять, это то, что ты ещё не закончил. Такое случалось и раньше."

"Нет, не случалось," - запротестовал Сэм. — "Кроме одного...я не могу вспомнить...Что-то насчёт винтовки..."

Эл снова вложил в рот сигару, отказываясь затягиваться. Зигги предположил, что у Сэма, вероятно, была очень веская причина для таких

провалов в памяти, и Эл не собирался их заполнять, если в этом не было необходимости. Особенно провалы в памяти, связанные с предыдущими скачками. Но, похоже, он сохранил необходимую информацию о Мисси, так что, вероятно, было достаточно безопасно говорить с ним об этом. Конечно, Зигги также предположил, что у него была очень веская причина, чтобы дважды переместиться в Мисси Робишо, но компьютер пока не смог её вычислить.

"Похороны завтра утром." - снова взял разговор в свои руки Эл. - "На следующий день Том с детьми отправятся домой, и ты тоже."

"Оставив майора здесь?"

"У него здесь есть друзья и всё такое прочее." - кивнул Эл. "С ним всё в порядке. Всё ещё жив, даже в наше время. Может быть, только стал немного медленнее. И Том тоже жив, и Мисси. На этот раз никто не умрёт. Они просто больше не соберутся вместе."

"Что ж, это хорошее изменение. Я имею в виду, то, что они не умрут." - Сэм прислонился к стойке в ванной и скрестил руки на груди.

Эл склонил голову набок, наблюдая за ним. - "Разве это не забавно?"

"Что именно?"

"Ты знаешь что." - Эл изобразил, что скрестил руки на груди, держа их на достаточном расстоянии от груди. Сэм опустил взгляд на руки, прижатые к его груди - груди Мисси.

"А. Это. Нет. Я больше не обращаю на это внимания."

"Я бы не смог," - пробормотал Эл. Сколько бы раз это ни повторялось, он не мог смириться с мыслью, что мужчина находится в женском теле. Почему-то это казалось неправильным.

"Не сомневаюсь, что не смог бы," - согласился Сэм. - "Не могли бы мы вернуться к делу, пожалуйста? Зигги не собирается назвать мне какие-нибудь шансы на что-нибудь?"

Эл покачал головой и хлопнул по ручному пульту, который взвизгнул в знак протеста. "Нет. Ничего."

"Эл, как я смогу выпрыгнуть отсюда, если ничего не изменю?" - в голосе Сэма слышались нотки отчаяния. "Неужели я проведу остаток своей жизни в качестве Мисси Робишо?"

"Будь я проклят, если знаю". Двое друзей беспомощно уставились друг на

друга.

"Значит, ты тоже думаешь, что сегодня вечером ничего не произойдёт?"

Эл покачал головой.

"Тогда иди и выбей для меня какие-нибудь данные из Зигги. А я пойду спать."

Эл приоткрыл рот.

Но Сэм опередил его. - "Нет, ты не будешь смотреть, как я раздеваюсь."

Наблюдатель изобразил на лице обиду при одном только этом предположении, открыл дверь Голографической Камеры и удалился.

Какая-то часть сознания Сэма нисколько не удивилась, когда ни свет ни заря его разбудили звуки движения людей. К счастью или нет, но он был более чем хорошо знаком с рассветом, когда мальчишкой работал на ферме.

"Месса ровно в восемь утра," - крикнул майор из-за двери спальни. "Уже шесть. Давайте выдвигаться."

И что, никаких "восьмиста часов"? -думал Сэм, чистя зубы и накладывая макияж. Неплохо, подумал он, оценивая результат. Хорошо, что Мисси по жизни не любила наносить много слоёв. Он терпеть не мог возиться с тушью и подводкой для глаз — каждый раз ему казалось, что он вот-вот выколет себе глаз.

Нижнее белье больше не было проблемой; иногда он думал, что мог бы обменяться советами по колготкам с трансвеститами и , фактически, сделать на этом новую карьеру, если бы с квантовой физикой что-то не заладилось. Конечно, если бы это когда-нибудь произошло, это означало бы, что он застрял во времени, и он точно не был бы трансвеститом. Транссексуалом?

Нет, чёрт возьми. Он был Сэмом Беккетом. Если скачки и научили его чему-то, так это тому, что главное - это человек, которым ты являешься внутри, а не снаружи. Важен тот, кто внутри. На самом деле не имело значения, мужчина ты или женщина, чёрный, красный или белый, супер-гений или слегка отсталый; важно было то, каким человеком ты был. Иногда он думал, что в этом и заключается смысл квантового скачка.

Он нашёл висевшее в шкафу тёмно-зеленое платье, решил, что оно подойдёт для похорон, и надел его. Следующей проблемой были туфли. Стиснув зубы, он просунул в них ноги и попрактиковался в ходьбе взад-вперёд по ковру в спальне, стараясь, чтобы его шаги контролировались и рефлексам тела. Это было непросто. Тело, может, и знает, как ходить в этих проклятых штуках, но в глубине души он был уверен, что ни одно человеческое существо не должно ходить с таким постоянным наклоном. Он никогда не сможет привыкнуть к высоким каблукам.

Он был готов, как никогда, и, пошатываясь, направился на кухню, где встретился с двумя мужчинами и мальчиками-близнецами. Дэвиду и Полу было около семи лет и они уже были достаточно взрослыми, чтобы распознать в нём Сэма Беккета; он серьёзно поздоровался с ними. У обоих были фиалковые глаза и тёмно-каштановые волосы - семейные черты, унаследованные от отца и тёти. У обоих волосы были зачёсаны назад, на них всё ещё виднелись бороздки от расчёсок, и они были одеты в одинаковые синие костюмы, миниатюрные копии отцовских. Что-то в них в них перекликалось с зеркальными фотографиями их родной бабушки и двоюродной бабушки, которые тоже были близнецами. Как вспоминал Сэм, близнецы переходили из поколения в поколение.

"Руки?" - требовательно произнёс их отец.

Они протянули свои розовые от мытья руки, поворачивая их то ладонью вверх, то ладонью вниз, чтобы продемонстрировать их чистоту.

"Сойдёт."

Сэму показалось, что они обменялись взглядами, но это случилось слишком быстро, чтобы это можно было истолковать.

Майор был одет в тёмно-серый костюм, жилет с золотыми пуговицами и безупречно выглаженную белую рубашку. Его запонки были в тон пуговицам жилета. Он носил костюм так, словно это была униформа.

Глядя на него, Сэм не мог обнаружить никаких видимых признаков горя. Стивен Робишо посмотрел на часы. "Давайте отправимся в путь, хорошо?" - сказал он.

Это был, по меньшей мере, странный способ отнестись к похоронам жены. Если бы Сэм не видел выражения лица мужчины накануне вечером, он мог бы подумать, что это событие вообще ничего для него не значит.

Они забрались в седан, Сэм - между двумя мальчиками на заднем сиденье, Том и майор - впереди, и поехали навстречу обычному осеннему

утру. На первом же мосту, который они проехали, мальчики радостно закричали, но резкий окрик отца заставил их замолчать. После этого они выглянули в окна и, как только поняли, что Сэм не возражает, наклонились вперёд, чтобы обменяться взглядами и указать на новые достопримечательности в полной тишине.

Церковь не была похожа на американскую часовню. Единственное, что у неё было общего с местом, где Сэм в последний раз присутствовал на мессе, это купель со святой водой прямо у входной двери. Алтарь находился на вершине трёх рядов скамей, разделённых двумя широкими проходами; за ним к небесам тянулся абстрактный витраж, отбрасывая голубые, жёлтые и зеленые тени на немногочисленных прихожан, собравшихся на утреннюю службу в четверг.

Они сели на первую скамью в дальнем ряду справа. Перед ними на носилках стоял медный гроб. Сэм убедился, что он в самом конце, и стал ждать, когда появится Эл. По крайней мере, подумал он, он уже однажды проходил через это массовое мероприятие и мог вспомнить жесты и реакцию.

Появление священника разуверило его в этом. Сравнивая это богослужение с тем, на котором он присутствовал раньше, он с трудом нашёл сходство. Молитвы были на английском, а не на латыни, священник сидел лицом в другую сторону, а переводы были плавными. Да и коленопреклонений, похоже, было не так уж много.

Эл появился на середине службы. Сэм состроил ему недовольную гримасу, а Эл в ответ лишь пожал плечами. "Эй, Сэм, это современная месса. Я знаю её не лучше тебя."

Сэм заметил, что его голос всё ещё звучал шепотом. Возможно, можно было изгнать распутника из Церкви, но не Церковь из распутника.

Это была не только современная месса, но и совсем не похоронная. Проповеди не было. В середине службы священник и два прислужника подошли, чтобы окурить гроб благовониями, при этом дымящаяся золотая кадильница раскачивалась взад-вперёд и крест-накрест, наполняя воздух жгучим ароматом благовоний.

Тем не менее, ему удалось пройти через это. На этот раз священник отпустил их, произнеся по-английски: "Идите, месса окончена."

Они ушли, но запах благовоний по-прежнему держался на их одежде. Сэм сделал глубокий вдох, чтобы избавиться от запаха в лёгких. Майор не стал задерживаться, чтобы поговорить со священником после этого.

"Я хочу забрать кое-что из страховых вещей и одежды," - сказал он. -
"Давайте вернёмся в дом и разберёмся с этим, а потом пойдём пообедаем."

"А мальчишки не голодны?" - поинтересовался Сэм. Его не особенно беспокоила перспектива пропустить завтрак, но он удивился тому, что майор так легкомысленно отнёсся к нуждам детей.

И майор, и Том выглядели удивлёнными. - "Они могут подождать," - отрезал Том. "У нас есть дела."

"Они не могут подождать," - твёрдо ответил Сэм. "Я сама их накормлю."

Холод, который вызвали эти слова, сохранялся до тех пор, пока они не вернулись в дом. Майор держал свои чувства по поводу нарушения субординации при себе. Том равнодушно пожал плечами. К тому времени, как они вернулись в дом, накормить детей было главной задачей на повестке дня. Сэм отвёл мальчиков на кухню и начал готовить тосты с корицей.

"А как насчёт яиц?" - предложил майор.

Сэм вздрогнул и покачал головой. - "Нет, спасибо. Если только у вас нет браконьера, который любит такие твёрдые яйца, что их можно прибить гвоздями к стене. У меня пунктик насчет яиц."

"Поступай как знаешь". Майор недовольно огляделся по сторонам. -
"Когда закончишь, тебе нужно осмотреть сундук твоей матери. Посмотри, есть ли там что-нибудь, что тебе нужно. От остального мы избавимся. Отдадим это на благотворительность или ещё куда-нибудь."

Сэм поморщился, размышляя, не следует ли ему приберечь что-нибудь для Мисси. Теперь появилась причина, в которой он как будто бы нуждался, для того, чтобы поскорее убраться отсюда: позволить ей самой выбрать воспоминания о своей матери.

Хотя, если подумать, возможно, лучше всего ей было бы вообще не иметь никаких воспоминаний.

Сундук был задвинут в дальний угол гардеробной, как будто в нём хранились бесполезные вещи, которые никогда не понадобятся, но которые были слишком хороши, чтобы их выбрасывать. Сэм вытащил его

из угла и открыл крышку.

Две пары фиалковых глаз заглянули ему за плечи.

"О," - сказал один из мальчиков. Сэм подумал, что это, возможно, Пол, хотя, честно говоря, он не мог их различить. "Это просто бумага и мусор. Здесь нет ничего хорошего."

Сэм одарил его ухмылкой. В чемодане лежал отрез ирландской льняной скатерти; если его отодвинуть, то обнаружили несколько картонных коробок и папок из плотной бумаги. Он вытащил одну из папок и стал листать её наугад. В ней были вырезки из рецептов и инструкции по шитью. В первых двух коробках была пыльная, вышедшая из моды обувь. Мальчики, которым было скучно, вышли из комнаты.

Он продолжал копаться. В другой папке хранились табели успеваемости Мисси и Тома, начиная ещё с детского сада. Ещё в одной содержались все счета за лечение, полученные начиная с сентября 1961 года и продолжавшиеся в течение следующих двенадцати лет. Сверху была прикреплена запись о сломанной руке Мисси и записка от врача, в которой говорилось, что пациентка не может вспомнить, как получила травму.

В одной из коробок были чёрно-белые и цветные фотографии в разной степени сохранности, в том числе снимки выпускных вечеров Мисси и Тома, начиная с восьмого класса и заканчивая получением докторской степени — по крайней мере, Мисси; Том, похоже, не прошёл дальше степени магистра.

В коробках были и другие вещи. Он разобрал, сложил и в конце концов вернул почти всё в сундук, не в силах решить, что оставить, а что выбросить.

Но был один предмет, который он решил оставить. Он решил, что покажет его Тому. Может быть, это поможет. Чем именно поможет, он не был уверен.

[ГЛАВА 23]

"Больше ничто не будет прежним." - Вилли Брандт, ноябрь 1989 года

Сэм вышел из спальни в гостиную и увидел, что Том смотрит на своих сыновей с выражением крайнего отвращения на лице. Сэм понимал почему. Некогда безупречные синие костюмы были мятыми и грязными, а у одного из мальчиков на колене брюк образовалась дыра.

"Не могу поверить, что у вас не хватило ума переодеться," - с горечью говорил их отец.

"Мы играли," - сказал один из мальчиков.

"Не смей мне перечить! Чёрт бы тебя побрал, не смей мне перечить! - Том поднял руку, и Сэм подался вперёд, чтобы предотвратить удар. Но он остановился, увидев, как мальчики подняли головы, увидев приближающегося Сэма и обернулся.

"Ты можешь поверить этим детям?" - устало сказал он. "Посмотри на них. Они никогда больше не смогут носить эти костюмы."

"Скорее всего, они вырастут из них раньше, чем у них появится желание их носить." - сказал Сэм, внимательно наблюдая за ним.

"Не ищи для них оправданий. Они придумывают множество своих собственных. Они всегда огрызаются. Я не могу в это поверить. Мы с тобой никогда не огрызались так, как эти дети."

Сэм, который никогда не слышал, чтобы дети, о которых шла речь, возражали ему, и слишком хорошо помнил, что произошло, когда Мисси и Том поступали так же, промолчал.

"Ты видел новости?" - спросил он вместо этого. "Они рушат Берлинскую стену."

Том кивнул. Затем, словно спохватившись, он повернулся к мальчикам. "Вы свободны. Идите, приведите себя в порядок и переоденьтесь. И я больше никогда не хочу видеть вас играющими в своей хорошей одежде. Никогда, вы меня понимаете?"

"Да, сэр," - хором пробормотали оба и сорвались с места.

Том посмотрел им вслед, качая головой и проводя рукой по волосам. "Честно говоря, я иногда не знаю, что делать с этими детьми. Возможно, им всё-таки было бы лучше с матерью. Хотя она никогда не слышала о дисциплине. Каждый раз, когда они приходят в гости, она позволяет им бесчинствовать. Когда я возвращаю их обратно, это сущий ад - приводить

их в порядок. Детям тяжело ходить туда-сюда."

Сэм кивнул. - "Эм, Том, мы могли бы немного поговорить об этом?"

Том рассмеялся. - "Что, теперь моя младшая сестра-психолог будет учить меня, как воспитывать детей?"

"Ты действительно не помнишь, как мама нас била?"

Лицо Тома превратилось в маску. "Я помню, что она была строга с нами. В этом нет ничего плохого. Дети должны научиться уважать своих родителей."

"Она была более чем строгой. Разве ты не помнишь, как она ударила меня в то утро, когда меня подняли по тревоге, за то, что я недостаточно быстро съела яйцо всмятку?" - Сэм увидел как позади Тома открылась дверь Голографической Камеры и из неё вышел Эл, чтобы присоединиться к ним.

"Его там в тот момент не было," - сказал Эл. - "Он всё ещё был в своей комнате, собирал вещи для побега. Но пусть это тебя не останавливает, Сэм, ты на правильном пути."

"Нет," - ответил Том, крепко сжав губы. - "Я помню, что говорил тебе, что больше не хочу об этом говорить."

"Разве ты не помнишь, как помогал мне убирать в тот день? Это был день, когда ты сбежал. Это был день, когда я сломала руку. В тот день, когда мама..." — он запнулся, внезапно осознав, что Тому, вполне возможно, так и не сказали, что его мать пыталась покончить с собой. Он не был уверен, поможет ли использование эвфемизма в данном случае делу или навредит. - "В тот день, когда мама приняла таблетки и спиртное," - сказал он, предпочитая говорить чистую правду, - "И нам пришлось вызывать скорую помощь."

"Я помню, как она заболела," - сказал Том. "Но не всё остальное. Я не думаю, что всё остальное вообще когда-либо происходило. Ты просто выдумываешь всё это, используя это как предлог, чтобы не жениться и не заводить семью". Он покачал головой. - "Это твоё психологическое дерьмо никогда никому не приносило пользы. Ни маме, ни кому-либо ещё."

"Вероятно, это удержало её от убийства дочери," - сказал Сэм очень мягким голосом. "Ты действительно не помнишь, да? Ты всё это заблокировал."

"Ну, либо я всё это заблокировал, либо этого никогда не было с самого

начала," - резко ответил Том. "И поскольку у меня, похоже, всё в порядке с моей жизнью, то я знаю, какой ответ считаю правильным."

"Да? У тебя, похоже, не всё в порядке," - усмехнулся Эл. - "Ты развёлся, тебя уволили, ты потерял повышение на своей последней работе. Правда всё в порядке, не так ли?"

"Ты помнишь это?" - спросил Сэм, протягивая то, что он принёс с собой, то, что он нашёл в одной из коробок в сундуке, и то, что было бережно сохранено.

Что-то промелькнуло в выражении лица Тома, когда он взял в руки модель биплана, осторожно поворачивая её, словно изучая качество изготовления. "Это что, одна из моих старых игрушек? Где ты её откопала?"

"Он был в сундуке. Мама сохранила его. Ты уверен, что не помнишь? Это тот самый, который сломался в тот день, когда ты сбежал. Она сохранила его. Она пыталась его починить. Смотри". На одном крыле было немного клея, неумело нанесённого на корпус самолёта.

Том прикусил нижнюю губу и покачал головой. - "Нет. Это просто сломанная игрушка. Видит Бог, у нас дома их предостаточно. Эти дети не могут сохранить свои игрушки в целостности и сохранности. Ты собираешься оставить это себе?"

"Я надеялась, что ты захочешь это сделать," - тихо ответил Сэм, начиная терять надежду. Он действительно верил, что вид маленького биплана, который так бережно хранился так долго, пробудит в нём воспоминания, чтобы он увидел связь между тем, что он делал со своими сыновьями, и тем, что делали с ним много лет назад.

"Этого недостаточно," - сказал Эл. "Он действительно глубоко это закопал."

Наблюдатель и Руководитель Проекта наблюдали, как Том Робишо выбросил игрушку в удобную корзину для мусора. "На этом наш сеанс заканчивается?" - спросил он. - "Отправь свой счёт в мой офис, сестрёнка. И перестань доставать меня этим, ладно? С меня хватит твоих фантазий об избиении. Если хочешь знать моё мнение, то это ты больная."

"Я открыт для предложений," - сказал Сэм позже, разговаривая с Элом в

задней спальне. Он извинился перед Томом и майором, сказав им, что собирается заняться сортировкой одежды. Тем временем он вытащил модель из мусорной корзины и тщетно пытался выпрямить покорёженную стойку. "Я действительно думал, что, увидев это, он вспомнит."

"Может быть, он на самом деле помнит," - предположил Эл. - "Он просто не хочет этого признавать. Мисси говорит, что боится, что он пойдёт по тому же пути, что и Джейн. Перенесёт жестокое обращение на своих детей. Такое часто случается. По её словам, большинство людей, которые жестоко обращаются с детьми, сами в детстве подвергались насилию. Они не считают это жестоким обращением, потому что это то, с чем они выросли. Они думают, что это нормальная дисциплина."

"Я не могу поверить, что кто-то действительно думает, что избивание ребёнка - это правильный способ его дисциплинировать."

"Тебя никогда не шлёпали в детстве?"

"Ну, да, раз или два, но только когда я этого заслуживал."

"Джейн била своих детей только тогда, когда они этого заслуживали," - отметил Эл. "Всё зависит от мнения окружающих. Или от стандартов, с которыми ты вырос."

"Я не подвергался насилию," - сказал Сэм, сразу же встав на защиту своих родителей. "Я знал, что мои родители любят меня."

"Никто и не говорил, что они тебя не любили. Но одна или две порки в детстве - это не то же самое, с чем Том и Мисси росли до того, как Джейн пошла на терапию."

"Так что же случилось, она нашла волшебное средство и просто чудесным образом исцелилась?" - начал расстраиваться Сэм.

"Волшебных средств не существует. Но она научилась контролировать себя, как только поняла, что делает. Она ведь тоже любила своих детей. Так же, как Том любит своих."

Сэм кивнул, вспомнив о папках и фотографиях. - "И что я должен делать?"

"Ты уже сам понял это," - сообщил ему Эл. "Ты здесь для того, чтобы разорвать цепь жестокого обращения. Чтобы остановить Тома до того, как он действительно начнёт это делать. Иначе эти дети пострадают так же, как и он, и это никогда не закончится."

"Как я могу это сделать, если он даже не признаёт тот факт, что

подвергался насилию? Он даже не хочет говорить об этом!"

Эл пожал плечами. "Ты меня подловил," - признал он. "Я думал, что модель самолёта сама сделает своё дело."

"У Зигги есть какие-нибудь идеи?"

"Сэм, если у тебя нет идей, а у меня их точно нет, вряд ли Зигги сможет что-нибудь придумать. Я имею в виду, он, конечно, умный, но он по-прежнему всего лишь компьютер."

"А как же Мисси? А Вербина?"

"Вербина говорит, что если обидчик признает проблему, это уже полдела. Том просто не хочет это сделать, вот и всё."

"Жаль, что ты не можешь воспроизвести для него тот день," - пробормотал Сэм. - "Он может думать, что забыл об этом, но я уверен, что это не так. Я не понимаю, как кто-то может забыть что-то подобное."

"Он не забыл этого, он отрицает, что это когда-либо происходило." - Эл ткнул пальцем в ручной пульт. "Может быть, если бы мы могли устроить для него голограммное световое шоу...Нет. Зигги говорит, что это не сработает. Я не знаю, как ты собираешься это сделать, Сэм. Но Зигги говорит, что ты должен найти какой-то способ, иначе ты не сможешь прыгнуть."

Ужин в тот вечер выдался непростым. Сэм рано понял, что отец и брат Мисси ожидают, что хозяйка дома позаботится о приготовлении еды, поэтому он взял мальчиков с собой на кухню и приготовил спагетти, игнорируя тщетные попытки Эла попробовать соус и высказать кулинарную критику. У них хорошо получилось накрыть на стол, и им пришлось всего один раз вернуться за нужным количеством посуды. В массивном посудном шкафу в столовой хранились хрусталь и фарфоровая посуда, которые он помнил, но он решил использовать вместо них более обычный, почти современный фарфор и пластиковые стаканы из шкафчика над посудомоечной машиной.

Он попросил Дэвида нарезать листья салата, а Пола - почистить морковь, а сам поставил кипятить воду для макарон.

"Ты же не собираешься использовать одну из этих смесей для соуса,

правда?" - расстраивался Эл. "Сэм, всё, что тебе нужно сделать, это взять немного свежего орегано..."

Сэм, не имея возможности ответить из-за присутствия близнецов, закрыл глаза и погрузился в мрачные мысли. Несмотря на сомнительную помощь голограммы, шеф-повару и его помощникам удалось создать приемлемое подобие блюда. В конце концов Эл сдался и вернулся на Проект, чтобы приготовить собственное итальянское блюдо — "без использования этих чёртовых смесей", как он выразился Сэму.

Майор и Том, казалось, одобрили это. По крайней мере, они ели с явным удовольствием.

"Поаплодируем Полу и Дэвиду," - потребовал Сэм, пока Том справлялся с последним кусочком домашнего чесночного хлеба. "Без них я бы не справилась."

"Мы сделали салат сами," - застенчиво сказал Дэвид.

"Что ж, я думаю, вы проделали чертовски хорошую работу," - прорычал майор и зааплодировал, как было велено. Через мгновение Том присоединился к нему, а Сэм посмотрел на сияющие лица мальчиков. Как можно было видеть это и не понимать разницу между этим и обычным отсутствием выражения лица у его сыновей? Том думал, что они уважают его. Сэм назвал бы это страхом.

"Значит, когда вы вырастаете, то станете шеф-поварами и будете носить белые колпаки?" - съязвил Том. "Вы будете выглядеть довольно глупо."

"Мы не будем глупыми," - сказал Пол.

"Если я говорю, что вы глупые, значит, так оно и есть". Это прозвучало как шутка, но она таковой не являлась. Майор перестал хлопать и посмотрел на своего сына.

Но он ничего не сказал. Сэм понял, что он видит, что происходит, точно так же, как двадцать восемь лет назад он видел синяки. Но тогда он был готов принять эти синяки за результат несчастного случая, а сейчас собирался отнестись к замечанию Тома как к шутке.

И Сэм тоже оказался в ловушке, потому что, если бы он поднял этот вопрос сейчас, это привело бы к чрезмерному преувеличению всего инцидента. Но он должен был что-то сказать. "Вы можете выглядеть глупо," - предположил он, - "Но всё равно из вас получились бы отличные повара."

Как только эти слова слетели с его губ, он почувствовал отвращение к самому себе. Ну почему, он не смог придумать что-нибудь более уничижительное для Тома и более поддерживающее детей?

Возможно, через три скачка он что-нибудь придумает.

Тем временем мальчики бросали на него благодарные взгляды, а Том качал сам себе головой.

Они закончили ужинать, и мужчины перешли в гостиную, чтобы продолжить разговор о мировых событиях и футболе, а Сэм с мальчиками остались прибираться. Пол выбросил в мусорное ведро морковную кожуру и остатки салата, а Дэвид сполоснул посуду и поставил ее в посудомоечную машину. Сэм, наконец, понял, что мешает им, и отошёл в сторону, чтобы дать им возможность поработать.

"Вы всё время занимаетесь этим дома?" - спросил он.

"Да," - хором ответили они. - "Что-то не так?" - добавил Дэвид, стоя посреди кухни с тарелкой в руках. - "Мы всё делаем правильно. Не так ли?"

"Конечно," - заверил его Сэм. - "У вас отлично получается."

Они закончили, и он отправил их обратно в комнату поиграть с игрушечными грузовичками. Он задержался у двери в гостиную, прислушиваясь к разговору о Горбачёве и Хонеккере, перестройке и гласности, открытии международных границ и падении стены. Он помнил, как много лет назад участвовал в подобных разговорах, когда работал над Проектом "Звёздный Свет".

Но сейчас у него не было ни малейшего желания ввязываться в их обсуждение, а они, в любом случае, не проявляли ни малейшего желания приглашать его к участию. Майор поднял глаза и сказал: "Я бы выпил ещё чашечку кофе, дорогая," - и продолжил разговор.

Сэм отнёс чашку на кухню, снова наполнил её и принёс обратно. Он сел в одно из кресел, скинул туфли и поджал под себя ноги — что было очень удобной позой в этом теле. Разговор продолжился. Он внёс один или два вклада, которые, в основном остались незамеченными. Через некоторое время Эл появился снова, оценил ситуацию и занял уголок дивана напротив майора, добавив свой собственный комментарий. Информация о том, что Зигги не придумал ничего нового, была побочной.

Сэм был уверен, что майор не хотел, чтобы его дети утром уезжали. Он рассказывал о многомесячных беседах, наблюдениях, инструкциях,

которые должны были показать, что он по-прежнему отец, по-прежнему важный человек в своём доме. Но по мере того, как становилось всё позднее, он начинал угасать и, наконец, поймал себя на том, что подавляет зевоту, и резко решил пойти лечь спать.

Сэм, Том и Эл остались, разделив несколько мгновений тишины и покоя, Том допивал свой кофе, Сэм лихорадочно пытался придумать способ убедить этого человека разобраться с прошлым, прежде чем он покинет Портленд и влияние своей сестры навсегда, а Эл отравлял атмосферу Голографической Камеры хорошей сигарой и безграничным удовлетворением.

"Тебе следует делать это почаще," - сообщил Сэму наблюдатель.
"Давненько у нас не было такой "бычьей" сессии, как эта."

Сэм раздражённо моргнул. Он не мог ответить прямо. К тому же, были более важные проблемы, с которыми нужно было разобраться.

"Они хорошие мальчики," - наконец сказал он.

"Ты же не собираешься начинать всё сначала, правда?" - улыбнулся Том.

У Сэма мурашки побежали по коже. Угроза была скрыта в словах, а не в тоне. Казалось, что эти слова уже использовались раньше, бесчисленное количество раз, и каждый раз инцидент заканчивался насилием.

И каждый раз...он удивлялся. Как Том мог не помнить? Насколько глубоко были заперты эти воспоминания, что ему было так отчаянно важно не выпустить их наружу?

Он встал и пошел в спальню, взял игрушечный самолётик и отнёс его обратно в гостиную, где по-прежнему сидел Том.

Эл увидел модель и выражение лица Сэма. - "О, вау. У тебя есть идея, не так ли?"

Сэм мрачно улыбнулся. Может быть, Зигги и не смог бы воспроизвести это для Тома, но у него, Сэма Беккета, не зря была фотографическая память. И он, Сэм Беккет, был единственным, кто мог воспроизвести это. Потому что он был там.

"Не нравится мне всё это," - сказал Эл.

Тому тоже. "Что, чёрт возьми, это значит?" - спросил он. "Я же сказал тебе, что эта тема закрыта."

"Я знаю, что ты сказал," - ответил Сэм. Он поставил модель на

журнальный столик между ними, подперев сломанную стойку, чтобы она выглядела целой. - "Ты действительно не помнишь, как это произошло?"

Том посмотрел на модель и пожал плечами. "Наверное, я наступил на неё."

Сэм подумал и кивнул. - "Что-то в этом роде." - он наклонился вперёд на стуле, поставив ноги на пол.

"Ты что, не помнишь, как выглядела твоя комната в Хайнерберге?" - спросил он. Она была перед ним, как картинка в стереоскопе, дар фотографической памяти, когда ещё не было никаких дыр. "С потолка у тебя свисали модели самолётов. У тебя были "Фоккер", "Москито", бомбардировщик В-52 и один из тех больших транспортных самолётов, названия которых я никогда не знала. Помнишь?"

Том беспокойно заёрзал, качая головой. - "И что? У каждого ребёнка были самолёты."

"У тебя на покрывале были самолётики. С фотографиями пилотов в красных шёлковых шарфах и защитных очках. Помнишь, Том? И у тебя был один из этих ковриков, ворсистый, и на нём был самолётик...а что за самолётик был на коврике?"

"Мессершмидт. Это немецкая модель. Мама сделала её для меня."

Сэм кивнул. "Да. Мессершмидт". Он протянул руку и коснулся пальцем крыла деревянной модели. "Но ты же построил остальные. Те, что свисали с потолка, и те, что лежали на столе, готовые, которые ты ещё не успел повесить. В комнате пахло клеем, авиационным клеем. Ты потратил на это много времени, не так ли? Строить эти самолёты было очень весело."

"Да, и что?"

"Это заняло много времени. Много усилий. Не так ли? Ты помнишь, каким осторожным тебе приходилось быть..."

"О, да перестань ты! Да, я был осторожен! Я был ребёнком! Это было детское хобби! Ну и что?". Он начал подниматься на ноги.

"Ну и что?" - повторил Сэм, стараясь говорить как можно тише и неприятнее и стараясь как можно больше подражать голосу Джейн Робишо в тот далёкий понедельник днём. - "Не смей разговаривать со мной таким тоном!"

Том отшатнулся. — "Что..."

Взмахом правой руки Сэм сбросил модель со стола, так что она врезалась в стену, и поднялся на ноги, нависая над мужчиной на диване. "Не смей мне перечить! Чёрт тебя побери, не смей мне перечить! Ты маленькое неблагодарное чудовище! Монстр!"

"Всё, что ты хотел, это что-нибудь поесть," - продолжал Сэм своим собственным голосом, но всё ещё крича, продолжая ускользать. "Ты опоздал. Папа пришёл домой и снова ушёл, мы поужинали, а тебя там не было и всё, что ты хотел, это что-нибудь поесть! Помнишь? Помнишь?". Он отошёл на достаточное расстояние, чтобы собрать части модели и сунуть их под нос мужчине. "Ты работал над этой моделью. Этой моделью!"

Его голос снова стал таким, как у Джейн Робишо много лет назад. "Ты пришёл домой поздно. Твой отец был здесь на ужине!" - закричал он мужчине на диване. "Твой отец был здесь, а тебя не было дома! Он звал тебя, а ты не пришёл! Где ты был? Ты ленивый, бесполезный, непослушный мальчишка! Ты не заслуживаешь иметь отца! Ты не заслуживаешь иметь семью! Разве не это она сказала тебе в тот день? Не так ли? И она сказала, "Ты никогда не делаешь, что тебе говорят!", а ты ответил: "Всё, чего я хотел, это чего-нибудь поесть!" Что ты собираешься делать, уморить меня голодом?"

"И что случилось потом? Что случилось, Том? Что было дальше? Ты ведь помнишь, не так ли? Что было дальше?"

"Она ударила меня," - сказал он, вжимаясь в подушки. - "Она ударила меня, сбила модели и сломала их. Она впечатала меня в стену и сломала её..."

"И что случилось потом?" - неумолимо спросил Сэм, наседая на него. "Что было дальше, Том?"

"Я...ударил...её...в...спину...и убежал," - выдохнул он. — "Я убежал, а потом была тревога, пожар, и ты пришла..."

"Почему ты убежал, Том? Почему ты убежал?"

"Потому что она била нас, кричала на нас, и обзывала нас по-всякому!" - Том на глазах распадался, сокрушённый теми воспоминаниями, которые на него обрушил Сэм.

"И это было больно, не так ли?". Сейчас он уже не мог остановиться. Пока ещё не мог. Краем глаза он заметил, что Эл, забыв о сигаре, уставился на него с открытым ртом, и понял, что майор стоит в дверном проёме прямо за пределами его поля зрения. - "Было больно, не так ли?"

"Я был плохим!" - простонал Том, теперь уже открыто рыдая. "Я не прошёл регистрацию! Я огрызался! Я заслужил это!"

"Нет," - ответил Сэм уже почти нормальным голосом. У него болело горло. Но это не имело значения. Он продолжал идти к своей цели. - "Ты этого не заслуживал. Если ты помнишь, что случилось с тобой, то ты помнишь и то, что случилось со мной. Никто из нас этого не заслужил. Ни один ребёнок не заслуживает такого обращения. Мы не заслуживали этого тогда, и твои дети не заслуживают этого сейчас."

"Я...я не бью своих детей," - выдохнул Том.

"Начнём с того, что твоя мать тоже этого не делала," - сказали Сэм и Эл почти одновременно и обменялись удивлёнными взглядами.

"Всё начинается не с ударов," - продолжал Сэм. "Всё начинается с крика. И ты кричишь на своих мальчиков точно так же, как твоя мать кричала на тебя двадцать восемь лет назад. Сегодня днём ты чуть не ударил их за то, что они порвали одежду. Ты это видишь? Чёрт возьми, Том, ты сейчас это видишь?"

Он не поднимал глаз на Сэма, но посмотрел на обломки модели, взял их в руки и кивнул. - "Она говорила нам всё это," - прошептал он. - "Именно так и я тоже научился это говорить. Это те слова, которые произнесла ты". Затем он перевёл взгляд и встретился взглядом со своей сестрой. "Я помню. Именно так всё и произошло. Я помню."

"Нет!" - сказал майор, стоя в дверях. "Нет! Я в это не верю! Ты всё выдумываешь! Ты лжёшь!"

Он смотрел в лицо своим детям и всё это отрицал, отрицал слёзы своего сына, незнакомый прежде гнев дочери.

"Ты видел моё лицо, когда вернулся домой в тот день," - сказал Сэм. - "Ты всё видел."

"Ты упала на журнальный столик! Ты всегда на что-нибудь падала!"

"Меня толкнули. Я получила пощёчину. Меня ударили сжатым кулаком. Меня отбросило к стене."

"Лгунья". В тоне старика слышались крайнее отвращение и осуждение. "Лгунья."

"Нет. Я не лгунья."

"Она не лжёт," - сказал Том. "Это было на самом деле. Я всё это помню."

"Лгунья," - повторил старик. - "Я хочу, чтобы ты убиралась из моего дома. Я хочу, чтобы ты ушла и никогда не возвращалась. Твоя мать любила тебя. Она никогда тебя не била."

"Джейн Робишо любила своих детей," - чётко сказал Сэм. "Она любила их отчаянно. И ей было ужасно больно. И в результате она каждый день подвергала их жестокому обращению, словесному и физическому. Она подавляла их как словами, так и ударами. Она говорила им, что они глупые, что они ничего не стоят. Она била их и говорила, что они сами виноваты в том, что их ударили. И поскольку они были детьми, то они верили ей, и теперь Том делает то же самое со своими детьми, с детьми, которых он любит, потому что его учили, что именно так нужно любить кого-то. И я хочу, чтобы это всё прекратилось прямо сейчас."

"Лгунья," - повторил старик и повернулся к нему спиной.

"Он тебе ни за что не поверит," - сказал Том. - "Он не увидел всего этого тогда и не поверит в это сейчас."

"Дело в том, захочешь ли увидеть это ты? Собираешься ли ты обратиться за помощью?"

"Это то, о чём ты говорила в своих письмах?"

"Именно так," - согласился Сэм. "Ты собираешься это сделать?"

Том посмотрел на модель в своих руках. - "Я люблю своих детей". Он подавил всхлип, удивившись сам себе. - "Я люблю своих детей."

Вот и всё. Момент завершения. Осознания правильности. Искупления.

"Бинго," - сказал Эл.

И Сэм совершил квантовый скачок...